

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ХАТЛАМАДЖИЯН МАРГАРИТА АРШАЛУЙСОВНА

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент **А.В. Ленец**

Ростов-на-Дону

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	15
1.1. Невербальное общение как важная составляющая коммуникативного взаимодействия.....	15
1.2. Невербальные аспекты исследования лжи в области гуманитарных наук.....	22
1.3. Подходы к изучению невербальных признаков ложного высказывания.....	32
1.4. Образ лгущего персонажа как художественная форма представления авторского присутствия.....	37
1.5. Национально-культурная специфика лгущего персонажа в немецком художественном дискурсе.....	44
Выводы по первой главе.....	49
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА НЕВЕРБАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОВЕДЕНИЯ ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СИТУАЦИИ ЛОЖНОГО ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	52
2.1. Система лексических единиц, репрезентирующих невербальные маркеры лжи в немецкоязычном художественном дискурсе.....	54
2.2. Эксплицитность/ имплицитность невербальных маркеров, репрезентирующих ложные высказывания.....	71
2.2.1. Эксплицитность/ имплицитность кинесических маркеров невербального поведения лгущего персонажа.....	76
2.2.2. Эксплицитность/ имплицитность просодических маркеров невербального поведения лгущего персонажа.....	85
2.2.3. Эксплицитность/ имплицитность окулесических маркеров невербального поведения лгущего персонажа.....	95
Выводы по второй главе.....	102
ГЛАВА III. АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	104
3.1. Модель невербального поведения лгущего персонажа.....	104
3.2. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа эмотивного типа.....	105

3.3. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа адаптивного типа.....	111
3.4. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа регулятивного типа.....	116
3.5. Анализ невербального поведения «лгущего персонажа» в немецкоязычном художественном дискурсе.....	121
Выводы по третьей главе.....	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	139

ВВЕДЕНИЕ

Являясь неотъемлемой частью жизнедеятельности индивидуума, коммуникация происходит не только посредством слов, но и через «невербальные» компоненты. При этом акустическая передача информации тесно связана с визуальным каналом. Проявление невербального языка детерминировано импульсами человеческого подсознания и отсутствием возможности подделать эти внутренние импульсы. В связи с этим невербальные средства справедливо относят к достоверным верификаторам эмоций и психологического состояния участников коммуникативного акта ввиду прямолинейности, точности и искренности сигналов языка тела [Шаховский, 37: 2009]. Одним из убедительных примеров такого коммуникативного акта является ситуация осуществления ложного высказывания.

Ложь – универсальный социально-психологический и коммуникативный феномен, представляющий исследовательский интерес для целого ряда научных направлений современного языкознания – паралингвистики, социалингвистики, теории дискурса, корпусной лингвистики, лингвистической экспертизы. С развитием паралингвистики феномен лжи становится объектом изучения в аспекте невербальной семиотики, где помимо анализа языковых единиц, устанавливается взаимосвязь между словесным оформлением ложного акта и невербальными компонентами, сопровождающими речь коммуникантов.

В связи с вышесказанным **актуальность** настоящей диссертационной работы определяется, *во-первых*, антропоцентрическим подходом в современной лингвистике, *во-вторых*, отсутствием подходов к описанию невербального поведения лгущих коммуникантов в художественном дискурсе, *в-третьих*, необходимостью разностороннего изучения речевого поведения коммуникантов.

Степень разработанности проблемы. Многоаспектность феномена лжи в межличностной коммуникации побуждает отечественных и зарубежных учёных обосновать психологические причины лжи в коммуникации [М. Аргайл, С.В. Беляева, Р. Вайзман, Н.В. Крогиус, К. Мелитан, А.Р. Лурия, С.И. Симоненко, Е.В. Спирица, А.Н. Тарасов, П. Экман и др.], установить морально-этические и эмотивные принципы реализации лжи в общении [Л.Р. Безуглая, Г.Ч. Гусейнов, Д.И. Дубровский, Е.Н. Маркина, А.Г. Мясников, В.И. Шаховский, Ю.В. Щербатых и др.], определить потенциальные возможности тактического управления и регуляции поведения индивидуума в социуме с помощью лжи [К.А. Врыганова, Г.В. Грачёв, В.В. Знаков, Е.Л. Доценко, А.А. Леонтьев, М.В. Малышкина, А. Меграбян, А.К. Секацкий и др.], описать лингвистические и семиотические аспекты осуществления ложного высказывания [С.В. Бурёнок, Х. Вайнрих, Г.Е. Крейдлин, Й. Кубинова, А.В. Ленец, Т.А. Литвинова, О.В. Мудрая, М.А. Поваляева, О.М. Попчук, Н.М. Романова, И.И. Серякова и др.], выявить лингвокультурологическую особенность концепта «ложь» [А. Вежбицкая, Н.Б. Ершова, Н.Н. Панченко, В.О. Радищева, Л.М. Рязановский, З.Е. Фомина и др.], идентифицировать паралингвистические признаки осуществления ложного высказывания в речевом поведении говорящего, в том числе и говорящего персонажа [Т.И. Леонтьева, О.Е. Филиппова, Т.А. Литвинова и др.].

Лингвистами отмечается, что использование автором произведения невербальной характеристики поведения героя влияет на адекватное восприятие читателем коммуникативного поведения описываемого персонажа ввиду того, что невербальное поведение персонажа «придаёт его внутреннему существу некую отчётливость, определённую, законченность и является [...] важнейшей гранью персонажа как целостности» [Булаева, Бурова, 2017: 204]. Функциональная значимость паралингвистических средств детерминируется возможностью вносить дополнительную информацию, восполнять упущенный речевой компонент или

способностью комбинировать с вербальными средствами, транслируя одинаковый смысл.

Невербальные компоненты реализации ложного сообщения коммуникантами в речевом взаимодействии изучены преимущественно в трудах по паралингвистике, где анализируются лексические средства обозначения паралингвистических компонентов [Е.М. Верещагин, И.А. Голованова, Г.В. Колшанский, В.Г., Костомаров, З.З. Чанышева и др.], эмотивно-оценочного аспекта [К.Е. Изард, Е.П. Ильин, О.В. Лыкова, Т.Л. Музычук, В.И. Шаховский и др.], вербализации паралингвистических актов [В.Д. Горбенко, И.Н. Горелов, Е.А. Зуева, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Кудинова и др.]. В последнее десятилетие наблюдается интерес лингвистов к изучению невербального поведения именно образов персонажей [Н.Е. Булаева, Е.А. Бурова, Л.В. Вородюха, Е.М. Верещагин, И.А. Голованова, В.Г. Костомаров, Т.Л. Музычук, З.Р. Хачмафова и др.].

Объектом настоящего **исследования** выступает невербальное поведение персонажа при осуществлении ложного высказывания в художественном произведении.

Предметом **исследования** выступают языковые средства, репрезентирующие невербальные признаки поведения лгущего персонажа в художественном дискурсе (на материале немецкоязычной художественной литературы).

Гипотезой **исследования** является предположение о том, что при описании образа лгущего персонажа автор художественного произведения использует такие языковые средства, которые в значительной степени влияют на адекватное восприятие читателем коммуникативного поведения описываемого персонажа. Верификация неискренности лгущего персонажа в художественном тексте осуществляется читателем в зависимости от определённого набора языковых маркеров, используемых автором эксплицитно и/или имплицитно.

Материалом для настоящего диссертационного **исследования** послужила выборка более 850 диалогических фрагментов из художественных произведений немецкоязычных писателей, демонстрирующих речевую ситуацию лжи в межличностном общении. Общий объём проанализированных художественных текстов составил около 5530 страниц. Примеры были также собраны и изучены с помощью немецкого лингвистического корпуса «DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts» (цифровой словарь немецкого языка XX в. Берлин, Германия).

Наблюдение за невербальной организацией поведения лгущего персонажа в художественном произведении представляет ценный практический материал для исследования. Значимость коммуникативного феномена лжи подтверждается тем, что героям произведений приходится часто прибегать ко лжи, которая позволяет решить их существующие проблемы и достигнуть необходимых целей. Отсюда ситуация осуществления ложного сообщения в художественном произведении является не такой редкой.

Совокупность применяемых в настоящем исследовании **методов** включает: *теоретические методы* (гипотетико-дедуктивный метод при выявлении и теоретическом истолковании основных характеристик невербального поведения; описательный и сопоставительный методы при систематизации научного знания о типологии невербального поведения коммуникантов); *лингвистические методы* (лингвистическое наблюдение для выборки фрагментов, описывающих речевую ситуацию лжи; метод контент-анализа, позволяющий объективно заключить о невербальном поведении лгущего персонажа, выявить лексические единицы и установить тип лгущего персонажа, интерпретационный метод; метод сплошной выборки); *статистические методы анализа* (метод количественного подсчёта). Выбор такого комплексного использования методов

исследования был обусловлен указанными во введении настоящей статьи целью и задачами.

Цель настоящего **исследования** заключается в выявлении и комплексном анализе паралингвистических средств, используемых для описания поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе. Поставленная цель обусловило необходимость решения следующих основных исследовательских **задач**:

- 1) рассмотреть и проанализировать существующие подходы к описанию невербального поведения лгущего коммуниканта в современных отечественных и зарубежных фундаментальных исследованиях;
- 2) определить понятие «лгущий персонаж» как ключевую составляющую осуществления ложного высказывания, разработать классификацию лгущего персонажа в зависимости от модели его невербального поведения;
- 3) описать национально-культурную специфику и эволюцию лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе;
- 4) выявить наиболее частотные языковые средства, описывающие невербальное поведение лгущего персонажа при осуществлении ложного высказывания в немецкоязычном художественном дискурсе;
- 5) установить соотношение паралингвистических маркеров невербального поведения лгущего персонажа для составления его типологии на примере художественного дискурса;
- 6) проанализировать особенности эксплицитной и имплицитной репрезентации невербального поведения лгущего персонажа на примере немецкоязычного художественного дискурса.

Общенаучная методологическая основа диссертации базируется на работах отечественных и зарубежных исследователей, разработанных в следующих областях научного знания:

в области фундаментальных наук: философии [Аристотель, 1987, И. Кант, 1999, Ф. Ницше, 1997, Платон, 1968 и др.]; антропологии [В. Биркенбил, 1997, D. Morris, 1971 и др.]; психологии [В. Вундт, 2002, К. Изард, 1980, Е.П. Ильин, 2009, В.А. Лабунская, 1986, 1997, 2009, Д. Уотсон, 1926, Е.Д. Хомская, 1998, Р. Екман, 1976, R. Rosenzweig, 2009 и др.]; социологии [J. Habermas, 1989, E. Goffman, 1971, P. Stiegnitz, 1997, M. Weber, 1991 и др.].

Частнонаучную теоретическую базу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области:

лингвистики текста [Н.Д. Арутюнова, 2005, А. Вежбицкая, 1999, Я.А. Волкова, 2014, Н.В. Изотова, 2006, Ю.Н. Караулова, 2010 и др.];

теории дискурса [В.И. Карасик, 2004, И.А. Кудряшов, 2005, М.Л. Макаров, 2003, П. Серио, 1999, Н.А. Красавский, 2000, 2008, 2012, В. Giese, 1992 и др.];

лингвистики лжи [А.В. Ленец, 2008, 2010, 2016, Т.Т. Леонтьева, 2011, Т.А. Литвинова, 2015, Н.Н. Панченко, 2004, С.Н. Плотникова, 2000, В.О. Радищева, 2017, Е.В. Спирица, 2017, А.Н. Тарасов, 2005, О. Фрай, 2006, G. Falkenberg, 1982, U. Hann, 1986, S. Porter, 1996, R. Potapova, 2016, H. Weinrich, 1966 и др.];

паралингвистики [В.И. Аданакоева, 1988, О.Л. Булгакова, 2005, В.В. Ганина, 2005, Ю.В. Дмитриева, 2013, Е.А. Зуева, 2003, Г.В. Колшанский, 2010, Г.Е. Крейдлин, 2000, 2004, М.А. Поваляева, 2004, Р.К. Потапова, 1997, З.З. Чанышева, 1979, D. Crystal, 1975, J. Fast, 1989, A. Kendon, 1983, A. Pease, 1985, G. Trager, 1958 и др.];

анализа невербальной коммуникации и типологического анализа невербальных средств [И.А. Ахьямова, 2009, Л.В. Верещагин, 1999, К.А. Врыганова, 2012, И.А. Голованова, 2009, И.Н. Горелов, 2009, В.В. Дементьев, 2006, М. Кнапп, 1978, Г.Е. Крейдлин, 1999, 2005, А. Пиз, 2010, О.Г. Шашкина, 2006, А.И. Шевченко, 1998, Е.Д. Ю, 2011, R. Aboudan, 1999,

J. Allwood, 2002, M. Argyle, 1972, A.J. Arico, 2013, M. Bowden, 2010, T.V. Chernigovskaya, 2007, J. DeVito, 2005, M. Ellsberg, 2010, W. Friesen, 1976, J. Hall, 2014, M. Knapp, 2014, K. Leonhard, 1976, G. Robinson, 2000, B. Schönher, 1997, E. Selkirk, 1984 и др.] *и отдельно при осуществлении ложного высказывания* [В.Д. Горбенко, 2007, Т.Т. Леонтьева, 2011, О.В. Лыкова, 2017, М.В. Малышкина, 2012, О.М. Попчук, 2006, Н.М. Романова, 2007, Cr. Castelfranchi, 1994, C. Da Silva, 2013, P. Ekman, 2001, D.T. Gilbert, 1990, J. Harwood, 2014, J. Malpas, 2008, J. Meibauer, 2005, J. Vincent, 1979 и др.];

характеристики литературного персонажа и описания языковой личности [Н.Е. Булаева, 2017, Е.А. Бурова, 2017, М.М. Бахтин, 1979, Л.Я. Гинзбург, 1976, В.И. Карасик, 2020, А.Г. Клокова, 2020, Н.А. Красавский, 2001, 2017, З.А. Кузневич, 1999, Ю.М. Лотман, 1992, З.Р. Хачмафова, 2017, В.И. Шаховский, 2005 и др.].

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основой для выявления и классификации невербальных маркеров ложного высказывания в художественном дискурсе выступают знание психоэмоционального состояния лгущего коммуниканта, определение свойств души человека через его телесное поведение, специфика речевой ситуации лжи, целеустановка ложного высказывания, компоненты, репрезентирующие ложь в ситуации невербального общения и вариативность авторского замысла.

2. Под «*лгущим персонажем*» понимается субъект эмоционального переживания, обладающий самостоятельной жизнью и содержанием, чей невербальный портрет в ситуации манифестации ложного высказывания воплощается посредством определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования. Образ лгущего персонажа складывается на основе совокупности сюжетно-композиционных средств, речевых и поведенческих характеристик персонажа, которые выражаются с помощью маркеров авторского

присутствия в тексте. Лгущий персонаж включает в себя синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение.

3. Национально-культурная специфика лгущего персонажа в немецкой лингвокультуре обусловлена ментальной картиной времени, в которой разворачивается сюжет, а также национальной культурой со стереотипным представлением о лжеце. В немецкой литературе тема лжи и образ лгущего персонажа имеет национальные традиции и определённые этапы развития. Поведение лгущего персонажа зависит от жанра произведения в национальной литературе, от национального типа лгущего персонажа, невербального кода поступка лжеца, причины осуществления ложного высказывания и авторской оценки самого поступка лгущего персонажа.

4. Спецификой осуществления ложного высказывания в немецкоязычном художественном дискурсе является описание автором контролируемых и неконтролируемых психоэмоциональных реакций лгущего персонажа, выраженных сомативами и вегетативами. Выбор автором произведения языковых средств, описывающих невербальное поведение лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе, определяется каналом невербального взаимодействия участников коммуникации – *кинесического* (жесты, телодвижения, мимика), *просодического* (ритмико-фонационное оформление речи) и *окулесического* (глазное поведение).

5. Соотношение невербального кода лгущего персонажа с авторским выбором описания паралингвистических маркеров невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе свидетельствует о типе лгущего персонажа: эмотивном, адаптивном или регулятивном. Для невербального поведения *эмотивного типа лгущего персонажа* типично использование просодических и окулесических маркеров. Для описания *адаптивного типа лгущего персонажа*

используются просодические маркеры, конкретизирующие низкий, ровный тон голоса, и окулесические маркеры. Невербальное поведение лгущего персонажа *регулятивного типа* находит заметное отражение в кинесических маркерах, которые реализуются с помощью жестикуляции и телесных модуляций.

6. В зависимости от проявления авторского намерения, текстуальной композиции художественного текста и психологического воздействия на участников общения маркеры ложного высказывания характеризуются посредством *эксплицитных* (выраженных) и *имплицитных* (скрытых) авторских смыслов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматриваются, определяются и классифицируются маркеры ложного высказывания с позиции паралингвистики, описывается специфика языковой репрезентации невербального поведения лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе. Обосновывается выбор автором произведения невербального кода (кинесический, окулесический, просодический) при описании невербального поведения лгущего персонажа. Данный выбор осуществляется на основе личного опыта писателя и его знания возможной интерпретационной читательской деятельности. Результаты проведённого исследования подтверждают, что лгущий персонаж является субъектом эмоционального переживания, невербальный портрет которого манифестируется в момент осуществления ложного высказывания с помощью определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования.

Личный вклад диссертанта заключается:

- 1) в обосновании понятия «лгущий персонаж»;
- 2) в изучении эволюции «лгущего персонажа» в немецкоязычной художественной литературе;
- 3) в установлении основных компонентов модели невербального поведения лгущего персонажа.

В научный оборот вводится ряд новых понятий (*лгущий персонаж, типы лгущего персонажа: эмотивный, адаптивный, регулятивный*). Теоретически обосновывается классификация невербальных маркеров поведения лгущего персонажа в художественном дискурсе. Впервые анализируется тип лгущего персонажа с учётом определённых наборов невербальных маркеров.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что она вносит значимый вклад в развитие паралингвистики, лингвистики текста, лексикологии немецкого языка и лингвистики лжи. Анализ невербальных средств, манифестирующих реализацию ложных высказываний с позиции невербальной семиотики, расширяет представления о языковых особенностях невербального поведения персонажа в немецкоязычном художественном тексте. Извлечение эксплицитных и имплицитных невербальных маркеров поведения лгущего персонажа в границах диалогических отрезков художественных произведений позволяют успешно верифицировать неискреннее поведение лгущего коммуниканта и соотнести с предложенной типологией лгущего персонажа.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью использования результатов исследования при подготовке лекционных и практических занятий по теории немецкого языкознания, стилистике, лексикологии немецкого языка, литературоведению, лингвистике лжи, социолингвистике; при разработке тем для курсовых и дипломных работ. Материалы исследования могут применяться и в курсах по лингвистической экспертиологии, интерпретации художественного текста и межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования прошли апробацию в процессе научных обсуждений на заседаниях кафедры немецкой филологии и на ежегодных коллоквиумах аспирантов кафедры немецкой филологии Южного федерального университета. Основные

положения диссертации нашли своё отражение в восьми публикациях. В ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, опубликовано четыре статьи. Результаты исследования были представлены на VIII Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 2016 г.), IV Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (г. Краснодар, 2016 г.), на XVI Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (г. Донецк, Украина, 2018-2019 гг.), на Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры» (г. Ростов-на-Дону, 2020 г.).

Структура и объём диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Общий объём диссертации – 162 страницы.

Библиографический список включает 235 наименований отечественных (176 источников) и зарубежных (59 источников), списка словарей и справочно-информационных изданий.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1.1. Невербальное общение как важная составляющая коммуникативного взаимодействия

Социальное взаимодействие индивидуума, развивающееся в контексте ситуационного многообразия и определяемое местом человека в обществе, детерминировано, прежде всего, возможностью межличностного общения. Главным инструментом коммуникации выступает язык, являющийся неким материально-духовным началом. Язык репрезентирует всё богатство гносеологических способностей человека, как в индивидуальной сфере, так и в социальном пространстве, «представляя собой сложное искусство, требующее постоянного совершенствования» [Петрякова, 2006: 157].

Процесс речевого взаимодействия между людьми представляет собой цепь составляющих, где создание, трансляция и приём вербального высказывания выступает лишь отдельным компонентом общего процесса. Одновременно с артикуляционно-акустическим каналом в речевом общении большую роль играет и неакустический канал, дополнительные знаки визуального характера. Совершенно очевидно, что невербальные средства в процессе коммуникации создают особый мир, «сосуществующий и хорошо согласованный с вербальным, образуя семиотикон культуры» [Богданов, 1990: 88].

В настоящее время аспекты невербального общения человека вызывают повышенный интерес у лингвистов, поскольку в отличие от словесных знаков являются бессознательными, спонтанными и несут истинную информацию о намерениях коммуниканта и его личностных характеристиках в общем. Иной причиной внимания к несловесному способу коммуникации является доказанный психологией факт: в процессе

коммуникативной практики индивидуума большая часть информации, от 60 до 80%, транслируется через невербальные каналы взаимодействия. Так, А. Меграбян определил, что 55% передачи информации осуществляется за счёт невербальных компонентов, 7% коммуникации происходит за счёт словесных средств, и лишь 38% информации передается с помощью звуковых компонентов (например, звук, голос, интонация) [Меграбян, 2001: 14]. Исследования американского антрополога Р. Бердвистела также подтвердили заключения А. Меграбяна о том, что посредством языка тела транслируется более 65% информации [Пиз, 2010: 9].

Последующие исследования доказали, что человек способен за минуту осмыслить 650 – 700 слов. Принимая во внимание тот факт, что человек в среднем произносит 160 слов, адресат располагает достаточным временем для оценки говорящего: его телодвижений, психологического состояния, ритмико-интонационной стороны речи [Ниренберг, Калеро, 1990: 28].

Для эффективного решения поставленных в работе задач считаем необходимым разъяснение понятийно-терминологического аппарата. В научных трудах встречается двойная трактовка феномена, который детерминируется как «невербальное поведение» (*nonverbal behavior*), либо как «невербальная коммуникация» (*nonverbal communication*). Эти два понятия дифференцируются исходя из наличия в слове «коммуникация» концепта «интенциональность». Ввиду того, что любое поведение включает как интенциональные, так и неинтенциональные компоненты, в лингвистике принято разграничивать употребление данных терминов. В лингвистической науке возникли термины «коммуникативное», иными словами, то, что целенаправленно моделируется, и «информативное», находящееся за пределами сознания человека, его поведение [Николаева, 2000: 688; Ekman, Friesen, Scherer 1976: 23-27].

В общепринятом понимании невербальная коммуникация толкуется как «коммуникация без слов» [DeVito, 2005: 105] или «сообщения,

выражаемые нелингвистическими средствами» [Adler, 2010: 200]. Нам более близка позиция Н.В. Никашидзе, которая полагала, что «всякое поведение информативно, однако, только в том случае, когда коммуникант вкладывает в свои действия намерение передать некоторую информацию, его поведение коммуникативно» [Никашидзе, 1981: 18]. Термин «коммуникативный» вводится для передачи намеренного сообщения. Информативность невербальной коммуникации выражается и в том, что в процессе общения, через невербальное поведение собеседника, возможно извлекать информацию личного характера.

Иного взгляда придерживается Г.Е. Крейдлин, рассматривающий невербальную коммуникацию как составную часть невербального поведения, причисляя оба феномена к «науке, предметом которой являются невербальная коммуникация и, шире, невербальное поведение и взаимодействие людей, которую мы предлагаем называть невербальной семиотикой» [Крейдлин, 2004: 3].

В научный оборот вводится определение «невербального коммуникативного поведения», которое детерминировано как система поведенческих норм и правил, регулирующих требования к применяемым в процессе коммуникативного акта невербальным знакам (жесты и телодвижения, мимические и визуальные сигналы), свойственных определенной социальной среде [Стернин, 2012: 270].

Необходимо отметить, что невербальное поведение исследуется в широком и узком смысле. В широкой коннотации «невербальное поведение» определяется как продукт разнообразной неязыковой деятельности индивида, «состоящий из невербальных движений, отличающихся степенью интенциональности, направленности, осознанности» [Лабунская, 1986: 45]. В более узком понимании невербальное поведение согласуется с невербальными сигналами, сопровождающими речевой акт и играющими определённую роль при передаче, осмыслении и апперцепции информации, куда входят жесты,

телодвижения, мимика [Birdwhistell, 1952: 65-127; Ekman, Friesen, Scherer 1976: 23-27; Ekman, 2001: 390; Hall, 1959: 248; Kendon, 1983: 156-168].

Вне зависимости от силы интенции адресанта при передаче невербальной информации, правильность её интерпретации всецело будет зависеть от желания и возможностей адресата. И в противоположность сказанному, несмотря на нежелание адресанта транслировать некую информацию, например, о своём психологическом и эмоциональном состоянии, в большинстве случаев он не сможет контролировать свои реакции при демонстрации невербального сообщения.

Проявление невербального языка обусловлено сигналами подсознания. Отсутствие вероятности подделать эти сигналы даёт возможность больше доверять именно невербальному каналу общения. Из этого следует, что невербальное поведение участников коммуникативного акта следует трактовать как некий коммуникативно-информативный феномен. Степень информативности сообщения определяется самим адресатом, с учётом различных факторов.

В.И. Шаховский, указывая на самодостаточность как вербальной, так и невербальной систем, признаёт первичность невербальной системы, подчеркивая её превосходство перед вторичной или вербальной системой. Особое внимание учёный обращает на такие характеристики невербальных средств, как скорость, надёжность, степень правдивости и качества эмоциональных проявления, а также возможность их адекватной расшифровки адресатом [Шаховский, 1998: 59-65].

Невербальное общение отличается своей непрерывностью, оно «включено» в любой социальной обстановке, в то время как вербальная коммуникация представляет собой прерывистый процесс. В дополнение ко всему, приём и трансляция невербальных импульсов происходит симультанно, непроизвольно и бессознательно, когда как при осуществлении вербальной коммуникации необходимо внимание [Patterson, 2011: 20-23]. Иное отличие невербального общения состоит в том, что оно

не обладает выраженным глоссарием. Смысл отдельного невербального знака, являясь условным, декодируется посредством социокультурного и поведенческого подтекста, в то время как трактовка слов зафиксирована в словарях [Patterson, 2011: 16].

Совершенно очевидно, что невербальная коммуникация репрезентируется при помощи коммуникативных знаков, другими словами, семиотических средств, сопровождающих и дополняющих высказывания коммуниканта. Семиотический подход к знаку делает возможным выявление закономерностей функционирования вербальных и невербальных единиц в качестве типов знаков в общении [Колшанский, 2010: 14; Крейдлин, 2004: 56; Кронгауз, 2005: 13].

Исследованием невербальных знаковых средств с позиции семиотики занимается *паралингвистика*. В научный обиход термин *паралингвистика* (от греч. *para* «около») впервые был введен в конце 40-х гг. XX в. американским лингвистом А. Хиллом, хотя аналогичными явлениями гораздо раньше, еще в 1930-х годах, интересовался советский лингвист Н.В. Юшманов, о чём свидетельствует его работа «Экстранормальная фонетика» [Юшманов, 1946: 77]. Последующее определение границ паралингвистики и дальнейшее обоснование термина связывают с именем американского лингвиста Дж. Трейгера.

Понятие паралингвистика имеет в отечественной традиции двоякую интерпретацию. Г.В. Колшанский, который придерживается традиционного толкования паралингвистики, заложил основы для её изучения, относит её к «новой лингвистической дисциплине, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации» [Колшанский, 2010: 9]. Другие языковеды выделяют следующие паралингвистические составляющие: парафонетику (изучающую голосовые и артикуляционные особенности), паракинесику (исследующую жесты, мимику и телодвижения), параграфику

(анализирующую буквы и графические дополнения к ним) [Беглова, 1996: 16; Абдуазизова, 1997: 21; Русина, 2002: 16].

В одностороннем понимании паралингвистика детерминруется лингвистом А.А. Леонтьевым как «раздел языкознания, изучающий звуковые средства, сопровождающие речь, но не относящиеся к языку, особенности громкости, некодифицированные изменения мелодики, распределение пауз, звуки «заполнители» пауз и т.д.» [БЭСЯ, 1998: 367]. В нашей исследовательской работе мы будем придерживаться более ёмкой трактовки паралингвистики, в рамках которой изучается также мимика и жестикация (кинесика) и следуем за определением Г.Е. Крейдлина, понимающим под паралингвистикой «отдельный раздел невербальной семиотики, чьим объектом изучения является параязык – дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и передающие в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2004: 27].

Г.Е. Крейдлин рассматривает параязыковые и паралингвистические элементы в качестве основных единиц паралингвистики. Если конкретизировать отличие между этими понятиями, то паралингвистика представляет собой науку о языковых средствах, в то время как параязык – совокупность данных средств, принимающих участие в коммуникации. Однако лингвист Г.В. Колшанский придерживается мнения, что в современной научной литературе бытует понятие «паралингвистика», как объединяющий оба эти значения [Колшанский, 2010: 9]. Паралингвистические средства, затрагивают отдельные высказывания, конкретизируя его денотативный и коннотативный подтекст.

Невербальная коммуникация в отдельных случаях соотносится с речевым каналом взаимодействия. Рассматривая функциональный аспект невербальной коммуникации, в лингвистике выделяют следующие ее компоненты:

1. *Дублирование речевой информации* с совпадением словесного и несловесного кодов в сообщении, иначе называемое конгруэнтностью. Невербальные средства особенно согласуются с кинесическими невербальными компонентами (например, жестами) при дублировании смысла словесного сообщения.

2. *Замещение речевого высказывания*, под которым понимается применение невербального кода вместо вербального (например, в ситуациях, когда нет возможности для репрезентации коммуникативных намерений).

3. *Синтаксическое дополнение речи*, где невербальные компоненты придают речи большую выразительность, конкретизируют и растолковывают её. При встрече с близким человеком наша улыбка, совместно с дружеским приветствием, дополняет речевое высказывание. Игнорирование речевым жестом привело бы к коммуникативной неудаче в данной речевой ситуации.

4. *Регулирование вербального взаимодействия* с использованием неречевых знаков для организации взаимодействия между людьми. Так, по визуальному знаку, интонационным изменениям в голосе или наклону туловища мы можем понять, что к нам дошла очередь, и мы можем вступить в разговор.

Таким образом, основной задачей коммуникативного взаимодействия всегда является стремление к верному, адекватному пониманию. Человеческое общение представляет собой сложную целостность, включающее вербальные и невербальные средства. Речевое общение в настоящее время определяется как цепь состояний, где производство, трансляция и апперцепция невербального сообщения являются лишь отдельной частью общего процесса.

Паралингвистические компоненты встречаются практически в каждом устном высказывании в большей или меньшей степени. Знание функциональных особенностей этих компонентов позволяет верно

интерпретировать устные сообщения. Применение паралингвистических единиц объясняется вовсе не ущербностью языковой системы, невербальные средства вариативно обогащают и интенсифицируют речевое сообщение.

На современном этапе развития человечество проявляет серьёзное внимание к вопросам развития и социализации своей личности. В данных условиях к вопросу межличностного общения проявляется огромный исследовательский интерес. В фокусе исследовательского внимания находятся вопросы рационализации коммуникативного процесса. Отдельный интерес вызывают реалии, не соответствующие нормам корректной коммуникации. К подобным коммуникативным феноменам в сфере социального взаимодействия и поведения необходимо отнести ложь. Невербальные компоненты лжи на протяжении нескольких десятилетий выступают предметом глубокого изучения целого ряда гуманитарных наук. Рассмотрим эти исследования более подробно.

1.2. Невербальные аспекты исследования лжи в области гуманитарных наук

Ложь, являясь многоаспектным феноменом, представляет собой вид речевой деятельности, воплощаемый посредством лингвистических и/ или паралингвистических единиц, для сознательной передачи информации, противоречащей действительности, путем искажения, сокрытия или подмены истины / правды [Панченко, 2019: 12]. Абсолютная искренность не является нормой человеческого общества. Явление лжи является настолько естественным, что обнаруживает свое очевидное существование абсолютно во всех сферах человеческой жизни [Экман, 2010: 272].

Данное утверждение даёт нам право относить ложь к естественному явлению, которое проявляется в различных жизненных ситуациях и при любых коммуникативных актах, что в некоторой степени нивелирует

негативный фактор ложных высказываний. Совершенно очевидно, что акт неискреннего коммуникативного акта следует рассматривать в комплексе с невербальными компонентами общения для консеквентного отражения и полного раскрытия внутренней жизни индивидуума.

Многогранная и сложная обусловленность вопроса оптимизации речевого взаимодействия людей посредством паралингвистических компонентов повлияли на включение проблематики лжи в спектр исследования различных гуманитарных дисциплин, таких как: философия [Булгакова, 2005; Feldman, 1992], антропология [Дарвин, 2001; Morris, 1971], социология [Лагун, 2004, Goffman, 1971], психология [Вундт, 2002; Крогиус, 2009; Лабунская, 1986; Рубинштейн, 2003; Экман, 2010]. Остановимся на них более подробно.

История исследования лжи в аспекте паралингвистики уходит корнями вглубь Античности, к временам Пифагора, Аристотеля, Платона. Античная *философия* отождествляет телесное поведение с отражением свойств души, полагая, что тело является средоточием моральных качеств человека и его эмоций. Основным признаком, по которому можно распознать ложную интенцию в речи говорящего, античная философия выделяет жест, детерминируя его как движение тела, в котором проявляются душа и нравственные достоинства индивидуума [Булгакова, 2005: 13].

Традиционная китайская философия постулирует иные убеждения, утверждая в лице Конфуция, что внешним проявлением души выступают глаза. Древний мыслитель рассуждал: «Для выявления намерений человека необходимо заглянуть ему в зрачки – и он не сможет от тебя спрятаться» [Спирица, 2017: 53].

Во времена расцвета театра Древней Эллады Аристотель обратился к рассмотрению внешних проявлений духовного мира человека в различных ситуациях межличностного взаимодействия, впервые систематизировав свои наблюдения в известном труде «Физиогномика». После Аристотеля

уже его последователи Цицерон и Квинтиллиан продолжили развитие физиогномики. В I веке н.э. появляется сочинение Квинтиллиана «Наставление оратору», впервые включающее полную информацию о жестовых проявлениях, используемых людьми [Feldman, 1992: 12].

Средневековая философская мысль получила развитие в трудах Ибн Сина, в эпоху Возрождения таким социокультурным феноменом, как физиогномика, занимались Л. да Винчи, И. Скотт, а позже Э. Роттердамский и Ф. Бэкон. Учёный Э. Роттердамский советовал опасаться тех, кто покашливает во время общения, считая их лжецами [Ильин, 2009: 49]. Физиогномику не принято относить к системе научного познания, скорее причисляли её к виду искусства, тем не менее, она в существенной мере повлияла на эволюцию научного понимания невербальной формы поведения человека в его социокультурной практике.

Философ неклассического периода Ф. Ницше проницательно заметил: „*Der Mensch kann mit dem Mund so viel lügen wie er will – mit dem Gesicht, das er macht, sagt er stets die Wahrheit*“ (Люди свободно лгут ртом, но лицо, которое они при этом корчат, всегда говорит правду. *Здесь и далее в работе перевод наш – М.Х.*).

В конце XIX века биолог Ч. Дарвин предпринимает попытку объяснения динамических принципов невербального поведения с точки зрения научного представления, которое на современном этапе трактуется как физическая **антропология**. Одной из самых общезначимых работ, послуживших толчком к актуальным исследованиям выражений лица, стала книга Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» [Дарвин, 2001]. Ч. Дарвин анализирует причины и механизмы возникновения экспрессивно-выразительных движений у животных. Ч. Дарвин на этом не останавливается и предпринимает попытку дальнейшего сравнения принципов трансформации духовного состояния во внешние выражения. Учёный пытается установить факторы, побуждающие к возникновению различных невербальных движений и проследить механику движения

мышц, заставляющих осуществлять те или иные невербальные манипуляции [Дарвин, 2001: 365].

Американский антрополог Р. Бердвистелл в 60-х годах XX века, сторонник лингвистического подхода, полагал, что в ходе коммуникативного взаимодействия невербальные проявления в поведении человека складываются из определенных телодвижений, жестов, так называемых кинем – мелких единиц движения, подобно тому, как речь человека формируется в четкую систему посредством последовательной цепочки слов [Birdwhistell, 1952: 287]. Р. Бердвистелл вводит понятие *кинесиика* – «совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения» [Кнапп, 1978: 125].

Социальное взаимодействие трудно представить без участия невербальных компонентов в процессе коммуникативного общения. Так, предметом *социологии* в контексте невербальной практики является выявление роли этих невербальных средств общения в организации человеческих взаимоотношений [Goffman, 1971: 18]. К невербальному языку стали прибегать уже с древних времен, когда внешнему отражению внутреннего состояния человека придавали большее значение. Один из наглядных примеров – античный театр масок, где актеры в процессе представления социальных ролей изображали различные экспрессивные состояния.

Как пьесу рассматривал социальную жизнь человека и американский социолог И. Гофман. Действия личности в пьесе определяются той ролью, которую он исполняет в тех или иных социальных ситуациях. Как предполагал И. Гофман, жизнь человека делится на передний и задний план. К переднему плану учёный относит социальные ситуации, где, собственно, и происходит воплощение ролей. Для удачной игры индивид должен непременно учитывать обстановку и владеть определенными игровыми атрибутами. К заднему плану социолог относит неформальное

пространство, где человек может снять маски и выйти из образа [Goffman, 1971: 128]. Интересно, что манифестация ложного высказывания, по мнению И. Гофмана, относится к ситуациям переднего плана, где для воплощения личностных смыслов и успешной реализации ложного акта необходимо эффективное владение невербальными компонентами. Очевидно, что ложь – явление социальное [Крогиус, 2009: 105-110]. В процессе социокультурной практики немалую роль играет фокусированное взаимодействие, осуществляющееся посредством мимики, жестов и поз.

В XX веке невербальное поведение, характерное при осуществлении ложного сообщения, стало предметом пристального изучения такой науки, как *психология*. Именно эта гуманитарная наука смогла дать ответы по ряду обсуждаемых вопросов, позволила наиболее полно классифицировать паралингвистические явления невербального поведения индивидуума.

В течение длительного времени тщательное исследование аспектов невербального поведения в психологии осуществлялось под влиянием идей, выдвинутых ещё Ч. Дарвином. Эволюционное открытие, которое совершил советский психолог С.Л. Рубинштейн, позволило доказать наличие коммуникативной функции в отношении невербального поведения индивидуума. Так, С.Л. Рубинштейн утверждал, что «движения не сопровождают лишь эмоции, а выполняют функцию общения; они – средство сообщения и воздействия, они – речь, лишённая слова, но исполненная экспрессии» [Рубинштейн, 2003: 23]. Эмоциональная выразительность сопровождается мимическими знаками, которые являются проблемной областью психологии и обладают многоаспектностью. Некоторыми исследователями, например, отмечается, что мимические выражения возникли как отображение экспрессивного тона ощущений, которые в свою очередь, порождают изменения в мимике [Вундт, 2002: 85].

Мимика, безусловно, один из важнейших паралингвистических факторов при манифестации ложного сообщения. Лицо, являясь изумительным индикатором, некой сигнальной системой, отображает

тончайшие эмоциональные переживания души. Интересно, что истинные эмоции всегда выражаются симметрично на лице, на что указывает американский психолог П. Экман [Экман, 2010: 288].

В связи с тем, что стороны лица контролируются разными полушариями мозга, эмоции отражаются по-разному. Левое полушарие отражает эмоции на правой стороне лица, и поддается большему контролю. Соответственно правое полушарие влияет на отражение эмоциональных переживаний на левой стороне лица, где намного сложнее утаить чувства, особенно отрицательные. Асимметричное сокращение лицевых мышц, совместно с иными дополняющими и подтверждающими мимическими признаками, даёт возможность наблюдателю довольно точно выявить и верифицировать ложные высказывания.

Другим источником утечки информации по П. Экману являются микровыражения лица. Это сверхбыстрые, произвольные мимические движения, которые довольно сложно идентифицируются без отсутствия навыка. Смазанные выражения или ассиметричная, неискренняя улыбка являются наиболее частыми маркерами подобных проявлений. Вследствие этого наилучшим средством для сокрытия глубоких эмоций выступает «маска». При этом неискренняя эмоция оказывается наилучшей маской [Экман, 2010: 23].

Наиболее распространенной маской согласно работе П. Экмана является улыбка. Притворную улыбку определить довольно просто, она не сопровождается сокращением лицевых мышц, «гусиных лапок», вокруг глаз. На дисгармоничность и рассогласованность мимики в случае наигранных, неискренних чувств указывают и отечественные психологи при описании ложного невербального поведения [Лабунская, 1986: 67].

Наиболее изученным индикатором лжи в невербальной коммуникации считаются *жесты* как способ передачи как осознанной, так и несознательной информации. Исследователи предлагают разные подходы к толкованию и систематизации этих невербальных жестикуляций.

Согласно классификации П. Экмана, У. Фризена и К. Шерера, все двигательные акты, в качестве индикаторов невербального поведения [Ekman, Friesen, Scherer 1976: 23-27], подразделяются на:

1) *эмблемы* или так называемые *эмблематические оговорки*, которые транслируют информацию с очень конкретным значением и, по сути, заменяют слова (например, неуверенный кивок головой, означающий «да», беспомощное пожатие плечами, имеющее смысл «не знаю» или «не уверен»), уменьшение количества иллюстраций речи, уменьшение или увеличение манипуляций в зависимости от ситуаций. Правдивость эмблематичной «оговорки» можно определить по фрагментарности действия.

2) *иллюстрации* – параметры невербального поведения, которые используются для повышения наглядности вербальной коммуникации. К признакам невербального ложного сообщения можно отнести следующие иллюстраторы: руки, движение бровей и век. Иллюстрации не стоит расценивать как врожденные индикаторы, они характеризуют приобретённые признаки невербального поведения, и свидетельствуют о намеренном контроле человека за своими движениями для сокрытия ложного сообщения.

3) *манипуляции* – маркеры невербального поведения, помогающие коммуниканту преодолеть собственные аффективные реакции. К соответствующим манипуляциям стоит причислить прикосновения к себе, к своему лицу, одежде, покашливания, покусывание губ и др. При эмоциональном возбуждении или увеличении дискомфорта людям свойственны беспокойные невербальные движения. Подобные активные изменения жестикуляции расцениваются как способ подавления смущения и сокрытия лжи.

Другой разработанной классификацией жестов при манифестации ложного сообщения является классификация австралийского психолога А. Пиза [Пиз, 2010: 50-53]:

- *жест «защита рта рукой»*: мозг на уровне подсознания отправляет сигналы для сдерживания выговариваемых слов. Отдельные лжецы прибегают к притворному покашливанию для маскировки этого жеста;

- *жест «прикосновение к носу»*: данный жест представляет собой, в сущности, замаскированную вариацию предыдущего жеста. Психологом даётся и иное объяснение, в момент передачи ложного сообщения нервные окончания носа отправляют щекотливые позывы, вызывая естественный позыв почесать нос. Стоит отметить, что прикосновение к носу не всегда является очевидным маркером детекции лжи. При ситуации обмана наблюдается лёгкое прикосновение руки к носу, в отличие от намеренного действия при естественной ситуации;

- *жест «потирание века»*: этот жест объясняется тем, что у лгущего подсознательно возникает желание спрятаться от обмана или подозрения. Как правило, мужчины в ситуации передачи ложного сообщения энергично потирают веко, в то время как женщины – деликатно проводят пальцем под глазами.

Дальнейшим исследованием жестов с позиции семиотики занялся британский учёный Д. Моррис [Morris, 1971: 320]. Исследователь предложил разграничивать жесты на *первичные (primary gestures)*, участвующие исключительно в процессе общения людей как, например, жесты с участием рук, выражения лица для передачи определенного сообщения, и *сопутствующие (incidental gestures)*, сопровождающие речь в зависимости от намерений коммуниканта. В числе сопутствующих жестов исследователь особо выделял экспрессивные жесты, предназначенные для выражения чувств и эмоционального отношения коммуникантов.

Д. Моррис активно изучал жесты, сопровождающие ложь, обращая особое внимание визуально-мимическим компонентам, выполняющим симптоматическую функцию, и вегетативным изменениям на лице при реализации ложного сообщения. В ходе своих исследований Д. Моррис

определил, что ложь, вследствие эмоционального напряжения, инспирирует некие зудящие ощущения в мышечных тканях лица, требующие почесывания [Morris, 1971: 51]. Вот почему лгущие люди оттягивают воротник или галстук, а у некоторых выступают капельки пота на лице или шее.

Считаем целесообразным не проводить дифференциацию между первичными и сопутствующими жестами при попытке выявления ложной интенции, ввиду большей информативности сопутствующих, так называемых вторичных, жестов, а использовать термин «жест» в развернутом смысле для индикации наблюдаемого действия.

Другой подход при описании всех аспектов невербального поведения использует В.А. Лабунская, которая предлагает деление на акустические и оптические параметры [Лабунская, 1997: 84-94]. К основным акустическим (экстралингвистическим) параметрам относятся: речевая мелодика, скорость и тембр речи, его громкость, частота и длительность пауз. Все эти аспекты, безусловно, регулируют коммуникативное общение, позволяя говорящему завуалировать истинную интенцию высказывания. Сократ тонко подметил: «Заговори, чтобы я тебя увидел».

Артикуляционные особенности являются коррелятом индивидуума, его эмоциональных переживаний, социальных отношений, многообразных поведенческих паттернов. Эти соответствия устойчивы в такой мере, что вырабатывают в сознании человека стереотипные убеждения о поведенческой структуре в обществе и о чувственных переживаниях [Крейдлин, 2004: 221].

В научной литературе по психологии указывается на то, что в ситуации передачи коммуникантом ложного сообщения его речь характеризуется более длинными и частыми паузами, связанными со сложной и напряжённой мыслительной работой [Романова, 2007: 18-27]. Другие исследователи напротив не подтверждают прямой связи между фазами молчания, диапазонами пауз и ложью [Фрай, 2006: 284].

Совершенно очевидно, что ситуация должна рассматриваться в контексте, с учётом всех поведенческих кластеров коммуниканта.

К информативным паралингвистическим маркерам оптической системы В.А. Лабунская относит помимо мимики и жестов также *позу* человека и её динамику [Лабунская, 1997: 90-94]. Однако единого мнения по данному вопросу у исследователей не существует. Так, американский психолог А. Меграбян экспериментально доказал, что при осуществлении ложного сообщения человек вследствие переживаемых эмоций использует более закрытые позы [Меграбян, 2001: 87]. Вместе с этим, частота смены поз зависит от мотивации человека, для лгущего человека с высокой мотивацией нехарактерна частая смена позиции [Фрай, 2006: 144]. Смена позиции тела представляет собой довольно заметный акт общей двигательной активности тела. Ввиду этих установок человек способен весьма эффективно контролировать свои движения. Несмотря на все вышесказанное, следует отметить, что некоторые исследователи вообще не рассматривали телодвижения и частоту их смены в качестве точного индикатора информации в ситуации распознавания лжи [Экман, 2010: 32].

Таким образом, вышеобозначенные исследования мимики, жестов и поз при осуществлении ложного сообщения в философии, антропологии, социологии и психологии создали предпосылки для исследования лжи с позиции лингвистики. Согласно проведённым исследованиям в данных науках наиболее продуктивным является анализ мимики лгущего человека. В свою очередь жесты требуют знания контекста, дополнительных условий коммуникативной ситуации. Единых данных, позволяющих точно судить о лживых намерениях человека по положению его тела, на сегодня не существует.

1.3. Подходы к изучению невербальных признаков ложного высказывания

Феномен лжи выступает предметом лингвистического исследования в различных субкультурах, являясь одним из принципов функционирования самого языка. Ложь включает в себя совокупность эмоциональных, когнитивных и регулятивных человеческих проявлений, представляя собой многоплановый феномен межличностной коммуникации.

Понятие «ложное высказывание» связано с терминами «ложь» и «обман». Как отечественные, так и зарубежные ученые обращались к изучению различных аспектов данного понятия (Аргайл М., Знаков В.В., Ленец А.В., Липманн О., Лурия А.Р., Меграбян А., Попчук О.М., Уолтерс С., Фрай О., Штерн В., DePaulo I., Ekman P., Heringer H-J., Zuckerman M.). В основе понятия «ложное высказывание» лежит высказывание, в котором истинное положение вещей транслируется искаженным образом [Леонтьев, 1977: 35]. Однако эта дефиниция не отражает такую существенную особенность лжи, как наличие у адресанта намерения ввести в заблуждение [Экман, 2010: 22]. При продуцировании лжи происходит искажение мышления говорящего, и ложное речевое сообщение строится по иному принципу. Это мышление «имеет свои формы, свои правила, свои приемы», выявляемые в ходе лингвостилистического и психологического анализа ложных высказываний [Лурия, 1927: 11-15].

Исходя из вышеизложенного, примем за основу следующее определение А.В. Ленец: *ложное высказывание* – это вид речевого действия, при реализации которого отправителем информации осознанно нарушается ожидаемое получателем следование принципов и правил речевого поведения [Ленец, 2010: 175]. Высказывание, сознательно передающее информацию в неверном представлении и сопровождающееся изменением умственной деятельности говорящего, приводит к

определённым изменениям в его невербальном поведении [Леонтьева, 2018: 11].

Ложное высказывание – это понятие лингвистическое, психологическое и, как следствие, явление паралингвистическое. В связи с тем, что невербальное поведение человека считается наиболее верным способом определения лжи, т.к. оно сложно поддается контролю, особый интерес представляют именно паралингвистические маркеры передачи ложного сообщения. Прошло достаточно длительное время, прежде чем языковеды обратились к изучению невербальных признаков ложного высказывания. Лингвистическое рассмотрение невербальных средств было заложено в трудах зарубежных исследователей [Birdwhistell, 1952; Ekman, Friesen, Scherer 1976; Hall, 1959; Leonhard, 1976; Scherer, 1977; Trager, 1958].

В более ранних работах учёных рассматривался только невербальный канал взаимодействия, связь вербального и невербального общения не анализировалась вовсе. Вопросы об исследовании невербальной коммуникации в лингвистическом аспекте впервые были освещены в трудах зарубежных исследователей [Efron, 1941; Hill, 1958; Kendon, 1983].

Американский исследователь Р. Бердвистелл в 60-х годах XX века, сторонник лингвистического подхода, полагал, что в ходе коммуникативного взаимодействия невербальные проявления в поведении человека складываются из определённых телодвижений, жестов, так называемых кинем – мелких единиц движения, подобно тому, как речь человека формируется в четкую систему посредством последовательной цепочки слов [Birdwhistell, 1952: 287].

При продуцировании ложного высказывания человеком весьма активно используются кинетические маркеры как, например, указания на жесты, телодвижения, манипуляции с руками, пальцами, позволяющие довольно достоверно верифицировать ложность интенции. Телодвижения довольно просто поддаются контролю, «однако участники коммуникации

так увлечены выражением своей мимики и внимательно вслушиваются в слова, что тело в этот момент дает утечку информации» [Экман, 2010: 39].

Теория и практика лингвистического описания устной речи дали толчок к зарождению паралингвистических исследований в отечественном языкознании. В середине прошлого века к проблемным вопросам невербальной коммуникации обратились и отечественные лингвисты: [Аданаква, 1988, 1990; Верещагин, Костомаров, 1981; Горелов, 1980; Дементьев, 2006; Колшанский, 2010; Крейдлин, 1999, 2000; Никашидзе, 1981]. У истоков анализа паралингвистического аспекта коммуникации в отечественной языковедческой науке стоял Г.В. Колшанский. Он конкретизировал основные, базовые понятия для паралингвистики, ограничив экспериментальную область паралингвистики, определил паралингвистику в качестве функционального компонента коммуникативного акта, релевантного для отдельного речевого действия [Колшанский, 2010: 32]. Благодаря научной теории, сформированной Г.В. Колшанским, стало возможным семиотическое рассмотрение паралингвистических компонентов в различных коммуникативных ситуациях.

Дальнейшим рассмотрением вопроса соотношения вербальных и невербальных компонентов занимался Г.Е. Крейдлин, выдающийся отечественный лингвист. Науку, изучающую внесловесную коммуникацию, невербальное взаимодействие и поведение людей, Г.Е. Крейдлин предложил назвать невербальной семиотикой. Им была разработана внутриязыковая семантическая типология невербальных компонентов в семиотическом аспекте [Крейдлин, 2004: 581]. В основу анализа невербальных маркеров репрезентации ложного высказывания в данном диссертационном исследовании легла классификация аспектов невербальной семиотики, предложенная Г.Е. Крейдлиным.

Декодирование ложных маркеров будет осуществляться посредством следующих аспектов невербальной семиотики: кинесика (жесты,

телодвижения), просодика (ритмико-интонационное оформление речи), окулесика (визуальное поведение), такесика (тактильные прикосновения). Считаем справедливым мнение Г. Крейдлина, который определяет паралингвистические средства как «дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2004: 27] и отмечаем функциональную значимость паралингвистических средств, их способность окантовывать речь, выявляя эмоциональную сторону речевого сообщения. Ошибочно полагать, что речь как элемент коммуникативного поведения – это одно, а неречевые средства выражения поведения человека – жесты, мимика, движение – совсем другое. Совершенно очевидно, что в совокупности это цельный экспрессивный поток внутренней, скрытой жизни человека.

Эмоциональные компоненты коммуникации в художественном тексте исследует лингвист Е.А. Русина и приходит к выводу, что эмоциональное состояние человека не маркировано в кинемах, а имеет латентный характер. Поведение персонажей в соответствии с этим учёный характеризует как адаптивно-поисковое, определяя жесты в качестве семантически диффузных средств. Паралингвистические явления позволяют выявить и верифицировать высказывание с ложной интенцией. Естественный язык при этом выполняет металингвистическую функцию, который выступает средством вербализации паралингвизмов в тексте [Русина, 2002: 16].

Анализ эмоционального состояния персонажей представлен также в трудах языковеда И.А. Головановой, выявившей особенности выражения эмоций героев в русских и немецких художественных текстах. Так, учёный утверждает, что отечественные авторы для отражения эмоционального состояния персонажей используют экспрессивно-выразительные единицы, как, например, кинемы рук и ног. Немецкая художественная текстовая культура, напротив, характеризуется менее экспрессивными несловесными

сигналами с участием мимики и ритмико-интонационных изменений голоса [Голованова, 2009: 45].

При классификации паралингвистических средств ложного речевого сообщения спорным представляется статус следующих явлений: смех, плач, кашель и т.п. Лингвист Е.А. Русина детерминирует плач в качестве «химической реакции» и соотносит к «периферийным» явлениям [Русина, 2002: 5]. Языковеды М.А. Поваляева и О.А. Рутер наряду с интонационными изменениями и паузами определяют смех, плач, вздохи, кашель как «просодические и экстралингвистические» явления [Поваляева, Рутер, 2004: 6]. Интонационные средства выступают неким организованным контекстом, актуализирующим единицы на каждом уровне языковой системы. Просодические средства придают единице языка вспомогательное значение, расширяя при этом её содержательность и функциональность.

Молчание и паузы, как коммуникативное поведение для реализации ложного сообщения, занимает промежуточное положение между вербальными и невербальными средствами [Шабанова, 2007: 183]. Молчание, бесспорно, невербально по своей сути, между тем в рамках речевого акта оно отличается большей экспрессивной силой, чем мимика или жесты. С другой же стороны, молчание транслирует сложную гамму чувств. Функции его столь разнообразны и глубоки – всё это позволяет говорить об особом, промежуточном положении молчания [Инубуси, 2002: 23]. Советский и российский писатель Д.А. Гранин в рассказе «Собственное мнение» определяет молчание как самую удобную форму лжи, утверждая, что «оно умеет ладить с совестью, оно оставляет лукавое право хранить собственное мнение и, возможно, когда-то сказать его» [Гранин].

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что паралингвистика лжи является предметом междисциплинарного рассмотрения ряда наук. Разнообразие концептуальных установок демонстрирует возрастающий интерес и внимание к работам, посвященным анализу компонентов

невербального взаимодействия в ситуации лжи. Исследование невербальных средств манифестации ложных высказываний в семиотическом аспекте позволит углубить и обогатить знания о действенных способах выявления лжи в художественном дискурсе, правильно трактовать невербальное поведение участников коммуникативного взаимодействия.

1.4. Образ лгущего персонажа как художественная форма представления авторского присутствия

Вопросы интеграции языковых явлений в тексте художественного произведения в единое органичное целое с давних пор вызывают исследовательский интерес филологов. Детерминантом подобного единения предстаёт авторское сознание. Отечественный лингвист-литературовед В.В. Виноградов определил данный организующий источник в качестве образа автора, называя его субстратом монологической речи, выражающий художественное сознание автора [Виноградов, 1980: 42].

Категория авторства, коммуникации автора с читателем посредством текста активно исследуется европейскими и американскими философами и литературоведами в XX в (Барт Р., Гадамер Г., Риккер Г., Шлейермахер Ф., Шмид В., Эко У.). Философы рассматривали автора в роли непререкаемого авторитета в порождении смысла произведения, хотя осмыслением проблемы читателя, его роли и интерпретацией текста занимались и раньше, еще в XIX в., в рамках герменевтики.

После, оказавшись в области психологических исследований, интерпретация художественного текста получает новый смысл: текст выступает сферой познания когнитивных, мотивационных и эмоциональных сфер создателя произведения [Вахтель, 2009: 257]. В настоящее время исследовательский фокус сместился в сторону анализа деятельности автора, как отдельного элемента коммуникации между

автором и текстом. Эта проблема включена сейчас в область интересов научного познания.

В литературоведческой науке категория авторства рассматривается в фокусе двух оппозиций: отрицание авторского присутствия в роли создателя произведения и признание его вовлеченности в мир произведения [Мельничук, 2002: 37-42]. Присутствие автора в тексте отрицает исследователь Р. Барт, говорящий о «смерти автора». Р. Барт утверждает о расположении книги и автора на единой оси с временной градацией на «до» и «после». Иными словами, создатель книги существует в прошлом относительно своего произведения [Барт, 2001: 387]. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что литературное произведение неотделимо от своего творца. Ввиду того, что художественная реальность произведения подчинено представлениям автора и его замыслу, он не исчезает из произведения, а проявляется в тексте с уникальной выраженностью [Андросова, 2015: 24].

Как и большинство учёных, мы убеждены, что каждое произведение сосуществует лишь со своим создателем. Создатель художественного текста неотделим от персонажа и выступает значимой составляющей образа героя, ввиду чего рассматривать их следует в совокупности [Тахтарова, 2021: 198-202]. Позицию автора понимается и воспроизводится только из мира произведения, в котором он воплощён. В связи с этим считаем мнение В.И. Заики о том, что *изображенная в художественном тексте действительность является отражением опыта автора* [Заика, 2003: 120], релевантным для исследования маркеров ложных высказываний героев, зафиксированных автором произведения.

Все компоненты художественного текста, начиная от сюжета до элементов письменности, определяются осознанным выбором автора согласно его желанию и задумке. Весь путь искусственно созданной реальности читатель проходит сквозь призму авторского мировоззрения по традиционной схеме Автор-Текст-Читатель [Андросова, 2015: 24].

В настоящее время в теории текста и литературоведческой науке представлено довольно большое количество терминов для выражения присутствия создателя в тексте: *образ автора* [Брандес, 1983; Валгина, 2003], *авторская интонация* [Баламакова, 1998; Журтова, 2005], *авторское сознание* [Бутакова, 2001; Гацура, 2010], *авторский узор* [Копытов, 2010], *авторская модальность* [Гальперин, 2008; Зорина, 2005; Стародубова, 2014].

При отражении своих взглядов автор выбирает разнообразные языковые тактики и стратегии, графические и композиционные средства, посредством которых он кодирует информацию. В процессе познания читатель пытается декодировать символы и конструирует аналог авторского мироотношения. Отсюда, психологическое ядро художественного текста образуют не только смыслы, но и невербальные символы, передающие эмоции героя [Вахтель, 2009: 257]. Именно невербальные компоненты коммуникативного взаимодействия придают особый психологизм процессу взаимодействия «автор-текст-читатель» [Сонин, 2005: 115]. Авторские реплики строятся на определённых паралингвистических явлениях, ввиду этого представляется возможным проследить всё многообразие и типичность семиотических особенностей невербальных единиц [Колшанский, 2010: 96].

Обозначенную точку зрения разделяет и лингвист И.В. Вашунина, которая считает, что эффект воздействия вербального текста невозможен без учёта невербальных средств. Выявление вербальных и неязыковых средств позволит предвидеть воздействие запланированных коммуникативных актов [Вашунина, 2007: 32]. Каждый человек обладает собственным опытом восприятия действительности, несмотря на это отличие, апперцепцию получателями отдельных смыслов можно спрогнозировать при схожей биологической, психической и эмоциональной организации между автором и читателем.

Сложно представить литературное произведение без выражения эмоций, в которых автор помимо действительности отображает и духовную сущность своего героя. Эмоциональный фон формируется с помощью лексем, обозначающих паралингвистические голосовые модуляции. Жестовый рисунок является следующим важным средством для описания ложного поведения персонажей. Интенсивность действия на синтаксическом уровне акцентируется авторской пунктуацией. Визуальное поведение персонажа передается через оценочные зрительные маркеры. Авторская позиция к ложному процессу маркируется описанием выражения лица персонажа и его психосоматического состояния посредством соответствующих мимических маркеров. Совершенно очевидно, что невербальные средства выражают авторскую позицию непосредственно через сложный и структурированный художественный контекст.

Автор произведения является психологом, интерпретирующим образы и поступки персонажей согласно своим духовным ориентирам. Посредством языкового оформления художественного текста складывается авторская триада, которая согласно мнению Г.В. Степанова модифицируется в формулу «действительность – образ – текст» [Степанов, 1976: 83].

Само понятие «художественный образ персонажа» не является однозначным. Некоторыми исследователями художественный образ определяется как речевое явление или языковое свойство художественного текста, где выделяются литературный образ персонажа и речевой образ (художественно-выразительные свойства речи) [Ефимов, цит. по Волкову, 2001: 93]. Другие учёные убеждены, что образ литературного персонажа представляет собой «зафиксированный сознанием фрагмент реальности», воспринятый автором и художественно воплощённый в языковой системе знаков [Катермина, 2019: 57-60]; более сложное явление, являющееся системой чувственных деталей, воплощающих содержание художественного произведения, благодаря которому создаётся нечто новое

с колоссальным содержанием [Выготский, 2004: 72]. «Литературный персонаж», «персонаж художественного произведения» или «художественный образ» является основной единицей художественного текста, выступая мерой конструкции литературного текста, его центром.

У каждого писателя своя манера создания определённого образа персонажа в произведении, обуславливающая аксиологическую или оценочную функцию текста. Для разработки проблемы образа героя в ложном дискурсе и его прагматического, художественного анализа, введём в научный оборот понятие *«лгущего персонажа»*. Всё типологическое многообразие лгущего персонажа сводится к лексико-семантической классификации в зависимости от признаков коммуникативного типажа и системы ценностей, формирующей нравственное поведение персонажа. При этом сам термин *«лгущий персонаж»*, на наш взгляд, является более ёмким и включает в себя синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик персонажа, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение. В этой связи, при анализе текстовой структуры произведения, необходима корреляция «образа персонажа» с понятием «образ автора».

Рассматривая персонаж в роли языковой личности, Ю.Н. Караулов отмечает, что истинной языковой личностью в произведении является автор, а не персонаж. Действительно, именно творец произведения в роли носителя определённого языка, осмысливая свою жизнь и свой мир, отражает их в своей речи, характеризуя тем самым речевую манеру персонажа.

Языковую личность персонажа литературного произведения следует изучать на основе его дискурса, включающего внешнюю и внутреннюю речь, где основными формами выступают «поток сознания» и внутренний диалог [Караулов, 2010: 230-238]. Внутритекстовая языковая личность «художественно» изображается автором в органическом соединении с духовным ядром произведения.

Внешняя речь по степени качества, восприятия и её понимания другими обусловлена ситуативностью, необработанностью или своей продуманностью. Внутренняя же речь беззвучна, скрыта, приспособлена к осуществлению мыслительных операций, проявляясь посредством невербальных средств. Органическое соединение внешней и внутренней формы позволяет литературному тексту стать носителем авторской, художественной информации, покоящейся в подтексте произведения.

На основе вышесказанного, под *«лгущим персонажем»* нами понимается *субъект эмоционального переживания, обладающий самостоятельной жизнью и содержанием, чей невербальный портрет в ситуации манифестации ложного высказывания воплощается посредством определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования.*

В мировой художественной литературе существует немало типов лгущего персонажа (например, шельма Тиль Уленшпигель в немецкой литературе; Остап Бендер в облике плута в русской литературе; архетип лжеца, авантюриста в русской литературе проявляется в образе графа Калиостро; типаж лицемера в английской литературе выявляется в образе Генриха IV; образ *el pícaro* в испанской литературе). Тот или иной образ лгущего персонажа складывается на основе совокупности сюжетно-композиционных средств, речевых и поведенческих характеристик персонажа.

Другим важным фактором, влияющим на тип и облик лгущего персонажа, является исторический и социокультурный период. Так, в художественных произведениях выделяются следующие типажи персонажей: 1) *притворщик, симулянт* – человек, ложно принимающий какой-либо вид для неискреннего поведения, с целью ввести в заблуждение (например, Тартюф в пьесе Мольера); 2) *льстец, лицемер* – человек, демонстрирующий угодническое поведение для завоевания благосклонности (например, Чичиков в поэме Гоголя «Мёртвые души»;

Молчалин в комедии Грибоедова «Горе от ума»); 3) *хвастун* – человек, который отзывается о себе или о чём-либо с излишней похвалой (например, Пер Гюнт в одноимённой пьесе норвежского драматурга Генриха Ибсена); 4) *плут* – человек, искусно скрывающий свои намерения, ловкий обманщик, хитрец (например, Хлестаков в комедии Гоголя «Ревизор»); 5) *враль, обманщик* – тот, кто постоянно врёт, выдумывает вздор, нелепости, пустослов, болтун (например, барон Мюнхгаузен в немецких рассказах Г.А. Бюргера).

Таким образом, образ лгущего персонажа в художественном произведении зависит от социальных, психологических и политических особенностей описываемого общества, в котором живёт и творит писатель, и которое он описывает в произведении. В настоящем исследовании образ лгущего персонажа рассматривается комплексно. При этом особое внимание уделялось невербальному поведенческому коду лжеца (кинесика, просодика, окулесика).

Посредством невербальной составляющей текста автор совокупно заостряет внимание читателя на внешнюю сферу лгущего персонажа, которая отражает и его внутренние потребности, мотивы и миропонимание, придавая образу персонажа целостность, законченность и создавая эффект реалистичности бытия. В свою очередь, целостный, убедительный образ литературного героя создаётся совокупностью национально-культурных черт, детерминированных лингвокультурным сообществом. Обратимся к национально-культурной специфике лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе.

1.5. Национально-культурная специфика лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе

Произведения художественной литературы выступают неким развёрнутым во времени культурным артефактом, в своей сущности являясь материальной формой языка, где проявление смыслов и воссоздание художественного образа происходит за счёт аккумуляции опыта автора и культурной ситуации. Аксиоматичным является утверждение Ю.М. Лотмана о том, что художественное произведение есть текст культуры [Лотман, 1992: 203].

Ложь как коммуникативный феномен является неотъемлемой частью действительности человека и, естественно, присутствует практически в каждом литературном произведении. На тесную связь лжи и литературы указывал ещё Платон, по утверждению которого «все поэты лгут». В художественной литературе ложь приобретает особый вес в том случае, когда она является основным занятием главного персонажа.

Для обстоятельной трактовки понятия лгущего персонажа в художественной литературе считаем необходимым обратиться к существующим образам лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе. Истоки лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе следует искать ещё в эпохе немецкого Гуманизма, который характеризуется возникновением баллад, песен, поучительных историй. Одним из ярких примеров подобного эпоса является стихотворный рыцарский роман Г. Страсбургского „*Tristan und Isolde*“ (1205-1210). В данном эпосе о любви противопоставляется фатальные чувства влюблённых и великая история обмана, заслужившая общественное порицание. Причины и поведение лгущего героя на этом этапе романтизируются в произведениях.

Исследование истоков представления лжи в немецкоязычной литературе отсылает также к произведениям немецкого Гуманизма, где

появляются жанры сатирических произведений – пародий, поучительных проз, комедий, небылиц. В XIV-XV веках немецкими поэтами и писателями было создано большое количество легенд и баллад, среди которых особое место занимают немецкие песни и истории о лжи [Uhland L. цит. по Petzi, 2004: 36]. Лгущий персонаж становится центральной фигурой в небылицах, традиции написания которых в немецкоязычной литературе достаточно богаты (см., например, H. Sachs „*Spruch oder Schwank vom Lügenberg*“, 1533 и мн. др.). Труды немецких гуманистов повлияли не только на развитие исторических событий в Германии в XVI, но и на формирование национальных традиций в написании небылиц. Вымысел, передающийся в виде рассказа, устным путём, широко представлен в немецкоязычных небылицах (J. Biedermann „*Jagdlüge*“, 1622; H. Julius „*Vom Wirth und den drei Wandersgesellen*“, 1708; J.W. Wagner „*Neue zeitung auss der ganzen welt*“, 1605; B. Waldis „*Vom lügenhaften Jüngling*“, 1788) [Müller-Fraureuth, 1965: 16].

На границе Средневековья и эпохи Ренессанса в противовес рыцарскому эпосу возникли произведения, где сложилось изображение лгущего персонажа в роли «плута», «обманщика» и «хитреца». Лгущий тип литературного героя представлен в пикарескных или плутовских романах (нем. *Schelmenroman*), где изображаются похождения героя-плута (см., например, „*Till Eulenspiegel*“, 1510-1511; Ch. Reuter, „*Schelmuffsky*“, 1696).

Своеобразный жанр смеховой культуры представлен в немецкой литературе в виде шванка, шуточного рассказа, шутовской народной комедии с поучительным смыслом. С присущим национальным колоритом в шванках обыгрывается гиперболизированный образ плута, который ввиду иных внутренних норм, воспринимает мир по-своему и поступает соответственно неискренне. Характерной чертой представленного жанра является одновременное выполнение развлекательной и дидактической задач.

Ярким примером лгущего персонажа является герой произведения Р.Э. Распе – немецкий барон Мюнхгаузен (*R.E. Raspe „Münchhausen“*, 1533). В данном произведении ложь носит развлекательный характер, а барон изображён в роли очаровательного лжеца и бездельника. Ироничное, плутовское поведение получило нарицательную семантику – «врать как барон Мюнхгаузен», а именем фантазёра стали именовать зазнаек, крайне преувеличивающих свои достоинства. Так, появилось широко употребляемое сравнение «врать как барон Мюнхгаузен» для тех, кто непрерывно лжёт и приписывает себе подвиги и качества, которых на самом деле нет. В связи со значительной переработкой данного произведения немецким поэтом Г.А. Бюргером появилось, по сути, не только новое произведение в немецкой литературе, но и новая форма небылиц – «мюнхгаузиада» (*„Münchhausiade“*), в которой повествуется о военных событиях, приключениях на охоте и во время путешествий. Жанрообразующим признаком плутовского поведения является установка на безвредность лжи. В немецких сказках и небылицах (*Lügendichtungen*) лгущий персонаж представлен в роли «плута» в абсурдной действительности, где опасность, подстерегающая героя, комически преувеличена. Лживость героя как характеризующая его психологическая особенность проявляется не только в том, чтобы сформировать у получателя неверное впечатление о событиях, но и количестве примеров патологических лжецов, которых в художественной литературе достаточно много. Например, Г. Сакс приводит девять типов: *Ehrenlügner*, *Schmeichel-Lügner*, *Trug-Lügner*, *Hader-Lügner*, *Doppelt-Lügner*, *Mähr-Lügner*, *Alt-Lügner*, *Rühm-Lügner*. Все эти виды лжи основаны на пороках человека [Müller-Fraureuth, 1965: 27].

Популярным литературным жанром в немецкой литературе, где представлен безобидный лгущий персонаж, становится небылица. В немецком литературоведении различают несколько подвидов небылиц: *Lügengeschichte* (неправдоподобные истории), *Lügenroman* (небылица-

роман) (например, „*Abenteuer Sindbads der Seefahrers*”), *Wunschlügenerzählung* (небылица-рассказ) (например, „*Schlaraffenland*”), *Lügenmärchen* (небылица-сказка) (например, „*Schneekind*”) и др. [Metzler-Literatur-Lexikon, 1990: 285]. При этом небылица определяется как рассказ о фантастических, невозможных, порой невероятно преувеличенных событиях. При этом компоненты невербального поведения лгущего персонажа преимущественно остаются за рамками внимания автора.

В XIX веке ложь становится частой темой, особенно в период Предмартовской революции 1848 года. Принцесса Амалия, герцогиня Саксонии, даже посчитала себя обязанной написать комедию на тему лжи „*Lüge und Wahrheit*“ (1836). В этой связи приведём в пример также уже практически забытые произведения Р. Бенедикса „*Die Lügnerin*“ (1848), „*Das Lügen*“ (1852). Не теряет свою актуальность и комедия Ф. Гриллпарцера, которая до сих пор ставится на сцене „*Weh dem, der lügt!*“ (1840), которая причисляется к лучшим произведениям литературы о лжи в Германии [Petzi, 2004: 37]. К концу XIX века становится очевидным, что плутовской роман постепенно трансформируется в воспитательный роман, приобретая жанровые черты.

Более глубокое проникновение во внутренний мир и причины поведения лгущего персонажа представлено в произведениях немецких писателей конца XIX середины XX веков (см., например, Н. Heine, „*Aus den Memorien des Herrn v. Schnabelewopski*“, 1834; G. Keller, „*Kleider machen Leute*“, 1874; T. Mann, „*Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull*“, 1954; G. Grass „*Die Blechtrommel*“, 1959; I. Morgner „*Leben und Abenteuer der Trobadora Beatriz*“, 1974 и мн. др.). В этой связи следует также упомянуть утверждение немецкого лингвиста Б. Кюммерлинг-Майбауер, согласно которому послевоенные годы XX века ознаменовались появлением особого литературного жанра, «поддельных автобиографий и мемуаров» [Kümmerling-Meibauer, 2019: 552-564], где лжецы рождали массу вымышленных и потому особо циничных воспоминаний. Ярким примером

подобного произведения выступает автобиография Б. Вилькомирского и его лживые детские воспоминания о Холокосте «Осколки: Воспоминания о военном детстве».

В современной немецкоязычной литературе также немало примеров плутовского романа, где описываются похождения плута (например, Ch. Simon, „*Planet Obrist*“, 2005; I. Schulze „*Peter Holtz. Sein glückliches Leben von ihm selbst erzählt*“, 2017 и др.).

Очевидно, что тема лжи и образ лгущего персонажа имеет не только национальные традиции в немецкой литературе, но и определённые исторические этапы развития. Ложь стала настолько неотъемлемой частью повседневной жизни людей, что её присутствие обозначено авторами в произведениях различными функциями: регулирующей, манипулятивной, эмоциональной, поэтической и др.

Анализ немецкоязычной художественной литературы показал, что степень конкретности описания поведения и внутреннего мира лгущего персонажа в каждом отдельном произведении разная и зависит от многих причин: от жанра произведения в национальной литературе, национального типа лгущего персонажа, объекта поступка, невербального кода поступка лжеца, причин осуществления ложного высказывания и авторской оценки самого поступка лгущего персонажа. Очевидно, что поведение лгущего персонажа будет во многом зависеть и от жанра произведения. Художественная литература, являясь некой имитацией реального речевого общения, может представлять объективный эмпирический материал для исследования поведения лгущего персонажа.

Выводы по первой главе

Проведённый обзор исследований по основополагающим вопросам диссертации позволяет прийти к следующим выводам.

1. Описано, что в условиях постоянно изменяющегося социума, человеческое общество на данном этапе развития изучается в связи с вопросами развития и социализации личности. Обращают на себя внимание вопросы коммуникативного взаимодействия и условия оптимизации коммуникации. Помимо стратегий позитивной коммуникации интерес вызывают и явления ложного высказывания, которые не соответствуют представлениям о корректном общении.

2. Определено, что паралингвистическая маркированность лжи имеет теоретическое обоснование в философских, антропологических, социально-психологических учениях. Начиная с философско-этических трудов античных учёных, предпринимаются попытки осознания природы лжи и несловесного общения. Антропология устанавливает факторы для проявления невербальных движений и прослеживает механику движения мышц, участвующих в осуществлении тех или иных невербальных манипуляций. Представить социальные отношения без участия невербальных элементов в ходе коммуникативного взаимодействия не представляется возможным. Так, социология пытается выявить роли невербальных компонентов в организации социальных взаимоотношений. Психология, исследует паралингвистические явления, классифицируя их по градационному континууму в зависимости от невербального поведения личности.

3. Репрезентировано, что вербальные компоненты участвуют в верификации лжи, невербальные – транслируют её, без прямой номинации. Тематика невербальных средств коммуникации при манифестации ложного высказывания является в высокой степени актуальной и вызывает широкий интерес в научном обществе. Существуют различные средства реализации

ложных высказываний – вербальные и невербальные. Для более точного воссоздания реальной коммуникативной ситуации особое внимание обращается на неречевое поведение коммуникантов. Невербальное поведение сложно продумать и проконтролировать, вследствие этого оно выступает убедительной формой декодирования лжи, являясь внешней моделью бытия и отражением внутреннего мира индивидуума.

4. Обнаружено, что невербальное поведение презентуется с помощью различных поведенческих классификаций, которые имеют в своей основе те или иные критерии. В качестве каналов невербального кода осуществления ложного высказывания выявлены кинесический, просодический и окулесический.

5. Доказано, что невербальные средства выражения авторского присутствия в художественном тексте заслуживают отдельного исследовательского интереса. Автор – личность с душевными переживаниями, определённым образованием и жизненным опытом. Любое литературное произведение не станет в полной мере литературным произведением без читателя. Автор и читатель в тесной кооперации создают единое творение, смысл которого каждый автор и его читатели постигают индивидуально. Инструментом для глубокого понимания и осмысления вложенного творцом смысла, для единства всех единиц категориальной цепочки «автор – текст – читатель» и выступают невербальные компоненты речевого поведения героев художественного текста.

6. Установлено, что основой сюжетодвижения и целостной композиционной структурой художественного произведения выступает образ лгущего персонажа, а «эволюция художественного образа персонажа» характеризует сюжетную динамику текста. Пристальному вниманию со стороны лингвистов подвергаются вопросы, связанные с изучением художественного текста как единой многоуровневой системы мировоззренческого континуума и культурной компетенции.

7. Обосновано понятие лгущего персонажа, под которым понимается субъект эмоционального переживания, обладающий самостоятельной жизнью и содержанием, чей невербальный портрет в ситуации репрезентации ложного высказывания воплощается посредством определённых языковых и сюжетно-композиционных средств авторского повествования. Образ лгущего персонажа складывается на основе совокупности сюжетно-композиционных средств, речевых и поведенческих характеристик персонажа. Лгущий персонаж включает в себя синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение.

8. Выявлено, что национально-культурная специфика лгущего персонажа обусловлена ментальной картиной времени и культуры, в которой разворачивается сюжет. Образ лгущего персонажа в художественном произведении во многом культурно и национально детерминирован и может отличаться от стереотипных представлений о лжеце. Этноментальные характеристики лжеца, его невербальное поведение способствуют созданию модели типизированной личности лгущего персонажа, а также получению дополнительных и значимых знаний культурологического характера.

ГЛАВА II. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА НЕВЕРБАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОВЕДЕНИЯ ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СИТУАЦИИ ЛОЖНОГО ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В последние десятилетия феномен художественного дискурса активно изучается в масштабах филологической научной мысли. Актуальность данного интереса объясняется тем, что художественная литература является своего рода моделью коммуникативного акта, в которой заложена определённая прагматическая цель, реализующаяся в конкретных экстралингвистических условиях. Художественному тексту присущи такие прагматические параметры, как «автор речи, его коммуникативная установка, адресат и в совокупности с ним эстетическое воздействие» [Арутюнова, 2005: 136-137]. В процессе осмысления читателем авторского замысла и раскрытия художественных образов происходит трансформация когнитивно-коммуникативной личности творца произведения. Речь автора выступает «первоисточником нравственного наслаждения» [Мельничук, 2013: 125-135], влияющим на духовно-нравственное пространство реципиента, его взгляды и стремления. Этим определяется эстетическая функция и обуславливается основная задача литературного текста.

Помимо взаимодействия автора и реципиента художественный дискурс предполагает передачу индивидуальных, культурных и исторических познаний, интерпретация которых способствует лучшему пониманию особенностей коммуникации и национальной картины мира в отдельный период существования этноса.

Из множества дефиниций художественного дискурса, в рамках исследования художественного текста с позиции антропоцентризма, мы придерживаемся определения Ю.Н. Караулова, который под художественным дискурсом понимает «связный текст в его совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными,

психолингвистическими и другими факторами, как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания» [Караулов, 2010: 79].

При восприятии ситуативного фрагмента и произведения в целом читатель соотносит текст, безусловно, с пониманием социокультурных особенностей отдельного этноса, а также жанровых, стилевых и идеологических составляющих художественного дискурса. Из всего разнообразия немецкоязычной художественной литературы нами были проанализированы произведения XX – XXI вв., где преобладали художественные романы, романтический и криминальный дискурсы, и выявлено 850 невербальных маркера, участвующих при репрезентации ложного высказывания.

Социокультурные доминанты позволяют передать портретную характеристику героя художественного произведения и выявить характер межличностных отношений. Значимым средством для воссоздания художественного образа, его выразительности и чувственности выступает язык человеческого тела, являясь эффективным средством эмоционального взаимодействия [Ренц, 2011: 141]. Вскрывая смыслообраз коммуникации, невербальные средства позволяют приблизиться к пониманию коммуникативно-прагматической и психологической канвы вербального поведения героев литературного произведения.

Ориентация на декодирование вербального и невербального кода поведения персонажей открывает возможности для реализации антропоцентрического принципа при анализе текста и актуализации модели типизированной личности лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе.

2.1. Система лексических единиц, репрезентирующих невербальные маркеры лжи в немецкоязычном художественном дискурсе

Человеческая коммуникация – процесс весьма сложный, включающий в себя языковые и несловесные знаки. В предыдущей главе мы рассмотрели неразрывную связь вербальных и невербальных средств, участвующих в пространстве, как коммуникативного взаимодействия, так и художественного дискурса при выражении авторского замысла. По красноречивому утверждению немецкого филолога и философа Г. Вайнриха, индивидуум не употребляет в процессе речи разрозненные вербальные знаки, общение строится на предложениях и текстах, и речь «покоится на ситуации» [Красных, 2001: 204]. Ситуация выступает исходным пунктом композиции любого текста, включая и художественного.

Предметом нашего исследования являются языковые средства немецкого языка, репрезентирующие паралингвистические признаки передачи ложного высказывания. Верифицирование ложного высказывания осуществлялось нами посредством паралингвистических или невербальных маркеров. Декодирование именно невербального поведения или иначе «лексики языка тела» [Крейдли, 2011: 81] способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации ложного общения.

Отправной точкой для наших рассуждений явилось понимание репрезентации *контролируемых и неконтролируемых* психологических реакций коммуниканта при реализации ложного высказывания. Данные психологические реакции регулируются соматической и вегетативной нервной системой. В этой связи, все эмоциональные проявления человека при манифестации лжи уместно классифицировать на соматические (от греч. *soma* – «тело») и вегетативные (от лат. *vegeto* – «возбуждать, усиливать») реакции. Исследователи Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров

характеризуют соматические реакции такой важной особенностью как намеренность и произвольность [Верещагин, 1981: 36]. При осуществлении ложного высказывания человек старается мобилизовать функции организма и контролировать свои реакции, не выдавая себя, своё внутреннее состояние и истинные намерения. Соматические реакции довольно сложно поддаются корректной верификации при изобличении лжеца. Вегетативные проявления произвольны по своей природе и сложно поддаются сознательной регуляции, вследствие этого выступают весьма информативным маркером при детекции лжи.

К соматическим реакциям Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров относят такие явления как сознательные жесты и телодвижения, направленные на получателя информации; позы тела; движения лица; мимические проявления [Верещагин, 1981: 75]. К признакам соматических реакций исследователями относятся также продолжительные зрительные реакции и отсутствие визуального контакта [Валиулина, 2015: 100-101].

К вегетативным проявлениям причисляются изменение цвета кожи лица, дрожание отдельных частей тела, колебания ритма дыхания и затруднения в речи [Валиулина, 2015; Спирица, 2017]. В качестве отдельных симптомов выражения вегетативного сигнала, ввиду своего интенсивного проявления в состоянии эмоционального напряжения, или элементами экстралингвистики, выделяют смех [Лабунская, 1986; Николаева, 2000], мигание, артикуляторные паузы, заикание, кашель, а также внезапный переход на другой язык [Безруков, 2016: 10-11].

В настоящем исследовании соматические и вегетативные реакции, вслед за учёным С.В. Валиулиной, детерминируются нами как *сомативы* и *вегетативы* [Валиулина, 2015: 99-100]. Соматические реакции субъекта лжи, или сомативы, представлены следующими кинесическими, просодическими и окулесическими невербальными маркерами: прикосновения к лицу и носу, «защита» рта рукой, потирание века, почесывание шеи, игра с волосами или украшениями, манипуляции с

предметами, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, быстрый темп и высокий тон речи, покашливания, отсутствие зрительного контакта и т.д. Вегетативы активизируются соответствующими кинесическими, просодическими и окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица или щек, или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание губ, беспокойное положение рук, дрожь, изменения тембральных характеристик голоса, истерический смех, рефлекторное моргание и иные невербальные маркеры.

В результате анализа репрезентаций ложного высказывания в немецкоязычных художественных текстах были выявлены основные сомативные и вегетативные типы невербального описания поведения лгущего персонажа. Исходя из того, какая часть тела была задействована при осуществлении ложного высказывания, была определена группа **кинесических сомативов**, выражаемая следующими маркерами: “*Kopf*” – голова, “*Stirn*” – лоб, “*Braue*” – веко, “*Nase/ Nasenspitze*” – нос/ кончик носа, “*Mund + Lächeln*” – рот + улыбка, “*Haar*” – волосы, “*Arm/ Hand/ Finger*” – рука/ ладонь/ пальцы, “*Achsel/ Schulter*” – плечо, „*Rücken*“ – спина, “*Fuß/ Bein/ Knie*” – ступня/ нога/ колено. Отметим, что кинесические сомативы представляют самую большую группу от общего числа выявленных невербальных маркеров. Это объясняется тем, что в процессе осуществления ложного высказывания лжец пытается нивелировать своё психоэмоциональное напряжение.

Для замещения своих эмоций, самозащиты и подтверждения мнимой «правдивости» лжец прибегает к кинесическим телодвижениям, жестикуляциям и мимическим изменениям. Например, стремление прикрыть рот рукой или пальцем при коммуникации указывает на подсознательное стремление подавить произнесение лживых слов. Жестом «потирание века» лжец несознательно демонстрирует попытку заблокировать неприятную информацию или своё сомнение в сказанном. Подобных

информативных жестов, служащих для декодировки лжи, немалое количество.

Приведём один из них:

„Was willst du eigentlich?“ fragt Mario sie jetzt.

*Laura **legt einen Finger auf ihren Mund** und log leise, „Ich weiß nicht“.*

Mario sieht sie belustig aber nicht böse an.

[Dückers, Spielzone, 2002, S. 186]

Данный пример демонстрирует разговор между молодой парой. Прагматический контекст представленного диалогического эпизода репрезентирует осуществление лгущим персонажем ложного высказывания с помощью кинесического соматива. Для яркого выражения неискренности автор использует кинесический маркер, выраженный авторской ремаркой *„legt einen Finger auf ihren Mund“* (приложив палец ко рту). Приведённый невербальный маркер обусловлен стремлением скрыть истинное положение дел и является довольно типичным примером неискренности. Данный факт находит подтверждение в теории А. Пиза, утверждавшего, что жест «защита рта рукой» обусловлен подсознательными сигналами мозга и служит для сдерживания произносимых слов и маскировки лжи [Пиз, 2010: 50].

Другим примером неискренности является продолжительная или слишком быстрая, или же несимметричная улыбка лжеца, которая сопровождается без сокращения скуловых мышц и образованием так называемых «гусиных лапок» в уголках глаз. В психологии выделяется более 50-и видов улыбок. Улыбка является естественной эмоцией, которую можно легко изобразить и с помощью которой маскируются истинные намерения при сохранении видимости доброжелательности [Экман, 2010: 16]. Частым примером неискренного поведения лгущего персонажа в художественном дискурсе является именно улыбка, которую авторы описывают с помощью квалификатора (*gefälschtes, mokantes*), глагола

указания на маскировку (*sich durch Lächeln maskieren*) или неестественную продолжительность улыбки (*längerdauerndes Lächeln*).

Продemonстрируем это на следующем примере разговора между супругами:

„Woher weißt du, dass Juden kein Schweinefleisch essen?“, wollte Susanna wissen.

„Der Goldhändler, dem ich deinen Ring abgekauft habe, ist Jude, und der hat mir das erzählt“, log er **mit einem gefälschten Lächeln**, um weitere Fragen abzuwehren, erklärte er **grinsend**: „Mir schmeckt das Schweinefleisch besonders gut, wenn du es zubereitet hast“.

[Zinßmeister, Der Pestreiter, 2014, S. 216]

Ложное сообщение мужа подкрепляется невербальным маркером кинесического соматива с ядром семантического поля „Lächeln“ – „mit einem gefälschten Lächeln“ (с фальшивой улыбкой). В данной сюжетной ситуации невербальный маркер неестественной улыбки вместе с лексемой „grinsend“ (насмешливо) прямо свидетельствуют о неискренности лгущего персонажа и попытке дезинформировать собеседника. Лжецы часто прибегают к притворной улыбке. Психолог П. Экман объясняет это тем, что улыбку несложно изобразить и благодаря радостному выражению лица ввести в заблуждение намного проще [Экман, 2010: 75].

В немецкоязычном художественном дискурсе достаточно очевидными становятся описанные выше явления, которые воздействуют на читателя и идентифицируются им при прочтении произведения. Анализ выявленных кинесических, просодических и окулесических сомативов позволил установить семантические поля, представленных лексемами и словосочетаниями субстантивного, адъективного и глагольного характера.

К группе **кинесических сомативов** относятся:

- семантическое поле с ядром „Haar“ (например, *mit Haar herumspielen*; *Haar zurückstreichen*, *die Haare raufen*);

- семантическое поле с ядром „**Kopf**“ (например, *den Kopf schütteln, das Kopfschütteln, das Nicken, den Kopf zurücklehnen, sich mit dem Kopf bewegen, mit dem Kopf nicken, den Kopf senken*);
- семантическое поле с ядром „**Stirn**“ (например, *die Stirn runzeln, das Stirnrunzeln, die Stirn falten, die Stirn tupfen, kräuseln*);
- семантическое поле с ядром „**Braue**“ (например, *die Brauen hochziehen, die Brauen emporziehen, die Brauen wölben, die Brauen zusammenschieben*);
- семантическое поле с ядром „**Nase**“/ „**Nasenspitze**“ (например, *an der Nase kratzen, recht betroffen die Nasenspitze reiben, die Nasenspitze kneten, den Nasenrücken reiben*);
- семантическое поле с ядром „**Mund**“ (например, *den Mund in die Breite ziehen, den Mund verziehen, kauen*);
- семантическое поле с ядром „**Wange**“ (например, *einen Kuß geben, einen Kuß auf die Wange geben, die Wange zum Kuß reihen*);
- семантическое поле с ядром „**Kinn**“ (например, *sich das Kinn reiben, das Kinn berühren, das Kinn streicheln*);
- семантическое поле с ядром „**Lächeln**“ (например, *gefälschtes Lächeln, sich durch Lächeln maskieren, längerdauerndes Lächeln*);
- семантическое поле с ядром „**Arme**“, „**Hand**“, „**Finger**“ (например, *das Armschwenken, das Armstrecken, Arme verschränkt halten; die Hände reiben, die Handflächen auswärts drehen, den Mund mit den Händen decken, die Hände hinter Rücken nehmen, die Hände kneten, Hände auf Oberschenkel pressen, nehmen, die Finger aneinander reiben, einen Finger sanft um die Augen verbringen, sich mit den Fingern tippen, die Daumen in den Gürtel klemmen*);
- семантическое поле с ядром „**Achsel**“, „**Schulter**“ (например, *mit den Achseln/ Schultern zucken, mit ausweichender Antwort die Schultern hilflos zucken, bis zu den Achseln hochziehen, die Schultern heben/hochheben, das Zucken*);

- семантическое поле с ядром „**Rücken**“ (например, *den Rücken zudrehen, die Kehrseite zuwenden*);
- семантическое поле с ядром „**Knie**“, „**Bein**“, „**Fuß**“ (например, *von einem Fuß auf den anderen treten, von einem Bein aufs andere treten, mit dem Fuß wippen, mit den Beinen wippen, die Beine schwingen, das Knie reiben, gehen*).

Выявленные кинесические сомативы находят, как правило, отражение также в следующих примерах немецкоязычной художественной литературы. Приведём пример диалога между друзьями. Герои обсуждают криминальную историю, случившуюся с их общим приятелем. Один из участников диалога, став невольным свидетелем преступления, владеет большей информацией, чем остальные. Герой испытывает дискомфорт и пытается обуздать эмоциональные переживания.

*Hektisch schritt Alex zum Stuhl zurück und setzte sich wieder. Er war ganz hippelig, **wippte unentwegt mit den Beinen**.*

„Mir geht’s gut“, log er trotzdem.

*Er **presste seine Hände auf seine Oberschenkel** und versuchte seine Beine auf diese Weise still zu halten. Nach ein paar Sekunden, in denen er sich innerlich zu beruhigen versuchte, gelang ihm das auch.*

[Hart, Sommermond, 2011, S. 449]

Демонстрация ложного сообщения подкрепляется кинесическими сомативами с ядром „*Bein*“ – „*wippte unentwegt mit den Beinen*“ (непрерывно качал ногами) и „*Hand*“ – „*presste seine Hände auf seine Oberschenkel*“ (прижал руки к бёдрам). Автор рельефно эксплицирует поведение лгущего персонажа, описывая невербальными маркерами замешательство лгущего персонажа и его попытку скрыть истинное эмоциональное состояние. Очевидно, что манипуляции с руками и ногами трудно поддаются контролю и, следовательно, являются выразительными верификаторами лжи.

Следующую группу представляют *просодические сомативы*, которые преимущественно характеризуются особенностями темпа и высоты голосовых артикуляций. Голос, как невербальный канал, куда сложнее контролировать, чем тело и мимику, поскольку наделён существенными коммуникативными возможностями, анализируемыми другими людьми. Излишняя «безупречность» речи без запинок и ошибок выступает довольно информативным маркером декодирования неискренности. Для женщин и детей при осуществлении ложного высказывания свойственно повышение тона, мужчин же характеризует понижение голосовой интонации с переходом на фальцет [Спирица, 2017: 24]. Это объясняется тем, что в состоянии эмоционального напряжения голосовые связки становятся менее эластичными. Для маскировки своего стресса и страха быть уличённым лжец понижает тон голоса, делает длинные паузы в речи, иной раз сопровождает свою речь покашливанием в попытке придать голосовым связкам эластичность.

К группе *просодических сомативов* относятся:

- семантическое поле с ядром „**Stimme**“ + „**Ton**“ (например, *ruhig sagen, leise sagen, seelenruhig lügen, selbstsicher antworten, überzeugt lügen, tonlos sagen*);
- семантическое поле с ядром „**Stimme**“ + „**Tempo**“ (например, *mit schnellem Tempo, mit dem steigenden Tempo, atemlos, abschnurren, heraussprudeln, wiederholen, murmeln, nuscheln, sagen, sprechen, in der Rede abbrechen*);
- семантическое поле с ядром „**Stimme**“ + „**Höhe**“ (например, *betonen, akzentuieren, mit fester Stimme, Stimme heben, flüstern, heben, erschallen, erwidern, sinken, unterstreichen, das Flüstern*).

Верифицированные просодические сомативы нашли выражение в следующем примере беседы матери с сыном, который пытается уберечь её от расстройства:

„Oder dachtest du mal wieder?“

„Beides“, log ich **mit fester Stimme**, nur um sie zu erfreuen.

Gespannt sieht sie mich an, vergißt den Tubaspieler, der einer ihrer Studenten ist, runzelt sogar die Stirn.

[Riedel, Eine Frau aus Amerika, 2003, S. 18]

Диалогический фрагмент репрезентирует ложь персонажа. Автор подкрепляет неискренность героя просодическим сомативом с ядром семантического поля „Stimme“ + „Höhe“ – „mit fester Stimme“ (твёрдым голосом). Дефиниция просодического соматива указывает на стремление лгущего персонажа контролировать свой голос для большей убедительности. Боязнь разоблачения неизменно отражается на голосовых изменениях лгущего персонажа. П. Экман экспериментально установил, что в ситуациях эмоционального возбуждения, при страхе быть уличённым в обмане, человек повышает голос [Экман, 2010: 43]. Голосовые изменения при эмоциональном напряжении сложно поддаются контролю, но придав голосу определённое выражение, динамику и твердость, собеседника возможно ввести в заблуждение.

В ходе анализа была установлена довольно небольшая группа **окулесических сомативов**, т.е. таких лексических единиц, которые описывают интенсивность зрительного контакта или, напротив, отсутствие визуального контакта у коммуникантов (например, взгляд в сторону). Малочисленность данной группы сомативов объясняется тем, что управлять движениями глаз крайне сложно или практически невозможно. В ходе анализа художественного дискурса было установлено, что окулесическое поведение лгущего персонажа, которое представлено в основном двумя типами: пытаюсь воздействовать на получателя ложной информации, лгущий персонаж демонстрирует немигающий, пристальный взгляд, или же, чувствуя неуверенность и дискомфорт, пытаюсь, таким образом, оправдать себя, отводит глаза в сторону. К группе **окулесических сомативов** относятся:

- семантическое поле с ядром „**Blick**“ + маркер напряжённого внимания (например, *aufblicken*, *anstarren*, *blicken*, *glotzen*, *starren*, *mit erweiterten Pupillen starren*);
- семантическое поле с ядром „**Auge/ Blick**“ + маркер уклонения от визуального контакта (например, *abwenden*, *wegblicken*, *weggucken*, *zur Seite schauen*, *die Augen abkehren*, *von Blickkontakt meiden*, *den Blick wandern lassen*, *den Blick wenden*).

Пример окулесического соматива представлен в следующем диалоге между мужчиной и женщиной. Мужчина желает запланировать ближайшую встречу, и не находит встречного стремления со стороны собеседницы.

“Was ist, wollen wir uns treffen?”

„Weiß nicht, ich hab ganz schön viel um die Ohren. Wohnungssuche“, log ich wegguckend, „Arbeitssuche. Die Kinder zur Schule bringen und abholen“.

[Franck, Lagerfeuer, 2003, S. 257]

Манифестация ложного высказывания осуществляется посредством окулесического соматива „**Auge/ Blick**“ + маркер уклонения от визуального контакта – „*wegguckend*“ (отводя взгляд в сторону). Лгущий персонаж (в данном случае женщина) с помощью выявленного окулесического маркера желает скрыть своё истинное намерение и стремится прервать общение.

Определение статуса вегетативных реакций является дискуссионным вопросом. Н.И. Горелов и Т.М. Николаева не причисляют вегетативные изменения к компонентам невербальной коммуникации ввиду антагонистической особенности внешних проявлений, полагая, что вегетативные реакции передают только интенсивность эмоций без отражения их качественных характеристик [Горелов, 1980; Николаева, 1966]. Вместе с тем, у некоторых людей вегетативные реакции проявляются по-разному: посредством замедления/ учащения сердцебиения, бледностью/ покраснением кожных покровов и т.д.

В лингвистике и в особенности психолингвистике, преобладающей является точка зрения, в соответствии с которой вегетативные проявления выступают симптомами внешнего воплощения эмоционального напряжения [Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1981] или элементами экстралингвистики [В.А. Лабунская, 1986]. Мы, в рамках настоящего исследования, будем придерживаться второго мнения, отмечая значительную роль вегетативных реакций в процессе коммуникативного взаимодействия и ложного высказывания в особенности.

При осуществлении ложного высказывания происходят изменения температуры тела и кожных покровов. Информативным признаком для детекции лжи является также и испарина, появляющаяся на лбу человека и свидетельствующая о сильном умственном или психологическом напряжении. Активные прикосновения к лицу по причине излишнего потоотделения могут стать существенными вегетативными маркерами для верификатора. Анализ немецкоязычных художественных текстов позволил вычленив следующую группу кинесических вегетативов, демонстрирующих ложность высказывания.

К группе *кинесических вегетативов* относятся:

- семантическое поле с ядром „**Gesichtsrötung**“ + маркер изменения цвета лица (например, *das Gesicht **rötet** sich, die Wangen **röten** sich, **rote** Wangen haben, rot anlaufen, rot werden*);
- семантическое поле с ядром „**Schweiß**“ + маркер выделения пота (например, *in **Schweiß** ausbrechen, in **Schweiß** geraten, den Stirn abtrocknen*).

Репрезентация кинесического вегетатива представлена следующим диалогом между братом и сестрой. Молодой человек пытается выяснить причину странного поведения сестры.

„Erzähl mir alles, was du weißt, alles!“

*„Frage, was immer du fragen willst“, sagte sie, und ihre **Wangen röteten sich**. „Ich werde dir gern und bereitwillig antworten.“*

[Noll, Ladylike, 2006, S. 95]

Девушка пытается всем своим внешним видом скрыть внутреннее переживание, не выдав себя, но безуспешно. Осуществление лжи актуализируется кинесическим вегетативом с ядром семантического поля „**Gesichtsrötung**“ + маркер изменения цвета лица – „*Wangen röteten sich*“ (щёки покраснели). Е.В. Спирица объясняет подобные вегетативные изменения тем, что при сильном эмоциональном переживании происходит отток артериальной крови к ногам и лицо бледнеет. Более медленная же венозная кровь, расширяет капилляры, неравномерно покрывая кожу пятнами или вызывая зуд отдельных участков лица [Спирица, 2017: 50].

Состояние стресса и дискомфорта при манифестации лжи отражается в изменении голосовых модуляций и темпа артикулирования, появлении большого числа заминок и заполнителей пауз, ошибок при произнесении. Данные маркеры указывают на несогласованность процесса возбуждения над процессом торможения у лжеца и превалирование первого. Боязнь разоблачения заставляет лжеца запинаться и забыть продуманную ранее линию поведения. Данное состояние может привести и к информационному вакууму, который сопровождается актом молчания.

Ряд исследователей рассматривают молчание в качестве значимого компонента в системе невербальных средств общения, способного, как форма внутренней речи, выполнять и коммуникативную функцию [Берзина, 2013; С.В. Крестинский, 1998]. Согласно Л.А. Лазутовой, молчание, представляет собой совокупность ментального и эмоционального содержимого коммуниканта [Лазутова, 2017: 124]. Молчание отличается экспрессивностью и, в то же самое время, имплицитностью при выражении внутреннего состояния лжеца. Внутренние переживания у лжеца отражаются также с помощью такого вегетативного проявления как смех, в

большинстве случаев истерический смех, сочетающийся с произвольными движениями тела.

К группе *просодических вегетативов* относятся:

- семантическое поле с ядром „**Stimme**“ + маркер неартикулируемой реакции (например, *beben, stottern, husten, räuspern, lispeln*);
- семантическое поле с ядром „**Schweigen**“ (например, *durch Verschweigen, stumm bleiben, still schweigen, keine Antwort geben*);
- семантическое поле с ядром „**Lachen**“ (например, *hysterischer Lachkrampf, Lachanfall, von einem Lachkrampf geschüttelt, kichern*).

Актуализация просодического вегетатива демонстрируется в следующем диалоге между супругами, где муж, замечая задумчивое лицо супруги, интересуется её состоянием.

„*Woran denkst du Liebes?*“

„*Ach....nicht besonderes*“, *log ich **durch Verschweigen***.

So richtig glaubte er mir das nicht, trotzdem schwieg er den Rest der Fahrt.

[Schmidt, Lügen der Vergangenheit, 2012, S. 43]

Женщина умалчивает проблему и уходит от разговора, желая не расстраивать мужчину. Её состояние, однако, не остаётся незамеченным. Ложное высказывание поддерживается просодическим вегетативом с ядром семантического поля „*Schweigen*“ – „*durch Verschweigen*“ (замалчиванием). Молчание способно сопровождать невербальную коммуникацию, являясь его значимой единицей. Важной характеристикой молчания в ситуации лжи является сохранение коммуникативных намерений говорящего. В данном случае правильно говорить о коммуникативно значимом или намеренно используемом молчании, который выполняет специфическую знаковую функцию [Чепанова, 2010: 169].

Глаза выступают дополнительным и очень информативным маркером для верификатора лжи. При стрессе лжец активно моргает или мигает глазами. Данному действию есть физиологическое объяснение, при

переживании стресса подобное зрительное поведение как «защитный механизм» блокирует негативные сигналы. Увеличение зрачков является следующим невербальным сигналом и признаком вегетативной нервной системы, указывающим на ложь. При страхе уличения во лжи происходит выброс адреналина, повышение давления и, как следствие, расширение зрачков.

К группе *окулесических вегетативов* относится:

- семантическое поле с ядром „**Auge**“ (например, *anzwinkern, blinzeln, klimpern, klappern, Augen weit aufreißen, sich die Augen weiten, Augen groß machen, mit den Augen klimpern, mit den Augenwimpern klappern*).

Воплощение окулесического вегетатива нашло отражение в следующем примере. В диалоге мужчина сообщает своей приятельнице, что он знает про её измену мужу.

„*Stimmt?*“

*Sofie wirkt nervös, **hat einen Frosch im Hals, blinzelte heftig** dann setzte betrügend hinzu, „Natürlich nicht, Mensch“.*

[Krauß, Eros, 2006, S. 234]

Женщина, не ожидавшая такой новости, попыталась уйти от разговора. Невербальное поведение героини ярко эксплицирует её эмоциональное напряжение и отражается окулесическим вегетативом с ядром семантического поля „**Auge**“ – „*blinzelte heftig*“ (интенсивно заморгала). На факт осуществления ложного высказывания указывает и другая авторская подсказка, выраженная просодическим вегетативом с ядром семантического поля „*Stimme*“ – „*hat einen Frosch im Hals*“ (ком подступил к горлу). Данный просодический маркер свидетельствует о страхе разоблачения, накале переживаемого ею стресса и, как следствие, ведёт к физиологическому дискомфорту.

Из проанализированных выше примеров, очевидно, что репрезентация паралингвистических маркеров лжи осуществляется за счёт существительных, выражающих кинесическую, просодическую и

окулесическую семантику, содержащих в своей основе «часть тела, продуцирующий действие» + номинативный глагол, непосредственно указывающий на действие. Вербализация действия возможна также с помощью отглагольных конструкций, а именно субстантивированных инфинитивов и субстантивированных наречий.

В ходе анализа выявлено, что содержательные признаки невербальных маркеров ложного высказывания дополнены такими конституентами, как наречия, имена прилагательные лексической периферии рассмотренных выше семантических полей, и словосочетания с конструкцией предлог + прилагательное + существительное.

В процессе исследования анализ отдельно взятого слова осуществляется не обособленно, а в контексте его семантического окружения. Лексемы семантического поля представляют значимость лишь в совокупности с дифференциальными компонентами, входящими в пространство семантических признаков лексической доминанты [Башарина, 2007: 93].

В соответствии с данным утверждением целесообразно описать **микрополя кинесических, просодических и окулесических характеристик** осуществления ложного высказывания. В процессе исследовательского анализа немецкоязычной художественной литературы нами было выделено девять групп микрополей, выступающих качественной характеристикой указанных выше каналов невербальной семиотики:

1. Кинесическая характеристика **микрополя «движение руками»** выражается:
 - наречиями – выразителями **направления движения**: *auswärts, rechts, rechtsseitig, links, halbwegs*;
 - прилагательными, описывающими **степень эмоционального переживания**: *stark, kräftig, ungelenkt, zart, gekrümmt, nervös, heftig, machtvoll*.

2. Кинесическая характеристика микрополя «телесные движения» выражено:

- прилагательными, указывающими на **интенсивность сопровождающих эмоций**: *übertrieben, nervös, tief, eifrig, lakonisch, gleichgültig, hilflos, stumm, runzlig, gewölbt*;
- прилагательными, указывающими на **намеренность и обдуманность сопровождающих эмоций**: *mechanisch, bestätigend, bedächtig, artig*;
- словосочетаниями с конструкцией предлог + причастие + существительное, описывающими **динамику действий**: *mit dem hängenden Kopf, mit gesenktem Kopf, mit gerunzelter Stirn*.

3. Кинесическая характеристика микрополя «мимика» транслируется:

- прилагательными, конкретизирующими **напряжение лица**: *rot, nervös, erregbar, ruhelos, zappelig, fahrig, gehemmt*.

4. Просодическая характеристика микрополя «тон голоса/ мелодика голоса» отражается:

- прилагательными, манифестирующими **эмоционально-экспрессивную окрашенность голоса**: *diskret, hemmungslos, vorsichtig, matt, rasch, tonlos, eilig, schleunig*;
- прилагательными, характеризующими **спокойствие и мелодический диапазон**: *langsam, leise, ruhig, still, seelenruhig, zurückhaltend*.

5. Просодическая характеристика микрополя «темп речи» воспроизводится:

- причастиями, являющимися выразителями **степени эмоционального напряжения**: *abwägend, stockend, stolpernd, zögernd*, субстантивированными глаголами с предлогом: *durch Verschweigen, durch Zögern*;
- словосочетаниями с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, демонстрирующими **степень голосового напряжения**: *mit aller Kraft, mit fester Stimme, mit harter Stimme, mit bebender Stimme*.

6. Просодическая характеристика микрополя «высота голоса» дополняется:

- прилагательными, конкретизирующими **степень проявления эмоционального переживания**: *hart, hörbar, deutlich, energisch, scharf, intensiv, markant, vernehmbar*;
- наречиями и прилагательными, описывающими **желание уйти от разговора**: *kaum hörbar, kaum wahrnehmbar, halblaut, leise*.

7. Окулесическая характеристика микрополя «моргание» отражается:

- прилагательными, характеризующими **несознательность действия**: *automatisch, heftig, reflexhaft, rasch, unbewusst, unwillkürlich, ungewollt*;
- прилагательными, манифестирующими **повторяемость действия**: *permanent, mehrmalig, wiederholt*.

8. Окулесическая характеристика микрополя «пристальный взгляд» обогащается за счёт:

- прилагательных, выражающих **длительность визуального процесса**: *lange, konstant, sprachlos, starr, unentwegt, dauernd, schweigend*;
- словосочетанием с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, выражающим **эмоциональный дискомфорт и желание спрятаться**: *mit unbewegten Augen, in unentwegte Richtung*.

9. Окулесическая характеристика микрополя «отсутствие зрительного контакта» выражается:

- причастиями, иллюстрирующими **направление взгляда в сторону и его отстранённость**: *wegguckend, wegblickend, wegsehend*.

Обобщая всё вышеизложенное, необходимо отметить, что система лексических единиц, репрезентирующих паралингвистические маркеры лжи, формируется на всех уровнях развития невербального поведения в художественном дискурсе. Проанализированные маркеры позволяют автору художественного текста не только описывать психоэмоциональное состояние лгущего персонажа, но и передавать степень интенсивности его переживаний и очевидность невербальной неискренности при реализации

ложного высказывания. Степень интенсивности выявленных невербальных маркеров свидетельствует о поликодовости компонентов семантического поля кинесических, просодических и окулесических реакций, а также о показателе эксплицитности или имплицитности невербальных маркеров, которая будет рассмотрена нами в следующем параграфе.

2.2. Эксплицитность/ имплицитность невербальных маркеров, репрезентирующих ложные высказывания

Коммуникативное взаимодействие между членами общества обеспечивается вербальным и невербальным способом, из чего можно заключить: взаимопонимание между собеседниками возникает не только вследствие расшифровки языковых единиц, а также за счёт оценки неречевого поведения участника коммуникативного акта. Интерпретация художественного текста в паралингвистическом аспекте позволяет охарактеризовать героев произведения максимально рельефно, создавая новый уровень языкового анализа [Иванова, 2009: 168].

Анализ формы и содержания невербальных единиц, а также их взаимоотношений, позволяет изучить содержание невербального описания осуществления ложных высказываний посредством формальных языковых средств в отрезке текста. Текст произведения предстаёт в виде сложного смыслового целого. Читатель познаёт авторскую интенцию посредством выраженных (эксплицитных) и невыраженных (имплицитных) смыслов, неразрывно связанных в тексте и способствующих его раскрытию.

Согласно И.А. Стернину, под *эксплицитным* понимается смысл, содержащий информацию, не требующую особого декодирования. Его содержание вытекает из словарного значения употреблённых слов. Для *имплицитного* смысла, напротив, характерно раскрытие содержания через дополнительное осмысление отдельных языковых единиц высказывания. Невыраженная, опосредованная, но подразумеваемая информация

постигается получателем благодаря фоновым знаниям и, несомненно, через концептуальную систему [Стернин, 2012: 271].

В настоящем исследовании предлагается системная классификация эксплицитных и имплицитных маркеров, манифестирующих невербальное поведение лгущего персонажа при осуществлении ложного высказывания в зависимости от интенции лжеца и авторского замысла. Рассмотрим данное утверждение на примере из произведения К. Каттнер «Die Besucherin». Данный диалогический эпизод демонстрирует разговор между двумя женщинами, одна из которых, во избежание длительной беседы, прибегает к ложному высказыванию:

*„Tut mir leid, aber ich muss jetzt wirklich gehen. Ich bin mit meinem Mann verabredet“, log sie **mit einem Blick auf ihre Uhr**, um die Lüge glaubhaft zu machen.*

[Kattner, Die Besucherin, 2011, S. 104].

В приведённом диалогическом фрагменте экспликация лжи осуществляется посредством окулесического маркера *„mit einem Blick auf ihre Uhr“*. Очевидно, что в речевой ситуации лжи уход героини от искреннего ответа эксплицитно демонстрируется автором с помощью невербального маркера уклонения от визуального контакта семантического поля с ядром *„Auge/ Blick“*. Для создания атмосферы «видимой» реальности героиня прибегает к жесту, свидетельствующему об осознанном контролировании своих действий и внутренних переживаний. Кроме того, ложная ситуация подтверждается и прямым указанием с помощью *„log sie“*.

Очевидно, что при **эксплицитном описании** невербальное поведение лгущего персонажа изображается с помощью маркеров кинесических, просодических и окулесических сомативов, которые характеризуют преимущественно внешнее поведение лгущего коммуниканта. При этом языковыми маркерами эксплицитного описания лгущего персонажа в немецкоязычном художественном дискурсе являются:

- прилагательные, наречия образа действия, причастия и другие квалификаторы, которые описывают чрезмерную интенсивность кинесических, просодических, окулесических сомативов: *mit heftigem Achselzucken, scharfes Kopfschütteln; mit schnellem Tempo, sehr leise murmeln; mit erweiterten Pupillen starren, andauernd wegblicken.*
- глаголы описания изменений в состоянии или глаголы кинесической характеристики микрополя «движения руками»; «телесные движения», «мимика»: *zucken (die Schultern), kneten (Hände), herumspielen (mit Haar), reiben (die Nasenspitze); unterstreichen, in der Rede abbrechen; schauen (zur Seite);*
- причастия и прилагательные, направленные на участника речевой ситуации лжи и выражающие неискреннюю уверенность в сообщаемом: *kräftig, heftig, eilig, zögernd, energisch, intensiv;*
- компоненты сложных глаголов, указывающих на направленность движения в сторону от объекта обмана: *den Kopf zurücklehnen, die Brauen zusammenschieben, recht betroffen die Nasenspitze reiben, von einem Fuß auf den anderen treten; spontan heraussprudeln, die Worte lebhaft unterstreichen; mit den Augen heftig klimpern, unwillkürlich weggucken.*

Художественный дискурс характеризуется эстетической значимостью, многоплановостью прагматического контекста и особенностями в постижении *имплицитных смыслов*. Деятельность читателя предполагает умение построения текстовой и читательской проекции посредством переосмысления сюжетно-композиционного уровня (авторского плана), реконструирования образа персонажа и плана конкретных эпизодов [Ермакова, 2009: 53]. Построение проекции подразумевает моделирование ситуации и способствует установлению у реципиента соответствия между текстуальным эпизодом и картиной в реальной жизни.

Таким образом, для восприятия художественного произведения необходимо понимание компонентов смысла литературного текста. Декодирование имплицитных смыслов, адекватное восприятие и понимание текста обеспечивается пресуппозициями, создающими «ситуативный фон» на основе предварительных знаний читателя [Куликова, 2016: 115]. Имплицитность проявляется на разных языковых уровнях – лексическом, фразеологическом, морфологическом.

В имплицитных высказываниях обнаруживается асимметричное отношение между языковыми единицами плана содержания и соответственно единиц плана выражения, которое нивелируется с помощью лингвистических и паралингвистических контекстов [Вахрамеева, 2009: 59]. Способ изображения лгущего персонажа в этом случае будет зависеть от общего творческого замысла автора произведения.

Рассмотрим данное утверждение на примере произведения И. Фрапан „Arbeit“. Представлен диалогический фрагмент, репрезентирующий разговор между двумя соседями.

„Wo waren Sie, als ich den Streit hatte?“

Bernstein zieht die Brauen in die Höhe und blickt mit runden Augen durch die Brille.

„Weiß nicht“.

[Frapan, Arbeit, 2001, S. 107]

В продемонстрированном примере манифестация лжи лгущим персонажем, господином Бернштайном, не выражается прямо, а подразумевается из авторского замысла повествования и читательского осмысления, основывающегося на собственном жизненном опыте. Имплицитный смысл лжи возможно постичь через невербальный поведенческий код лгущего персонажа, а именно посредством кинесического соматива с ядром семантического поля „Braue“ – „zieht die Brauen in die Höhe“ и окулесического вегетатива с ядром семантического поля „Auge“ – „blickt mit runden Augen“.

В качестве *имплицитных маркеров* квалифицируем лексические единицы, где невербальный маркер не получает чёткого описания со стороны автора художественного текста и прямого обозначения невербального движения для осуществления ложного высказывания не наблюдается.

- глагольные конструкции, указывающие на действия и передающие дополнительные оттенки, позволяющие интерпретировать имплицитные смыслы: *eine besorgte Miene machen, einen flüchtigen Kuss auf die Wange geben, ein mokantes Lächeln aufstecken*;
- прилагательные, определяющие свойства рассматриваемого невербального маркера за счёт ассоциативного ряда: *bebende (Stimme), fassungslose (Miene), funkelnde (Augen)*.

Исследование смыслов эксплицитных и имплицитных маркеров ложного высказывания проводится нами на уровне диалогических фрагментов немецкоязычного художественного текста, репрезентирующих речевую ситуацию лжи. Извлечение эксплицитных и имплицитных невербальных смыслов в границах диалогических отрезков не случайно.

В художественном диалоге наиболее ёмко проявляется взаимная обусловленность речевой и невербальной системы, структуры и семантики языка, взаимодействие лексики и семантики, которые в своей совокупности, наравне с речевыми характеристиками литературных героев, вплетены в ткань повествования, формируя сюжетную линию.

В последующих параграфах продемонстрируем примеры диалогических фрагментов, репрезентирующих осуществление ложного высказывания согласно представленной выше системе. Для более детального изучения рассмотрим эксплицитные и имплицитные маркеры лжи применительно к выявленным кинесическим, просодическим и окулесическим характеристикам невербальной неискренней коммуникации.

2.2.1. Эксплицитность/ имплицитность *кинесических* маркеров невербального поведения лгущего персонажа

Невербальный аспект функционирования кинесических компонентов человеческого общения является довольно изученной сферой невербальной семиотики, хотя встречаются «белые лакуны» и по сей день. С каждым годом учёные убеждаются в значимости семиотических невербальных компонентов в процессе социального взаимодействия [Руденский, 1997: 17]. Являясь центральной сферой невербальной семиотики, кинесика – понятие довольно широкое. Вместе с тем, подавляющее большинство учёных склоняются в пользу более узкого определения кинесики, рассматривая её объектом мимические жесты, позы и телодвижения, жесты головы и ног [Крейдлин, 2004: 43].

Восприятие жеста в качестве высказывания происходит только потому, что этот жест принадлежит участнику коммуникативного взаимодействия. Вербальные и невербальные компоненты становятся речью только в случае их объединения с участником речевого акта. Эмоциональная составляющая высказывания, безусловно, обогащается жестикულიцией, поскольку слова апеллируют к разуму, в то время как жесты выражают чувственную составляющую [Allwood, 2002: 10]. Степень эмоциональной образности жестов в художественном произведении зависит, главным образом, от прожитой автором жизни, от его мирозерцания и субъективного отношения к героям своего произведения. Как ёмко и тонко заметил французский литературовед Р. Барт, своеобразный словарь творца, выразительная манера изложения автора, образность сюжета обусловлены прожитой и реальной жизнью его тела [Барт, 2001: 333-376].

В качестве кинесических знаковых маркеров невербального поведения лгущего персонажа, опознаваемых и используемых авторами художественных произведений, нами были выявлены указания на жесты,

позу, походку, мимику. Проанализированные примеры систематизированы с учётом эксплицитности и имплицитности их смыслов. Эксплицитной и имплицитной характеристикой невербального поведения лгущего персонажа служит подтекстовая информация, характеризующаяся ассоциативными и семантическими связями, авторской иллюстрацией диалогических фрагментов.

Значительное количество проанализированных нами примеров относится к группе кинесических сомативов, репрезентирующие какие-либо манипуляции с телом. Увеличение количества данных маркеров в коммуникации свидетельствует о вероятности ложности передаваемого сообщения или, в крайнем случае, о том, что собеседник испытывает негативные эмоции, которые желает скрыть.

Приведём фрагмент диалога из немецкоязычной художественной литературы, где нами был выявлен кинесический соматив.

*„Ist in Ordnung“, antworte ich. Ich lüge. **Knete meine Hände***

[Lebert, Crazy, 1999, S. 167]

Диалогический эпизод репрезентирует процесс осуществления коммуникантом ложного высказывания. Лгущий персонаж пытается уйти от расспросов лаконичным ответом. Факт сокрытия правды и внутренний дискомфорт адресанта распознается кинесическим сомативом с ядром семантического поля „*Hand*“ – „*knete meine Hände*“ (массирую руки), ярко демонстрирующим состояние лжеца. В приведённой реплике автор через сознание героя проникает в сюжетную линию, используя местоимение „*Ich*“ (Я). Подобной доверительной ситуацией автор пытается посвятить читателя в свои мысли.

В следующей диалогической ситуации продемонстрирован разговор между врачом и пациентом. Последний пытается скрыть истинное состояние своего здоровья и подавить эмоциональное напряжение, чтобы не расстраивать сопровождающую его дочь.

*„Und wann es genau anfang, wissen Sie auch nicht?“ Sie **rieb nachdenklich die Finger aneinander**. „Es war, glaube ich, kurz nach dem Unfall... ja, da fing es an.“*

[Schlink, Der Vorleser, 1995, S. 135]

С помощью кинесического соматива с ядром кинесического поля „**Finger**“ – *rieb nachdenklich die Finger aneinander*“ автор имплицитно демонстрирует выражение персонажем ложного высказывания. Манифестация душевного состояния лгущего персонажа дополняется использованием лексемы „*nachdenklich*“. Манипуляции с руками трудно поддаются контролю и, следовательно, являются выразительными верификаторами лжи.

В последующем отрывке представлен диалог между заключёнными еврейского гетто. Главный герой Якоб по радиоприёмнику узнаёт о том, что солдаты Красной Армии находятся всего лишь в нескольких сотнях километров от гетто. Якоб по неосторожности делится этой новостью со своим другом Мишей, через которого новость о продвижении советских солдат постепенно распространяется и среди жителей гетто. Вскоре о радио узнаёт осиротевшая девочка Лина. Она пытается вызвать Якоба на откровение расспросами, делая вид, что не в курсе распространяющихся слухов. Однако Якоб парирует её излишнюю заинтересованность встречными вопросами, вынуждая девочку лгать.

*„Na, warum packt man wohl Sachen ein?“ – „Ich weiß nicht“, sagt sie und unterstreicht **mit heftigem Achselzucken**, wie man es von ihr schon kennt, die Schultern bis an die Ohren. - „Dann überlege mal“*

[Becker, Jakob der Lügner, 2004, S. 264]

Продуцирование ложного высказывания подкрепляется кинесическим сомативом с ядром семантического поля „**Achsel**“ – „*mit heftigem Achselzucken*“ (резким пожиманием плеч). Интерпретация этого невербального знака и лексической единицы „*heftigem*“ (резким), характеризующая микрополе «движение руками» и описывающая степень

эмоционального дискомфорта, а также развитие сюжетной канвы позволяют обнаружить имплицитный смысл ложного высказывания.

Следующим кинесическим маркером, демонстрирующим ложное высказывание, выступают кинесические сомативы с характеристикой микрополя **«тактильные движения»**: поцелуи, рукопожатия, прикосновения. Взаимные тактильные проявления в современном обществе зачастую обусловлены социальными нормами и вследствие этого относительно ограничены [Поваляева, 2004: 120]. Основываясь на этом наблюдении, заметим, что тактильные средства являются единичными, но весьма выразительными маркерами описания осуществления ложного высказывания. В контексте верификации лжи нами проанализированы тактильные единицы, выражающие прикосновения к конкретным частям собственного лица и тела или же окружающим предметам.

Рассмотрим данный маркер в следующем диалогическом отрезке, где представлен фрагмент разговора между тюремными стражниками:

„Haben Sie schon einmal einem Gefangenen Zigaretten geschenkt?“ Andi rieb sich das Kinn. - „Und Sie, Herr Kollege?“

[Knittel, Via Mala, 1957, S. 503]

Один из стражников подозревает сослуживца в снисходительном отношении к заключённому. Кинесический соматив с ядром семантического поля „Kinn“ – *„rieb sich das Kinn“* (потёр подбородок) указывает на дискомфортное состояние адресанта и желание утаить информацию, которое поддерживается дополнительно и речевой манерой. Встречный вопрос служит в данном эпизоде вспомогательным речевым маркером репрезентации высказывания с ложным содержанием. Согласно теории А. Пиза жест «рука к подбородку» демонстрирует бессознательное желание человека смягчить факт осуществления лжи [Пиз, 2010: 56].

Лжецы довольно часто прибегают к манипулятивным жестам. Известный антрополог Д. Моррис именует их жестами самоуспокоения, к

которым лжец прибегает инстинктивно для нивелирования стресса [Morris, 1994: 32].

Приведём соответствующий пример:

„Alles ok?“, fragte Lina, die mittlerweile an das Waschbecken daneben getreten war.

*„Ja, nur ein bisschen müde“, log Andrea und **griff nach einem weiteren Papierhandtuch.***

[Schwartz, Winterkälte, 2015, S. 76]

В продемонстрированном примере автор эксплицирует ложное высказывание посредством кинесического соматива с ядром семантического поля „*Hand*“ – „*griff nach einem weiteren Papierhandtuch*“ (взяла ещё одно бумажное полотенце). Лина замечает угнетённое состояние Андреа, в которое та пала после ссоры со своим молодым человеком. Подруга пытается продемонстрировать дружеское участие, но наталкивается на бесстрастный ответ Андреа и её попытки уйти от разговора. Лгущий персонаж посредством манипуляций с предметом старается скрыть свою неискренность и вернуть душевный покой.

Следующим кинесическим невербальным средством выступают маркеры, представленные кинесическими сомативами с характеристикой микрополя «мимика» и выражающие эмоциональные переживания при осуществлении ложного акта. Ф. Шиллер справедливо подметил: «Из речи человека можно лишь заключить, каким он намерен казаться, но каков он в действительности, надобно определять по его мимике» [цит. по Шиллеру, 1791].

Лицо, являясь весьма ценным источником для определения психологического и эмоционального состояния коммуниканта и выявления маркеров лжи, точно демонстрирует на лице отражение истинных чувств, т.к. мимика неподвластна нашим мыслям и устремлениям [Экман, 2010: 58]. Лицо, в такой же мере, как и слова, выполняет симптоматическую функцию выражения чувств. Анализ мимических проявлений при осуществлении

речевого акта с ложной коннотацией возможен посредством произвольных и непроизвольных компонентов, физиологических параметров (силы, динамики, симметрии-асимметрии), фрагментарности сокращения отдельных зон [Кудинова, 2010: 61].

Выразительным маркером изобличения лжи относится **улыбка**. Исследованием проблемы фальшивой улыбки занимался немецкий антрополог К. Нимиц. Учёный установил, что при искренней улыбке активизируются определённые глазные мышцы, заставляющие прищуриваться [Кудинова, 2010: 62]. Складки под глазами невозможно изобразить только лишь по собственному желанию, подтянув кожу к уголкам глаз. Мимика рта контролируется легче, чем движения лба и глаз. Первым «ключом» для декодирования лжи служат именно складки под нижним веком, другой же «ключ» заключается в длительности и своевременности появления улыбки. Внезапно возникшая улыбка, несомненно, вызовет недоверие. Как правило, естественная улыбка длится около 4-х секунд. Продолжительная улыбка на лице собеседника является довольно очевидным маркером неискренности [Гленн, 2001: 58].

Выражение ложного высказывания с демонстрацией неискренней улыбки репрезентируется в следующем примере диалога двух приятелей:

*Es dauerte eine ganze Weile, bis Reineboth wieder nach vorn kam. Er hatte **ein mokantes Lächeln aufgesteckt und zog die Brauen hoch.***

„Nichts“, sagte er lakonisch.

[Apitz, Nackt unter Wölfen, 1961, S. 123]

Автор указывает на ложность высказывания имплицитно при помощи кинесического соматива с ядром семантического поля *Lächeln* – „er hatte *ein mokantes Lächeln aufgesteckt*“ (состроил ироничную улыбку), смысл которого не очевиден и постигается читателем исходя из сюжетного анализа и выраженного кинесического соматива с ядром семантического поля „Braue“ – „zog die Brauen hoch“ (приподнял брови). В данной ситуации ироничная улыбка в сопровождении с подвижной мимикой лица и

лаконичным ответом „*Nichts*“ (ничего) свидетельствуют о неискренности коммуниканта и попытке скрыть информацию.

Пример ложного высказывания с участием фальшивой улыбки выражен и в последующем диалогическом эпизоде:

„*Alles in Ordnung?*“

Ich sah auf und lächelte wohl wie betrunken. - „*O ja, Ravelli, alles in Ordnung*“

[Arjouni, Chez Max, 2006, S. 222]

В представленном примере автор подкрепляет неискренность лгущего персонажа кинесическим сомативом с ядром семантического поля *Lächeln* – „*lächelte wohl wie betrunken*“ (перекошено улыбнулся). Очевидно, что адресат пытается скрыть свои внутренние переживания и желает уйти от вопроса, блокируя выдачу информации повторяющимся ответом на вопрос отправителя „*Alles in Ordnung*“ (все в порядке).

Информативным маркером декодировки лжи выступают и вегетативные изменения, регулирующие внутренние процессы в организме и подробно описанные в предыдущем параграфе.

Приведём пример из художественной литературы:

„*Um sieben bin ich wieder zu Hause*“. *Anneliese hat verräterisch rote Wangen und lügt*: „*Schade, du hast ihn gerade verpaßt!*“ - „*Und?*“

[Noll, Ladylike, 2006, S. 95]

В приведённом диалогическом фрагменте героиня Аннелизе переживает эмоциональный дискомфорт в общении с отцом, что подтверждается авторской ремаркой, выраженной кинесическим вегетативом с ядром семантического поля „*Gesichtsrötung*“ + маркер изменения цвета лица – „*verräterisch rote Wangen*“ (предательски красные щеки). Вегетативные лицевые изменения героини выступают эксплицитным иллюстративным маркером верификации лжи, ярко демонстрирующим факт осуществления ложного высказывания.

К группе кинесических маркеров ложного высказывания относятся также невербальные единицы, иллюстрирующие кинесические сомативы с характеристикой микрополя **«телесные движения»**. Тело является выразительным источником утечки информации и выявления лжи. Следует отметить, что телодвижения довольно несложно контролировать, в отличие скажем от мимики, однако большинство коммуникантов считает это лишним, т.к. они увлечены тем, что внимательно следят за выражением лица и вслушиваются в слова, тело в этот момент даёт постоянную утечку информации» [Экман, 2010: 39]. В немецком языке мы находим следующий пример кинесического соматива, который демонстрирует движение головой:

*„War Grete auch eine Männerfeindin“, fragte ich. – Er **lehnte den Kopf zurück**, schloß aber die Augen nicht wie zum Nachdenken, sondern **ließ den Blick** über die Zimmerdecke **wandern**, als könnte er dort die Sätze ablesen, die er mir sagen wollte. – „Weiß nicht“, war seine Antwort.*

[Maron, Stille Zeile sechs, 1991, S. 149]

Невербальным маркером ложного высказывания в данном диалогическом отрезке выступает авторская ремарка, воплощённая в кинесическом сомативе с ядром семантического поля *„Kopf“* – *„er lehnte den Kopf zurück“* (он откинул голову назад). Очевидно, что адресату неприятна ситуация, он немногословен, старается скрыть своё состояние от друга, не желая обсуждать девушку. На факт демонстрации ложного высказывания указывает и окулесический соматив с ядром семантического поля *„Blick“* + маркер уклонения от визуального контакта – *ließ den Blick wandern* (позволил взгляду блуждать).

В немецкоязычной художественной литературе пример, репрезентирующий телесные движения плечами, нашёл свое воплощение в следующем примере:

*„Angenehm?“ schlug mein Vater vor. Ich **nickte mit dem Kopf und zuckte mit den Schultern**. - „Nein, dein Problem hat keine angenehme Lösung“*

[Schlink, Der Vorleser, 1995, S. 137]

В приведённом диалогическом отрезке представлен разговор между отцом и сыном, который норовит скрыть подробности неприятной ситуации, в которую он попал, и пытается увернуться от отцовского расспроса. Презентация ложного высказывания осуществляется за счёт невербального эмблематического маркера, так называемой «оговорки». Невербальным маркером ложного поведения выступает авторская ремарка, выраженная кинесическими сомативами с ядрами семантических полей *„Kopf“* – *„nickte mit dem Kopf“* (кивнул головой) и *„Schulter“* – *„zuckte mit den Schultern“* (пожал плечами). Несоответствие между смыслом кинесических эмблем лгущего персонажа свидетельствуют о сокрытии правды и позволяют читателю верно декодировать ложное высказывание.

Приняв к сведению вышесказанное, следует подчеркнуть, что анализ невербальных маркеров осуществления ложных высказываний с позиции невербальной семиотики и их классификация согласно невербальному поведенческому коду коммуниканта позволяет углубить представления об эффективных способах верификации лжи с использованием текста литературных произведений.

Анализируя практический материал, мы приходим к выводу, что посредством кинесических маркеров лжи, авторы эксплицитно репрезентируют невербальное поведение лгущего персонажа. При продуцировании ложного высказывания преимущественно задействованы телодвижения и мимика, которые находят выражение через кинесические сомативы. Это объясняется тем, что телесные манипуляции и мимические иллюстрации весьма сложно проконтролировать, поэтому они детерминируются в качестве выразительных маркеров изобличения лжи.

2.2.2. Эксплицитность/ имплицитность *просодических* маркеров невербального поведения лгущего персонажа

В фокусе интересов лингвистов находятся не только вопросы смысла, передающиеся средствами языка. Язык выражает непосредственно саму мысль, вместе с тем репрезентация чувств и восприятия осуществляется с помощью естественных звуков – смеха, междометий, крика, покашливания, плача. Эти звуки не являются элементами языка, а представляют собой особые звуковые жесты, употребляемые наряду с языком [Дементьев, 2006: 100]. В значительной степени ритмомелодический рисунок речи продиктован эмоциональным и физическим состоянием коммуниканта, его отношением к собеседнику и обусловлен содержанием сказанного [Крейдлин, 2000: 453].

Просодико-фонационные единицы общения, несомненно, являются ключевым компонентом передачи эмоций участника коммуникативного акта и демонстрации его коммуникативных намерений. Согласимся с утверждением известного учёного Г.Е. Крейдлина о том, что при исследовании любых текстов важно получить, помимо ответа на вопрос «что сказано?», также и содержательный ответ на вопрос «как сказано?», вследствие чего задача описания лексических и грамматических средств оценки речи является крайне актуальной [Крейдлин, 2000: 455].

В эмоционально насыщенных коммуникативных актах акустическим невербальным знакам принадлежит особая доминантная функция. К интонационным неречевым средствам адресант активно прибегает для эффективного воздействия на адресата и достижения намеченной прагматической цели [Красавский, 2008: 96].

В современной семиотической науке ритмико-интонационное оформление коммуникации принято детерминировать термином *просодика* [Nespor, 1986: 89; Selkirk, 1984: 78]. Вслед за языковедом Г.Е. Крейдлиным к основным голосовым признакам, участвующим в создании

интонационного контура, отнесём тон голоса, его темп, высоту, мелодику, отдельные акцентные характеристики [Крейдлин, 2000: 454].

Голосовые особенности индивидуума выступают коррелятом его духовной природы, его внутренних переживаний, определяют его реакции в ситуации межличностной и коммуникативной кооперации, конструируя в его сознании стереотипные поведенческие паттерны [Крейдлин, 2000: 457]. Древнегреческий философ Сократ тонко изрёк: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Речевой образ весьма красноречиво характеризует человека, как в ситуации позитивного общения, равно как и при демонстрации ложного сообщения.

По верному замечанию В.И. Шаховского, природа ложных высказываний априори эмотивна [Шаховский, 2005: 78]. Адресант вуалирует свои подлинные эмоции, заменяя эмотивные компоненты невербальными кодами. Интонационные сигналы являются выразительным элементом невербального поведения, поддаются выявлению и довольно точной дефиниции.

Вслед за учёным Л. Броснаханом будем называть интонационные реакции *«голосовыми невербальными жестами»* или *«звуковыми жестами»* [Brosnahan, 1998: 88-89], классифицируя по степени их эксплицитного и имплицитного смыслового воздействия. Исследование просодических невербальных маркеров и их реализацию в ложных высказываниях продолжим на материале немецкоязычного художественного дискурса.

Тональность голоса у лжеца может отличаться бесстрастностью. Ровным, спокойным голосом лгущий человек пытается внушить доверие своему собеседнику [Ривера, 2013: 22]. В текстах немецкоязычной художественной литературы верифицированы следующие примеры просодических сомативов, демонстрирующие ложные высказывания и объединённые ядром семантического поля **«тон голоса»**:

*„Das hat nichts zu bedeuten.“ – „Das hat nichts zu bedeuten?“ wiederholte er. „Sie wollen über mein Leben schreiben. Hat Sie das nicht verunsichert?“ – „Überhaupt nicht“, log ich **seelenruhig**. „Das Buch wird großartig, jeder ist neugierig darauf. Außerdem haben Sie es selbst vorausgesehen: Man ist unbekannt, dann berühmt, dann wieder vergessen.“*

[Kehlmann, Ich und Kaminski, 2003, S. 143]

Представлен фрагмент разговора некогда известного художника Мануэля Каминского с его биографом Цельнером, который всеми способами пытается вывести сенсационные подробности жизни и нажиться на биографии гениального художника. Прагматический контекст приведённого примера демонстрирует нарушение отправителем информации условий искренности. Дефиниционный анализ невербального маркера, выраженного просодическим сомативом с ядром семантического поля „Stimme“ + „Ton“ – „**seelenruhig**“ (невозмутимо), характеризует спокойствие и мелодический диапазон. Глагольная номинация „log“ (лгал) подтверждает неискреннюю интенцию говорящего. Отсутствие экспрессивности в голосе и его невозмутимость указывают на факт осуществления ложного акта с эксплицитным смыслом, контролируемого адресантом.

В отдельных ситуациях лжецы сопровождают речь дружеским тоном голоса. Такое поведение, большей частью, свойственно женщинам и объясняется стремлением скрыть неправду за маской доброжелательности из-за страха быть уличённым. Приведём соответствующий пример из художественной литературы:

*Ich erinnere mich trotzdem kein Stück an ihn. – „Doch ja, natürlich, irgendwie kommst du mir bekannt vor“, **lüge** ich **freundlich** aber überzeugt, daß ich es nicht schlimm finde, was ich mache.“*

[Svende, Der Tod des Märchenprinzen, 1980, S. 341]

Диалогический фрагмент демонстрирует разговор между молодым человеком и девушкой, которая пытается играть роль «знакомой»,

преследуя свои цели, феминистские по духу. В данном диалогическом отрезке наблюдаем неконгруэнтность между транслируемой и реальной информацией. Автор эксплицирует просодический сигнал посредством просодического соматива с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“ – „*lüge freundlich*“ (приветливо). Вместе с тем, другая качественная характеристика „*überzeugt*“ указывает на выбранную стратегию лгущим персонажем, где уверенно сказанная ложь позволяет убедить собеседника в искренности высказывания. Отмеченная реакция выражается интенсификатором речи „*doch ja*“ (как же, да) и модальным наречием вероятности „*natürlich*“ (конечно), придающим высказыванию эксплицитный смысл. Очевидно, что адресант весьма успешно контролирует свои эмоции, синхронизируя их с тоном голоса. Мы наблюдаем ситуацию коммуникативной удачи, разумеется, для адресанта, поддерживаемую авторским присутствием „*Ich*“.

При осуществлении лжи человеку сложно эмоционально настроить голос. Тихий, беззвучный тон сопровождает речь лжеца, прибегающего к лжи из-за страха. Подобные голосовые изменения связаны с печалью и угрызениями совести [Экман, 1999: 43].

Это подтверждается следующим примером из немецкоязычной литературы:

„*Hat er dir mal was von mir erzählt?*“

„*Sicher*“, *log tonlos Herr Lehmann.*

„*Wundert mich*“, *sagte sie.*

[Regener, Herr Lehmann, 2006, S. 237]

Представлен фрагмент ссоры Франка Лемана с его девушкой, возникшей из-за провокаций общего знакомого, наговорившего на девушку. В приведённой диалогической ситуации голосовой невербальный жест, репрезентирующий ложное поведение, подкрепляется автором просодическим сомативом с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“

– „*tonlos*“. Лгущий персонаж уклоняется от правды, демонстрируя свою интенцию сдержанными голосовыми модуляциями.

Следует добавить, что голосовые имитации, или намеренный переход на акцентную речь также являются очевидными звуковыми жестами манифестации лжи. А.В. Ленец справедливо заметила, что имитация акцента обусловлена желанием адресанта создать доверительную атмосферу между участниками коммуникативного акта, и стремлением поднять собственный статус [Ленец, 2008: 141].

Приведём иллюстрирующий пример:

Dann Sir Winston persönlich, mit sehr tiefer Stimme und deutlich fremdländischen Einschlag: „Guten Abend, allerseits...“

[Becker, Jakob der Lügner, 1982, S. 165]

В данном диалогическом фрагменте представлено интервью якобы с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, где адресант делает попытки в искусственной имитации акцента, оформляя свою речь соответствующим образом. Лгущий персонаж кодирует своё истинное намерение ложным компонентом, выраженным просодическим сомативом с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“ – „*mit sehr tiefer Stimme und deutlich fremdländischen Einschlag*“ (с низким голосом и очевидным иностранным акцентом).

Следующими яркими звуковыми жестами выступает просодические сомативы с ядром семантического поля «**темп речи**». Нами были обнаружены следующие примеры языковых соответствий, способствующие декодированию ложного высказывания посредством характеристик темпа речи. Ускорение темпа речи без потери чёткого произношения и стройной структуры построения мысли является информативным индикатором ложного высказывания.

Приведём пример:

„Waren Sie doch bei der SS?“ fragte Willi. – „Er – ja, ich nicht“, betrug er mit schnellem Tempo. „Ich war doch bei der Wehrmacht.“

[Hilsenrath, der Nazi und der Friseur, 1977, S. 103]

Представленный диалогический фрагмент демонстрирует допрос немецкого солдата, учинённый его командованием. Некоторым солдатам удалось вырваться из плена, и командование проявляет к ним настороженное отношение. Невербальный маркер лжи выявляется автором эксплицитно через просодический соматив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Tempo*“ – „*mit schnellem Tempo*“ (быстрым темпом). Ускорение темпа речи выдаёт ложную интенцию адресанта. Отечественный психолог правильно отметил: «Голос лжеца двоится и дребезжит, приходится ускоряться, насиловать голосовые связки и прятать блеск в глазах» [Ильин, 2009: 126]. Иным очевидным маркером лжи в рассматриваемой ситуации выступает вербальное использование адресантом местоимения 3-го лица „*er*“, посредством которого коммуникант дистанцируется от ложного сообщения, усиливая свою непричастность частицей *doch*.

В отдельных случаях при осуществлении ложного высказывания у неискреннего человека наблюдаются расстройства темпа речи. Нечёткое произношение выдаёт страх лжеца и его стремление подавить эмоциональные реакции.

Продemonстрируем пример из художественной литературы:

Gerda stemmt sich am Tisch hoch und steht taumelnd da.

„Nichts... nichts...“, murmelt sie.

Aber das dumpfe Stöhnen, das gleich darauf aus ihrem Munde bricht, straft ihre Worte Lügen.

[Horster, Ein Herz spielt falsch, 1991, S. 434]

Герда Петерс влюбляется в Питера ван Бувена, низкого, бесчеловечного авантюриста. Он отказывается от беременной девушки,

которая, не выдержав страданий, решает покончить с собой и броситься в реку. Девушка в итоге выживает, но теряет ребёнка. Представленный пример демонстрирует разговор Герды с другом. Мужчина пытается поддержать девушку, но Герда не открывается ему. Ложное невербальное поведение эксплицируется автором с помощью просодического соматива с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Tempo*“ – „*murmelt*“ (бормочет). Очевидно, что лгущему персонажу некомфортна ситуация, девушка пытается скрыть душевные переживания.

Другими голосовыми невербальными жестами реализации ложного высказывания являются просодические сомативы с ядром семантического поля «**высота голоса**». Повышение голоса может свидетельствовать об обмане и стремлении лжеца подсознательно заставить оппонента поверить услышанному [Экман, 2010: 43]. Лжец повышает силу голоса, чтобы придать речи уверенное и «правдивое» звучание. Зачастую неискренний человек наигранно повышает высоту голоса от гнева, что его слова подвергли сомнению. В немецкоязычном художественном дискурсе нами были идентифицированы следующие примеры языковых реализаций, описывающие высоту голоса:

*„Sie, lieber Freund, lügen öfter als einmal.“ - „Ich lüge nicht!“, **hob** Caspar seine **Stimme**. - „Das getrauen Sie sich mir ins Gesicht zu behaupten?“*

[Waßermann, Caspar Hauser oder die Trägheit des Herzens, 1987, S. 389]

Каспар Хаузер юный, странный незнакомец, чья жизнь окутана тайной. Его опекуном становится учитель Даумер, который учит его понимать человеческий язык. Некоторые люди считают Каспара пещерным человеком, некоторые недоразвитым крестьянином, отдельные допускают мысль, что юноша прикидывается и играет роль потерявшего память несчастного человека, как, например, иностранцу Стэнхопу. Ему удаётся забросить зерно сомнения в душу Даумера. Опекун начинает внимательно следить за своим подопечным и, пытаясь уличить его во лжи, просит Каспара прочитать записи из личного дневника. Юноша не готов

распахивать душу, начинает нервничать и изворачиваться. В настоящем диалогическом фрагменте реализация ложного высказывания находит выражение в просодическом сомативе с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Höhe*“ – „*hob Stimme*“ (повысил голос). Выраженный эмоциональный заряд адресанта поддерживается синтаксически оформленной восклицательной репликой „*Ich lüge nicht!*“ (Я не лгу). Очевидно, что герой старается контролировать голос, повышая его для большей убедительности.

В зависимости от ситуации лжец может понижать высоту звучания своего голоса. При лжи нервная система работает активнее, организм на физическом уровне пытается нивелировать последствия лжи, что выражается в нарушении высоты голоса. Весьма выражено это проявляется у лжецов, неуверенных в себе и не умеющих контролировать своё эмоциональное состояние. Представим пример из литературного текста:

Еврейский врач Ханна Май с дочерьми живёт в оккупированном немцами польском городе недалеко от венгерской границы. Женщина решает сбежать, опасаясь за жизнь своих детей. В Венгрии они останавливаются в доме мельника, который, из-за боязни попасть под подозрение немцев, в скором времени выставляет женщину с детьми на улицу. Женщина безуспешно пытается уговорить мельника не лишать их крова, в своих уговорах прибегает к неискренности.

„Nicht viel.“ Er zog die Augenbrauen hoch, schob sich eine Schläfenlocke hinter das Ohr und schien aufstehen zu wollen.

Da sprach sie kaum hörbar, log ihn an: „Aber in Budapest habe ich Geld, ich habe reiche Verwandte dort, ich muß nur nach Budapest kommen, da kann ich bestimmt alles bezahlen.“

[Pressler, Malka Mai, 2001, S. 87]

На ложность высказывания указывает просодический соматив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Höhe*“ – „*sprach kaum hörbar*“

(сказала едва слышно). Неискренний сигнал кодифицируется также использованием модальных глаголов „*muß*“ (должна), „*kann*“ (могу) и „*bestimmt alles bezahlen*“ (определённо всё заплатить). Психологически неустойчивое состояние и стремление героини переключить внимание оппонента с неудобной для неё зоны, подчёркивается автором через многословие её реплик.

Эффективными звуковыми жестами при реализации лжи являются невербальные просодические маркеры, характеризующие **голосовые неартикулируемые реакции**. При осуществлении лжи работа вегетативной нервной системы активизируется, вызывая напряжение мышц гортани. Состояние дискомфорта вызывает у лжеца желание откашляться. Подобное покашливание отличается неестественным звучанием, в отдельных случаях сопровождающееся примыканием кулака или ладони к области рта [Ценёв, 2003: 9]. Неестественные покашливания зачастую сопровождаются паузой. Подобным образом лжецы выигрывают время, чтобы психологически подготовиться к обману. Анализ немецкоязычных художественных произведений позволил распознать соответствия голосовых неартикулируемых реакций в следующих примерах:

*Einige Minuten lang herrschte betretenes Schweigen. Dann **räusperte sich** Mac und sagte, „Das war...ähäm...sehr gut, mein Junge!“*

[Moers, Die 13 ½ Leben des Käpt'n Blaubär, 1999, S. 96]

Представлена диалогическая ситуация из приключенческого рассказа с едкой сатирой, где в выдуманном мире Замонии живут необыкновенные персонажи. Маркером ложного высказывания в данной диалогической ситуации выступает просодический вегетатив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + маркер неартикулируемой реакции – „*räusperte sich*“ (откашлялся), подкреплённый голосовой модуляцией в виде заполнителя паузы „*ähäm*“. Подобная неартикулируемая реакция свидетельствует о том, что адресант не продумал заблаговременно линию своего поведения и не

желает показывать истинные эмоции. Возможно, адресант прибегает к лжи, чтобы не расстроить своего собеседника.

При волнении и нервном напряжении некоторые лжецы начинают заикаться, искать нужные слова для обоснования сказанного. Подобное поведение продиктовано страхом разоблачения.

Продemonстрируем пример:

„Gefällt Ihnen mein Modell?“, wiederholte er seine Frage von vorhin und wies auf den seltsamen, hässlichen Dämon, der neben dem Wassertrog stand.

*„Das... das ist wirklich sehr... interessant“, log sie **stotternd** und hoffte inständig, dass er nicht ihre wahre Meinung über diese Scheußlichkeit aus ihr herauskitzeln würde.*

[Gräf, Der Modellbauer, 2018: 208]

Приведена ситуация из криминального романа. Девушка общается с мужчиной, не предполагая, что перед ней убийца с извращёнными привычками. В данном диалогическом фрагменте демонстрация лжи осуществляется через просодический вегетатив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + маркер неартикулируемой реакции – „*stotternd*“ (заикаясь). Дефиниция невербального просодического маркера указывает на эмоциональное состояние лгущего персонажа и его попытки уйти от некомфортного общения. Автор эксплицирует очевидную неискренность посредством глагольной номинации „*log*“.

Проведённое исследование голосовых невербальных жестов на материале немецкоязычного художественного дискурса продемонстрировало активное использование авторами произведений просодических компонентов в ситуации ложной интеракции. Для репрезентации ложного высказывания чаще всего используются такие звуковые жесты, как тон речи, его темп, высота голосовых модуляций и голосовые неартикулируемые реакции.

Следует подчеркнуть, что в контексте прагматического воздействия просодические невербальные маркеры репрезентируются автором как маркеры с имплицитным смыслом. Голос – весьма информативный канал детекции обмана. Вследствие этого лжецы стараются тщательно подбирать слова и контролировать свои голосовые реакции, понимая, что сказанному уделяется большее внимание. Учитывая вышеизложенное, отметим эффективность, функциональность и смысловую содержательность просодических маркеров при верифицировании ложных высказываний в художественном дискурсе.

2.2.3. Эксплицитность/ имплицитность окулесических маркеров невербального поведения лгущего персонажа

Проблематика изучения зрительного восприятия интересовала многих ученых, и неудивительно, учитывая тот факт, что более 80% информации воспринимается индивидуумом с помощью органов зрения. Наиболее яркий эксперимент в области исследования визуального восприятия принадлежит отечественному учёному, А.Л. Ярбусу. Он определил, что при рассмотрении человеческого лица, основное внимание наблюдателя сосредоточено на наиболее выразительных и подвижных частях лица – глазах, губах и носе [Поваляева, 2004: 41].

Американский писатель и философ XX в. Р. Эмерсон в своей работе „*The conduct of life*“ заметил, что в случае, когда глаза и язык не конгруэнтны в своём выражении, человеку стоит доверять глазам [Emerson, 2006: 27]. Глаза, как и язык, способны выражать и транслировать информацию. В добавление к этому язык глаз обладает неоспоримым преимуществом – он понятен всем [Крейдли, 2004: 370].

Компоненты зрительного поведения являются информативным средством в ситуации невербального общения, при этом «наиболее значимыми принято считать внешние изменения глаз, возникающие в

результате работы мышц, расположенных вокруг глаз, движение глаз (моргание, подмигивание), направление и длительность взгляда» [Крейдлин, 2004: 386].

Лицо человека является ценным кладезем сведений о внутреннем мире человека. В. Гесс, швейцарский физиолог, образно описал глаза, назвав их «участком мозга, выдвинутым на поверхность тела». Глаза непосредственно активируются в ходе выражения мыслительных процессов мозга. Вследствие того, что зрительные движения весьма сложно поддаются контролю, глаза выступают надёжным средством декодирования невербального сигнала в ситуации ложного общения.

Глаза выполняют ряд коммуникативных функций на семиотическом уровне:

- когнитивную (трансляция некой информации и считывание информации в глазах собеседника);
- эмотивную (визуальное выражение и желание прочесть в глазах партнера испытываемые им чувства);
- контролирующую (совершение мониторинга глазами);
- регулятивную (визуальное требование проявления реакции на сказанное или подавления глазами ожидаемой реакции) [Кнапп, 1978: 131-137].

Исследование визуальных компонентов ложного невербального общения проводится нами на основе семиотической концепции Г.Е. Крейдлина, где под *окулесикой* понимается «наука о языке глаз, интерактивном глазном, или визуальном поведении людей» [Крейдлин, 2004: 373]. Окулесика, как наука, рассматривается с двух позиций, выступая подструктурой кинесики, или отдельным невербальным кодом.

В нашем исследовании окулесика выступает самостоятельным невербальным кодом для дефиниционного анализа оптических маркеров лжи. Данные маркеры классифицируются нами по степени экспликации и импликации смыслового содержания. Окулесические невербальные

маркеры исследованы на примере диалогических фрагментов из немецкоязычной художественной литературы. Мы расшифровывали оптические сигналы ложных высказываний по морганию, пристальному взгляду и отсутствию визуального контакта.

Психологами отмечено увеличение частоты **моргания** в ситуации стресса. Подобное частотное увеличение морганий детерминировано антропологом Д. Моррисом в качестве «сигналов отключения» [Morris, 1971: 75]. Учёный утверждал, что появление «сигналов отключения» обусловлено психологическими процессами возбуждения и торможения. В ситуации неискреннего общения у человека через внешние импульсы активизируются процессы возбуждения, которые удерживаются и контролируются им на подсознательном уровне. Сигнал инстинктивного закрывания глаз, или моргание, появляется именно вследствие неконгруэнтности переживаемых чувств и демонстрируемого состояния [Спирица, 2017: 52-57].

В текстах немецкоязычного художественного дискурса нами были идентифицированы следующие примеры окулесических маркеров, объединённые ядром семантического поля «моргание»:

Ihre scharfen Züge waren ihm wie nachgezeichnet vorgekommen.

*Mal **hatte** sie **geblinzelt**, mal **hatten sich** ihre **Augen geweitet**.*

*„So ist es gut!“, **hatte** sie gerufen.*

[Schulze, Neue Leben, 2005, S. 717]

Представлен диалог театрального деятеля и писателя Энрико Тюрмера со своей девушкой, которая пытается скрыть охватившее её негодование из-за странного поведения любимого. Прагматический контекст данного диалогического отрезка демонстрирует ложное высказывание, выраженное окулесическими вегетативами с ядром семантического поля „*Auge*“ – „*hatte geblinzelt*“ и „*hatten sich Augen geweitet*“. Отмеченное автором визуальное поведение девушки имплицитно указывает на её эмоциональное переживание.

Продemonстрируем следующий пример, где частое моргание выступает признаком того, что лжец, репрезентируя подобное визуальное поведение, пытается выглядеть более убедительным.

„Ist das Quartierproblem gelöst, Andreas?“

Der klapperte mit den Augenwimpern wiederholt dann zog seine Augen zu Schlitzen zusammen, antwortete aber ruhig:

„Zur Zufriedenheit.“

[Degenhardt, Für ewig und drei Tage, 1999, S. 33]

В разворачиваемом диалоге представлена беседа старшего члена семьи со своим внуком, пытающегося заверить деда в отсутствии проблем с жильём. Манифестация ложного высказывания осуществляется через окулесические вегетативы с ядром семантического поля „Auge“ – „klapperte mit den Augenwimpern wiederholt“ и „zog Augen zu Schlitzen zusammen“. Лжец непроизвольно прищуривает глаза, когда подсознательно оценивает ложь, слетевшую со своих уст [Гласс, 2014: 39]. Очевидно, что адресант пытается контролировать ситуацию, в подтверждение автор вербализует эмоциональное состояние говорящего посредством просодического соматива с ядром семантического поля „Stimme“ + „Ton“ и прилагательного, характеризующего мелодический диапазон, – „antwortete ruhig“. Этой цепочкой жестовых рисунков автор ярко демонстрирует нам истинное намерение адресанта в пренебрежении условием искренности.

Следующими кодифицированными и весьма эмотивными сигналами, указывающими на ложное коммуникативное поведение, являются окулесические маркеры с характеристикой микрополя «**пристальный взгляд**». Данный феномен по-другому детерминируется как «взгляд на тысячу ярдов» или как особый вид отключения, проявляющийся на бессознательном уровне [Greeley, 2008: 33]. Как правило, зрительный контакт – недлительный процесс, исходя из чего, продолжительный взгляд участника коммуникации характеризуется в качестве невербального сигнала для расшифровки ложного высказывания.

Анализ литературных произведений позволил выявить соответствия языковых реализаций, в которых пристальная или продолжительная оптическая реакция отражает невербальную ложь.

Приведём подтверждающие примеры:

“Aber jetzt muss ich endlich deinen Namen wissen!”

*Sie **starrte ihn eine Weile schweigend an**, dann antwortete: „Ich glaube, du kannst ihn vielleicht erraten.“*

[Frapan, Arbeit, 2001, S. 125]

В эпизоде представлен диалог между мужчиной и женщиной. Дама, из-за корыстных побуждений, флиртуя, пытается сыграть роль знакомой, с которой мужчина давно когда-то сталкивался. На факт неискренности указывает символическое толкование окулесического соматива с ядром семантического поля „*Blick*” + *маркер напряжённого внимания* – „*starrte eine Weile an*” (установилась на какое-то время). Длительность визуального процесса характеризуется прилагательным „*schweigend*” (безмолвно). Визуальный контур поддерживается автором глаголом с широкой семантикой „*glaube*” (верю) и модальным наречием вероятности „*vielleicht*” (возможно), в комплексе демонстрирующим «оболочку» психологического состояния адресанта и факт неискренней коммуникации.

При манифестации лжи люди отводят глаза в сторону и пристально впиваются взглядом в воображаемую точку. К подобному поведению лжецы прибегают при волнении и стремлении сохранить своё лицо. Продемонстрируем пример их литературного текста:

*„So war es ja nicht gemeint“, sagte Johanna und **glotzte in eine unentwegte Richtung**, dann **winkte falsch ab**.*

[Neutsch, Ein Herz spielt falsch, 1964, S. 105]

В данной микроситуации женщину озадачили неудобным вопросом, она норовит не выдать своё смущение. На ложность оптического жеста указывает окулесический соматив с ядром семантического поля „*Blick*” + *маркер напряжённого внимания* – „*glotzte*” в сочетании с выраженным

кинесическим компонентом „*winkte falsch ab*“. Словосочетание с конструкцией предлог + прилагательное + существительное „*in eine unentwegte Richtung*“ (в никуда) дополнительно указывает на эмоциональный дискомфорт и желание спрятаться. Соответствующее комплексное использование жеста руки и оптического компонента выявляет авторскую экспликацию ложного высказывания.

При манифестации лжи явным сигналом её осуществления выступают невербальные окулесические маркеры с семой микрополя «**отсутствие зрительного контакта**». Люди инстинктивно прибегают к разрыву зрительного контакта в ситуации ложного поведения, для сокрытия истинных эмоций, часто смущения, и намерений. При демонстрации ложного высказывания адресантом, помимо маркера отсутствия зрительного взаимодействия, используются и дополнительные знаки невербальной семиотики: кинесические жесты – прикосновения ко рту, к носу; голосовые или просодические жесты – невнятная или же торопливая речь; изменения в вегетососудистой системе – покраснение лица, бледность кожных покровов.

В немецкоязычной художественной литературе мы обнаружили следующий окулесический маркер, объединённый семой микрополя «отсутствие зрительного контакта»:

„*Für die gnädige Frau Oberleutnant.*“ - „*Ja, ja, ich weiß*“, *log sie und ließ ihre Augen halb gerührt, halb beängstigt auf den Blumen ruhen.*

In dem kostbaren Rosenbukett fehlte die Malmaison.

[Ebner-Eschenbach, Der Herr Hofrat, 2001, S. 207]

В анализируемом примере девушка, пытаясь скрыть своё смущение, прибегает ко лжи. Демонстрация ложного высказывания происходит за счёт окулесического соматива с ядром семантического поля „*Auge/ Blick*“ + маркер уклонения от визуального контакта – „*ließ Augen halb gerührt, halb beängstigt auf den Blumen ruhen*“. Репрезентация невербального визуального маркера посредством лексемы „*log sie*“ и наречий „*halb gerührt, halb*

beängstigt“ демонстрируют стремление адресанта отвести взгляд ввиду неискреннего высказывания и желание уйти от дальнейшего общения, что подтверждается многократным эмоциональным повтором „*Ja, ja..*“. Автор создаёт психологический портрет героини и воссоздаёт ситуацию, используя в описании красочные образы. Это помогает читателю лучше понять душевные переживания героя.

Продemonстрируем следующий пример диалогического фрагмента, манифестирующий ложное невербальное поведение персонажа посредством отсутствия зрительного взаимодействия:

„Nicht dazu sind wir hergekommen, Fifi; ist es denn wahr, daß du dich nicht scheiden läßt?“

*„Ja, das ist ganz wahr“, nickte Josefine, **den Blick abwendend**.*

[Frapan, Arbeit, 2001, S. 125]

В данной художественной ситуации представлен разговор молодой пары. Девушка, во избежание родительского гнева и пересудов, через обман соглашается сохранить отношения с мужчиной. Маркером ложного высказывания выступает окулесический соматив с ядром семантического поля „*Auge/ Blick*“ + маркер уклонения от визуального контакта – „*den Blick abwendend*“ (отводя взгляд). Очевидно, что лгущему персонажу некомфортна ситуация, девушка подобным визуальным поведением эксплицирует желание прервать дальнейший разговор.

На основе проведённого анализа немецкоязычной художественной литературы можем подтвердить активное использование авторами оптических знаков в ситуации ложного поведения. Чаще других оптические невербальные знаки передаются следующими визуальными характеристиками: мигание, пристальный взгляд, отсутствие зрительного взаимодействия. Проанализированные примеры ложных высказываний сопровождаются языковыми соответствиями в комплексе с глагольными номинациями, словосочетаниями с конструкцией предлог + прилагательное + существительное.

Исходя из проанализированного текстового материала, можно прийти к заключению, что невербальные окулесические маркеры являются наиболее выразительным средством обнаружения ложного высказывания ввиду того, что оптические компоненты выступают эмотивным и, следовательно, информативным сигналом обнаружения лжи.

Выводы по второй главе

Анализ языкового практического материала, представленного в данной главе, позволил прийти к следующим выводам.

1. Установлено, что невербальные компоненты ложных высказываний репрезентированы в художественном дискурсе в соответствии с кинесическими, просодическими и окулесическими признаками невербальной семиотики. Неречевые сигналы классифицируются по их эксплицитному и имплицитному смысловому выражению в зависимости от выраженной или сдержанной реализации невербального поведения лгущего персонажа. Выявление невербальных маркеров лжи представляется эффективным способом верифицирования и декодирования ложного высказывания.

2. Обосновано, что кинесические невербальные маркеры обогащают эмоциональную составляющую информации и участвуют в оформлении ложных высказываний. При манифестации высказывания с ложной коннотацией в большинстве случаев задействованы телодвижения и мимика, которые обнаруживаются через невербальные маркеры с эксплицитным смыслом. Телесные манипуляции и мимические иллюстрации крайне сложно поддаются контролю и очевидны в своём проявлении, поэтому они определяются нами в качестве эксплицитных, эффективных маркеров изобличения лжи.

3. Определено, что при описании ложного высказывания авторами активно используются просодико-фонационные единицы общения. Интонационные средства выступают неким организованным контекстом, способствующим актуализации единиц на каждом уровне языковой системы. Голосовые невербальные жесты являются эффективным средством осуществления ложного высказывания. Для эффективной интерпретации невербального поведения участников коммуникативного взаимодействия посредством просодических компонентов творцами художественных произведений используются такие речевые характеристики, как тон и высота голоса, темп речи и голосовые неартикулируемые реакции.

4. Обнаружено, что в ложной невербальной ситуации с большей частотностью используются просодические маркеры с имплицитным воздействием. Это объясняется неосознанностью физиологических реакций и экспрессивностью звуковых жестов, для корректного верифицирования которых необходимо глубокое понимание содержательной канвы произведения. Продемонстрированные ложные высказывания сопровождаются глагольными номинациями, наречиями, словосочетаниями с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, а также находят выражение через субстантивированные наречия, междометия и заполнители пауз.

5. Продемонстрировано, что авторами для оформления ложного сообщения, наряду с кинесическими и просодическими средствами, используются и окулесические компоненты. Визуальные невербальные знаки находят выражение в мигании, пристальном взгляде или же в отсутствии зрительного контакта. Оптические невербальные маркеры лжи, являясь эмотивными по своей природе, наиболее ёмко выражаются посредством эксплицитных окулесических маркеров.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛГУЩЕГО ПЕРСОНАЖА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Модель невербального поведения лгущего персонажа

Значимым фактором для верификации невербального компонента лгущего персонажа в художественном произведении является описание самой речевой ситуации лжи. Именно в художественном произведении лгущий персонаж предстаёт во всевозможных ситуациях, включая его внутренний диалог, а также продуманные действия и импульсивные поступки. Лгущий персонаж выступает ядром этического содержания литературного произведения.

Будучи «центром исхождения поступка» [Бахтин], лгущий персонаж рассматривается через призму своих деяний и далее осмысливается благодаря нравственным истокам читателя и авторской оценке лживого поступка. Образ лгущего персонажа в художественном произведении зависит от социальных, психологических и политических особенностей описываемого общества, в котором живёт и творит писатель, и которое он описывает в произведении.

В настоящем исследовании образ лгущего персонажа рассматривается комплексно. При этом особое внимание уделяется невербальному поведенческому коду лжеца (кинесика, просодика, окулесика). Несомненно, посредством невербальной составляющей текста автор совокупно заостряет внимание читателя на внешнюю сферу лгущего персонажа, которая отражает его внутренние потребности, мотивы и миропонимание, придавая образу персонажа целостность, законченность и создавая эффект реалистичности бытия.

В связи с вышесказанным *модель невербального поведения* верифицированных типов *лгущего персонажа* может быть построена по следующей структуре:

- 1) агент ложного высказывания (лгущий персонаж);
- 2) объект ложного высказывания (на кого направлена ложь);
- 3) невербальный код ложного высказывания (кинесика, просодика, окулесика);
- 4) мотив ложного высказывания (причины осуществления ложного высказывания);
- 5) авторская оценка поступка.

Представленная модель позволила проанализировать невербальные поведенческие паттерны лгущего персонажа в немецкоязычных художественных произведениях и разработать следующую классификацию лгущего персонажа в зависимости от модели невербального поведения лгущего персонажа: *эмотивный тип; адаптивный тип; регулятивный тип*. В следующих параграфах рассмотрим каждый тип лгущего персонажа более подробно.

3.2. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа эмотивного типа

В проанализированном пласте художественных текстов *эмотивный тип лгущего персонажа* эксплицируется в основном в действиях героя, испытывающего эмоциональный подъём, возбуждение. Фактором, усиливающим эмоции, выступают и посторонние наблюдатели. Мотивом для исследуемого персонажа выступает чрезмерное побуждение к преувеличению собственных заслуг, достижений или качеств для сознательного введения адресата в заблуждение. Стоит заметить, что эмотивный тип лжеца в момент высказывания ложной информации руководствуется симметричной интенциональной доминантой – желанием привлечь внимание. Внутренняя установка на собственные уникальные

способности или достижения кроется в психологической неполноценности персонажа и стремлении ощутить реакцию восторга адресата.

Зачастую такая форма поведения используется автором для выражения аффективного воздействия, когда лгущий персонаж своим поведением провоцирует у слушателя негативные эмоции в форме зависти и раздражения. Интенция эмотивного типа лгущего персонажа продиктована стремлением через искажение информации вызвать моральный дискомфорт у получателя, провоцируя в последующем резкую критику у последнего. При характеристике эмотивного типа лгущего персонажа, как правило, автором используются прилагательные-квалификаторы, манифестирующие эгоцентризм типажа: *schamlos, happig, frech, unehrlich, unverfroren*.

В немецкоязычном художественном дискурсе эмотивный тип лгущего персонажа рассмотрим в образе Лизы Мербуш в произведении К. Йенча „*Seit die Götter ratlos sind*“ [Jentzsch, 1999: 414]. Для исследовательского анализа нами отобраны 93 диалогические ситуации, описывающие невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа.

В анализируемом произведении рассматриваются серьёзные изменения, произошедшие в повседневной жизни бывших граждан ГДР в новой объединённой Германии. Героиня Лиза Мербуш молода, красива и дерзка. После падения Берлинской стены она пребывает в тяжёлом психоэмоциональном состоянии, как и большинство жителей Восточной Германии. Помимо душевных смятений вследствие наступивших перемен, девушку одолевают и глубокие переживания из-за распада своей собственной семьи. Весь пласт испытаний, безусловно, сказался на поведении Лизы Мербуш. В стрессовых ситуациях главная героиня прибегает к ложным высказываниям, вуалируя ими эмоциональные напряжения. Приведём примеры, иллюстрирующие невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа.

Следуя за мечтой, Лиза улетает на Крит, в надежде пережить свой жизненный опыт, понять себя, найти своё место в новых исторических реалиях. Однако это путешествие приближает её к собственному прошлому.

„Alles klar?“ fragte Elke, die zur Rezeption kam.

*„Ja, gleich!“, log Lisa **mit hoher Stimme**.*

[Jentsch, 1994, S. 174]

В репрезентируемой диалогической ситуации представлен фрагмент её общения со знакомой, Эльке, проявляющей излишнее любопытство. Лиза не желает вдаваться в подробности приезда и показывать свою растерянность. Ложное высказывание в данном фрагменте выражается посредством просодического соматива с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Höhe*“ – „*mit hoher Stimme*“ (высоким голосом). Во избежание лишних вопросов Лиза обманывает свою собеседницу, подсознательно полагая, что высокий тон её речи позволит убедить знакомую в правдивости сказанного ею высказывания и скрыть внутренний эмоциональный беспорядок. Однако своей ложью лгущий персонаж вызывает только раздражение собеседника.

В следующем примере продемонстрирован эпизод разговора Лизы с другом. Мужчина замечает неважное самочувствие Лизы и предлагает помощь. Девушка не желает признаваться в своей слабости, хотя внутренне и понимает, что истинным мотивом её действий выступает попытка привлечь внимание.

„Lass mich runter“, antwortete Lisa.

„Kannst du ohne meine Hilfe stehen?“ fragte er leise.

*„Natürlich“, antwortete sie **selbstsicher**, sich keine bessere Ausrede zurechtgelegt zu haben.*

[Jentsch, 1994, S. 212]

В стремлении показаться уверенной и желая утаить испытываемые эмоции, девушка осуществляет ложное высказывание. Маркером невербального поведения, репрезентирующего неискренность, выступает

просодический соматив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“ – „*selbstsicher antworten*“ (уверенно отвечать). Автор эксплицирует очевидный внутренний конфликт между чувством неуверенности, осознаваемой реальностью и искажением, транслируемым вовне.

Воплощение лгущего персонажа эмотивного типа нашло отражение и в нижеследующем примере, где представлен фрагмент диалога Лизы с бывшим коллегой, не разделившим политические убеждения Лизы. Она пытается отстоять свою позицию, но поняв, что не найдёт понимание, уходит от неудобного разговора.

„*Was hast du?*“, *fragte er.*

Sie machte ihre Augen groß, sah ihn einen ganz kurzen Moment fast schuldbewusst an.

„*Nichts! Auf Wiedersehen!*“, *Lisa strich ihr Haar zurück dann log mit pfiffigem Lächeln.*

[Jentsch, 1994, S. 70]

Экспликация ложного сообщения осуществляется посредством окулесического вегетатива с ядром семантического поля „*Auge*“ – „*Augen groß machen*“ (сделать большие глаза), описывающего визуальное поведение лгущего персонажа посредством глагола „*machen*“ (делать). Ложное невербальное поведение дополняется также невербальным маркером, выраженным окулесическим сомативом с ядром семантического поля с ядром „*Auge/ Blick*“ – „*sah an*“ в сочетании с маркером уклонения от визуального контакта – „*einen ganz kurzen Moment*“. Экспрессивное поведение лгущего персонажа воплощается дополнительно с помощью кинесических сомативов с ядром семантического поля „*Haar*“ – „*strich Haar zurück*“ и „*Lächeln*“ – „*mit pfiffigem Lächeln*“, указывающего на интенцию лгущего персонажа вызвать негативные эмоции у оппонента. Внутренние смятения героини определяются посредством авторской ремарки „*fast schuldbewusst*“ (осознавая свою вину). Очевидно, что лгущему персонажу, Лизе, непросто нейтрализовать эмоциональные

проявления. Она пытается нивелировать внутреннюю неустойчивость заигрывающим жестом и лукавой улыбкой, вызывая лишь раздражение у собеседника.

Анализ ложных маркеров в невербальном поведении лгущего персонажа эмотивного типа позволяет прийти к следующему выводу: в невербальном поведении эмотивного типа лгущего персонажа типично использование просодических и кинесических маркеров. Для отражения фонационных изменений эмотивного типа лгущего персонажа авторы используют номинации невербальных компонентов, характеризующих **„Klang der Stimme (gehoben)“**, например: *mit hoher Stimme sprechen, flötend klingen, selbstsicherer antworten, mit großtönender Rede*. Эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, характеризующаяся повышением тона голоса, свойственна рассматриваемому типу персонажа, потому как способствует выражению в речи его чувств и намерений.

Иными невербальными маркерами, способствующими выявлению лгущего персонажа адаптивного типа, выступают лексические номинации семантического поля **„Mimik“** (мимические проявления), например: *Haar zurückstreichen, rot anlaufen, ein sattes Lachen, mit pfiffigem Lächeln*. Лжеца эмотивного типа выдают мимические проявления, манифестирующие степень его эмоциональных переживаний.

Иным невербальным средством, демонстрирующим эмотивный тип лгущего персонажа, выступает окулесический маркер **„Augen“** (глаза), отражающий визуальное поведение лгущего персонажа, например: *große Augen machen, mit Augen aufblitzen, Augen weit aufreißen, anzwinkern*. Необходимо отметить, что при описании окулесического невербального поведения автором большей частью используются глаголы действия, манифестирующие и усиливающие основной эмотивный смысл высказывания.

Просодическая характеристика тона голоса лгущего персонажа рассматриваемого типа отражается прилагательными, манифестирующими

эмоционально-экспрессивную окрашенность голоса, например, *matt, selbstsicher, rasch, tonlos, eilig*; прилагательными, описывающими высоту голоса и конкретизирующими степень проявления эмоционального напряжения, например, *hoch, energisch, deutlich, intensiv*.

Визуальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа отражается качественными прилагательными, характеризующими визуальное поведение лжеца, например, *groß machen, weit aufreißen, heftig blinzeln*; словосочетанием с конструкцией предлог + прилагательное + существительное, выражающим эмоциональный дискомфорт, например, *mit unbewegten Augen, in unentwegte Richtung*.

Невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа демонстрируется автором, как посредством эксплицитного описания, так и через имплицитный смысл, предполагающий читательское переосмысление авторского замысла и понимание смысловых компонентов художественного текста. Языковыми средствами для расшифровки эксплицитного невербального поведения эмотивного типа лжеца выступают лексические номинации невербального кода, описывающие фонационные изменения или глаголы просодической характеристики микрополей «тона голоса», «высота голоса» и квалифицируемые прилагательными для описания интенсивности голосовых модуляций, например: *seelenruhig lügen, selbstsicher antworten, überzeugt lügen, tonlos sagen, flötend klingen*.

Декодирование имплицитных смыслов невербального поведения лгущего персонажа осуществляется посредством существительных, отражающих сигналы определённых невербальных действий и определяющих свойства невербального маркера посредством описывающих прилагательных и дополнительного ассоциативного ряда, например: *gemachtes Lachen, pfiffiges Lächeln, bebende Stimme, funkelnde Augen*.

В связи с вышеизложенным следует заключить, что невербальное поведение лгущего персонажа эмотивного типа отображается через голосовые модуляции, описывающие эмоциональные изменения в

тональности и высоте голоса в зависимости от переживаний лжеца. Иным информативным невербальным маркером, способствующим выявлению лгущего персонажа исследуемого типа, является визуальное поведение или игра глазами.

3.3. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа *адаптивного* типа

При характеристике лгущего персонажа в качестве субъекта коммуникации и агента обманного поступка необходимо отметить его близость к *адаптивному типу*. Для данного типа лгущего персонажа характерно приспособленческое поведение. Комплексный анализ коммуникативных и невербальных поведенческих характеристик позволяет отнести лгущего персонажа к адаптивному типу героя, который притворяется и льстит своему собеседнику. Мотивационный признак, определяющий соотнесение героя лгущего персонажа к адаптивному типу, эксплицирован в осознанном авторском выборе обманного поведения, характеризующееся двойственностью. Скрывая информацию, адаптивный тип лжеца своим состоянием либо действием влияет в итоге на истинность транслируемой получателю информации. Интенция к обманному поведению ситуативна и направлена «на случай», осознанное извлечение выгоды или удовлетворения потребностей.

Презентация двойственного поведения внешне демонстрирует стремление лгущего персонажа адаптивного типа к следованию принципам кооперативной коммуникации. Дешифровка адресатом истинных намерений лжеца приводит к нарушению максимы доверительных отношений. Исследование ролевой характеристики данного типажа, приводит к обнаружению тесной корреляции притворного поведения лгущего персонажа с такими понятиями как «роль», «игра», «маска»,

формирующих внешний портрет типажа и отсылающих к сфере театральности.

Ложное поведение анализируемого типа лгущего персонажа в немецкоязычных художественных произведениях нашло отражение в следующих соответствиях, выраженных глагольными номинациями: *heucheln, simulieren, erkünsteln, sich stellen, sich aufspielen, frömmeln*.

Мотивирующей основой, служащей для соотнесения лжеца к адаптивному типу, выступает осознанное побуждение к неискренней деятельности, лицемерное восхваление и преувеличение достоинств собеседника. Лъстецом всегда движет корысть, стремление втереться в доверие или добиться чьего-либо расположения для получения выгодного статуса.

Литературный лгущий персонаж адаптивного типа в процессе взаимодействия использует метафорическую коммуникативную структуру «верх-низ», где с позицией «верх» соотносится возвеличиваемый, некто значимый, а с позицией «низ» – сам лжец, раболепствующий и выслуживающийся в расчёте на приобретение определённой выгоды. Автор аксиологически маркирует поведение лжеца адаптивного типа, используя глагольные номинации: *English lispeln, Honig um den Mund schmieren, kriechen, duckmäusern*.

Поведение лжеца адаптивного типа характеризуется автором произведения двояко. С одной стороны, лжец выражает доброжелательное отношение, призванное вызвать у собеседника ответные положительные чувства. Это объясняется самой природой лести, в которой транслируется положительная оценка и по отношению к адресату используется стратегия «эмоционального поглаживания» [Шаховский, 2005: 172]. Всё это в некоторой степени нивелируют негативную характеристику лгущего персонажа.

С другой стороны, автор порицает корыстные цели лжеца, указывает на его манипулирующую роль, усиливая негативную характеристику своего

персонажа посредством усиливающих квалификаторов: *niedrig, heimtückisch, lästerlich, kriecherischer, schmeichlerisch*.

В немецкоязычной художественной литературе адаптивный тип лгущего персонажа анализируем в образе Ханнеса Балла в произведении Эрика Нойча «Следы камней» (*Erik Neutsch „Spur der Steine“*) [Neutsch, 1964: 945]. Для анализа нами отобраны 104 диалогических эпизода, репрезентирующих невербальное поведение лгущего персонажа адаптивного типа.

В масштабном романе создаётся впечатляющая картина времени новых начинаний в Восточной Германии. В произведении рассказывается история мятежника, плотника Балла Ханнеса, который бродит по стране, как искатель удачи, сталкиваясь на своём пути с деньгами, властью, женщинами. Балла парирует всё, что может нарушить его жизнь: закон, порядок, чувства зарождающейся любви. В таком круговороте событий Балла пытается выжить, не теряя своих идеалов, приспосабливаясь к людям и событиям, выражая при этом ситуативное обманное поведение. Продемонстрируем примеры, характеризующие невербальное поведение лгущего персонажа адаптивного типа.

Балла Ханнес выступает против указаний строительной компании, на стройке которой он работает. Его бунтарская натура побуждает его даже к забастовке Шкона.

*Balla **blickte dauernd** auf den Beton und sagte **mit gekünsteltem Laut**: „Da hat er doch recht...“*

Der Brigadier wandte sich gegen ihn und giftete: „Das mußt du mir sagen, du, Klugscheißer!“

[Neutsch, 1964, S. 56].

В приведённой диалогической ситуации ложное высказывание сопровождается невербальным маркером, выраженным окулесическим сомативом с ядром семантического поля „*Blick*“ – „*blickte*“ (посмотрел) и дополненным маркером, конкретизирующим напряжённое,

продолжительное внимание „*dauernd*“ (продолжительно). Притворное поведение лгущего персонажа маркируется в дополнение просодическим сомативом с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“ – „*mit gekünsteltem Laut*“ (наигранным тоном). Через характеристику взгляда и голосового сигнала автор манифестирует приспособленческое поведение лжеца. Мятежная натура Балла в купе с его двойственным поведением, нацеленным на получение собственной выгоды, вынуждает героя к обману. Другой вопрос, воплотились ли намерения лжеца? Судя по высказыванию собеседника, бригадира, он не поверил лгущему персонажу, распознав наигранность действий лжеца, и крайне эмоционально парировал в ответ.

Из-за странной и двойственной натуры Балла Ханнес вынужден непрестанно адаптироваться к жизненным ситуациям, действия героя направлены «на случай». Вечные смятения Балла заставляют его бороться и со своими чувствами к Катрин Клее, молодому дипломированному инженеру. Ханнес не может навести порядок в своей личной жизни из-за противоречивого характера и внутреннего конфликта. С одной стороны он понимает, что ведёт двойную жизнь, с другой не готов отказаться от своих политических убеждений даже ради собственного счастья.

Und jetzt richtete sie auch einen bangen Blick auf Balla.

Er konnte sie nicht enttäuschen.

*Er **murmelte** und log: „Nein, nein. Nichts, was nicht täglich geschieht...*

*Ich...ich... wollte nur mal sehen, ob ich nicht schöne Grüße mitnehmen kann.“ Er **klang entschuldigend**.*

[Neutsch, 1964, S. 112]

В приведённом диалогическом фрагменте демонстрация лжи осуществляется через просодический соматив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Tempo*“ – „*murmelte*“ (пробормотал). Характеристика голосового тона воплощается через просодический соматив с ядром семантического поля „*Stimme*“ + „*Ton*“ и прилагательное, описывающее степень эмоционального напряжения – „*klang entschuldigend*“ (голос звучал

извиняюще). Манифестация ложного высказывания посредством голосовых модуляций свойственно лгущему персонажу адаптивного типа. Подобным образом лжец восполняет неактивную жестикуляцию.

Эффективная коммуникация обуславливается легковёрностью адресата, его способностью дифференцировать искренность/неискренность. После исследования невербальных маркеров лжи возможно заключить, что для лгущего персонажа адаптивного типа наиболее представительными выступают невербальные просодические сигналы с характеристикой „*Klang der Stimme (tief, eben)*“ – «низкий, ровный тон голоса», например: *mit gekünsteltem Laut, entschuldigend klingen (Stimme), mit schmeichlerischer Stimme, murmeln, tonlos aussprechen, ruhig sagen*.

Следующим невербальным кодом верификации адаптивного типа выступают невербальные кинесические маркеры с мимической характеристикой „*Lächeln*“ – «улыбка», например: *gefälschtes Lächeln, sich durch Lächeln maskieren, längerdauerndes Lächeln*.

Менее представительны лексические номинации невербального кода с характеристикой невербального кода „*Blick*“ (взгляд), например: *einen katzenfreundlichen Blick werfen, dauernd blicken*.

Невербальное поведение лжеца адаптивного типа описывается автором посредством выразительных маркеров – прилагательных, конкретизирующих окулесическое поведение, например, *verschlagen, dauernd, unentwegt, permanent*. Фонационные модуляции лгущего персонажа передаются при помощи квалитативных прилагательных, демонстрирующих степень эмоциональной адаптации у лжеца, например, *gekünstelt, entschuldigend, ruhig, deutlich, vorsichtig*.

Авторское описание невербального поведения лгущего персонажа адаптивного типа находит имплицитное выражение, обрисовывающее дуалистическое поведение лжеца и верифицируемое через осмысление и декодирование ситуативного кода. Имплицитная природа несловесного поведения лгущего персонажа адаптивного типа обнаруживается через

стремление автора охарактеризовать и описать разоблачительное поведение лжеца с помощью качественных и конкретизирующих имён прилагательных, способствующих созданию выразительного образа для построения текстовой и читательской проекции, например, *listig, katzenfreundlich, ungerührt, deutlich, unentwegt, vorsichtig*.

После обобщения полученных результатов исследования можем заключить, что при формировании альтернативного представления лжец адаптивного типа довольно искусно скрывает своё состояние, имитируя необходимое для конкретной ситуации поведение, управляет выражением лица и способен успешно контролировать модуляции голоса при фальсификации своего поведения.

3.4. Характеристика невербального поведения лгущего персонажа *регулятивного* типа

В когнитивно-прагматическом плане возможно рассмотрение *регулятивного типа* лгущего персонажа в роли героя-обманщика, искусно контролирующего своё поведение и эмоциональное состояние. Мотивационной доминантой для лжеца регулятивного типа выступает стремление совершить нечестный поступок, скрыв свои истинные намерения. В основе деяний лжеца лежит намерение замаскировать свои «безобидные» поступки для получения выгоды за счёт другого человека. Для достижения своих целей анализируемый тип лгущего персонажа, как правило, проектирует весь сценарий и продумывает роли участников.

Коммуникация лгущего персонажа регулятивного типа носит манипулятивный характер, что поддерживается его внешним, благожелательным обликом и ролью изобретательного, порядочного человека. Внешние характеристики соотносятся авторами в немецкоязычных текстах со следующими положительными качествами: *klug, findig, talentiert, furchtlos, begabt, glatt*. Регулятивный тип лжеца

выявляется через оценку образно-перцептивных признаков и особенности невербального поведения.

В немецкоязычной художественной литературе регулятивный тип лгущего персонажа рассмотрим в образе Якоба Хейма в произведении Ю. Беккера «Якоб-лжец» (*Jurek Becker „Jakob der Lügner“*) [Becker, 1982: 283]. Для анализа нами было отобрано 58 диалогических фрагментов, реализующих невербальный код при описании лгущего персонажа регулятивного типа.

В книге разворачивается печальная, но в то же самое время, мудрая история о Якобе Хейме, заключённом еврейского гетто, который пытается облегчить участь товарищей в польском заточении. Якоб по радиоприёмнику слышит сообщение о советских войсках, находящихся на подступах к городу Безаника, всего лишь в нескольких сотнях километров от гетто. Главный герой вынужден утаить это сообщение от товарищей по несчастью, но слухи о продвижении солдат Красной Армии постепенно доходят до заключённых. Эта «маленькая» ложь во спасение, безусловно, ничего не могла изменить. Она лишь на малое время подарила обречённым потерянную надежду на освобождение. Приведём примеры, характеризующие невербальное поведение лгущего персонажа регулятивного типа. Осиротевшая девушка Лина узнаёт о тайне Якоба и пытается вывести у него правду. Своими жестами Якоб старается завуалировать свою обеспокоенность.

„Hast du mich heute vergessen?“ fragt sie.

*„Aber nein“, sagt Jakob und **gibt ihr einen Kuß** und schließt wenigstens jetzt die Tür zu. „Ich wollte gleich zu dir nach oben kommen, ich hatte bloß noch was zu tun.“*

„Was denn?“

„Nichts, was du unbedingt wissen muß. Hast du schon dein Abendbrot gegessen?“

[Becker, 2004, S. 117]

В продемонстрированном диалогическом фрагменте автор эксплицирует ложное высказывание при помощи невербального кинесического соматива с ядром семантического поля „*Wange*“ – „*einen Kuß geben*“ (поцеловать).

Якобу не нравится излишняя заинтересованность девушки, ведь новость может навредить всем жителям гетто. Через манифестацию лжи он пытается уйти от неудобного разговора.

„*Hast du gehört, wovon sie alle reden?*“ *fragt Lina.*

„*Wovon denn?*“

„*Das die Russen bald hier sind*“

„*Was du nicht sagst!*“, *Jakob geht zum Schrank, nimmt seine Wochenration Brot, bricht sich zum Abend ab und kaut.*

„*Wer erzählt sich das denn?*“

„*Na Siegfried und Rafael und Frau Sonschein und Frau London, eben alle. Weißt du denn noch nichts?*“

„*Nein.*“

[Becker, 2004, S. 117-118]

В представленной диалогической ситуации выражение ложного высказывания осуществляется при помощи невербальных маркеров, выраженных цепью кинесических сомативов и описывающих выполнение определённых действий. Представлены кинесические сомативы с ядром семантического поля „*Fuß*“ – „*geht zum Schrank*“ (идёт к шкафу), „*Finger*“ – „*nimmt Wochenration Brot*“ (берёт недельный паёк хлеба), „*bricht sich ab*“ (отламывает), „*Mund*“ – „*kaut*“ (жуёт). Безусловно лгущему персонажу неприятна ситуация, его тело само сопротивляется обману. Лжец пытается не выдать себя и компенсирует свои внутренние переживания телесными модуляциями.

Новость о радио, несмотря на все старания Якоба сохранить её в тайне, за короткое время распространяется среди жителей еврейского гетто, с нетерпением ожидающих известий с фронта. При попытке сообщить

радостные вести о приближении советских солдат погибает товарищ Якоба, Гершель Штамм. Якоб принимает решение «уничтожить» радио, распространяя слухи о его поломке, потому как чувствует вину за гибель товарища.

Jakob zieht mit viel Mühe den Mund in die Breite und zwingt die Augen zu verbissener Freundlichkeit, er versucht zu spielen, daß ihm soeben etwas überaus Wichtiges einfällt.

„Das kannst du ja noch gar nicht wissen“, sagt er. „Du hast dir ganz umsonst soviel Mühe gegeben. Das Radio ist inzwischen wieder ganz.“

[Becker, 2004, S. 156]

Данный пример демонстрирует разговор между Якобом и Ковальским, который находит технику для починки радиоприёмника, чем вынуждает Якоба «наладить» прибор. В данном диалогическом фрагменте экспликация регулятивного типа лгущего персонажа осуществляется посредством кинесического соматива с ядром семантического поля „Mund“ – „zieht mit viel Mühe den Mund in die Breite“ (с большим усилием разжимает рот). На неискренность лгущего персонажа и его попытки манифестации притворной радости указывает маркер окулесического соматива с ядром семантического поля „Auge“ – „zwingt die Augen zu verbissener Freundlichkeit“ (выразить глазами наигранную радость).

Очевидно, что лгущему персонажу неприятна ситуация, он старается не выдать свои внутренние переживания. Для создания атмосферы «видимой» реальности герой прибегает к жестам, свидетельствующим об осознанном контролировании своих действий. Сюжетная линия довольно очевидно демонстрирует положительное отношение автора к лгущему персонажу. Автор сам пережил все тяготы и лишения Холокоста, и ему понятны мотивы ложного поведения Якоба Хейма.

Анализ невербальных маркеров лжи позволяет заключить, что верификация лгущего персонажа регулятивного типа возможна с большей частотностью по соответствующим невербальным маркерам, выраженным

кинесическими сомативами: „**Geste**“ (жестикуляция), „**Körperbewegungen**“ (телесные модуляции), например: *mit heftigen Achselzucken unterstreichen; einen Kuß geben; sich das Kinn reiben; zum Schrank gehen; den Kopf zurücklehnen; mit dem Kopf mechanisch nicken; Arme verschränkt halten; die Schultern heben.*

Квалитативной характеристикой невербальных маркеров, выявленных в процессе исследовательского анализа и характерных для лгущего персонажа регулятивного типа, выступают наречия – выразители направления движения, например, *auswärts, halbwegs, rechts*; прилагательные, указывающие на намеренность и обдуманность сопровождающих эмоций, например, *mechanisch, verschränkt, heftig*; словосочетания с конструкцией предлог + причастие + существительное, описывающие динамику действий, например, *mit gerunzelter Stirn, mit dem hängenden Kopf.*

Автор описывает невербальное поведение лгущего персонажа регулятивного типа большей частью эксплицитно, характеризуя при этом внешнее поведение лжеца. Эксплицитная природа невербального поведения лжеца поддерживается такими языковыми маркерами, как:

- прилагательные и причастия, описывающие интенсивность реакций: *scharfes Kopfschütteln, mit heftigem Achselzucken, mit gesenktem Kopf, die Brauen zusammenschiebend; sehr leise murmeln; andauernd wegblicken;*
- глаголы кинесической, просодической и окулесической характеристики, манифестирующие телесные изменения, фонационные и визуальные изменения: *zucken (die Schultern), reiben (die Nasenspitze), nicken (mit dem Kopf), zudrehen (den Rücken); unterstreichen; schauen (zur Seite).*

Диалогическая нить лгущего персонажа регулятивного типа изобилует невербальными кинесическими жестами неспроста. Лжец прибегает к подобному поведению для самозащиты и подтверждения

«мнимой» правдивости, для отслеживания и контролирования невербальных сигналов, являющихся продолжением эмоциональных переживаний лгущего персонажа.

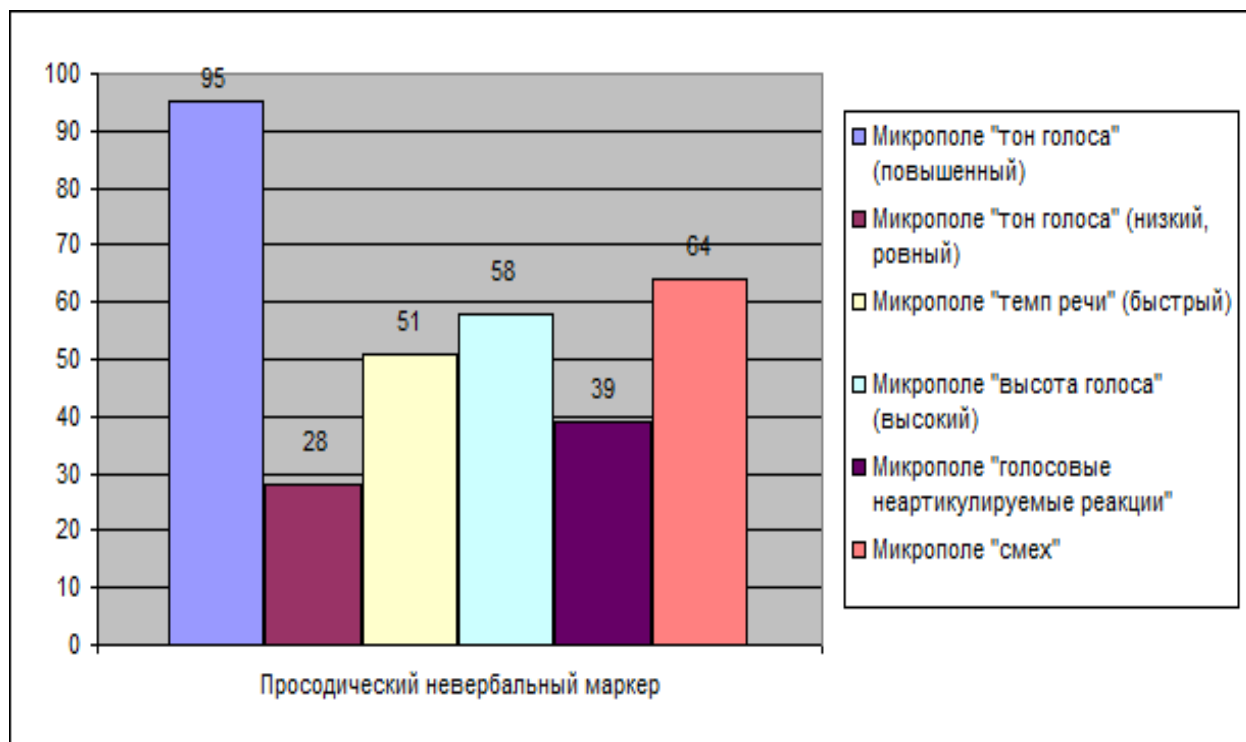
3.5. Анализ невербального поведения «лгущего персонажа» в немецкоязычном художественном дискурсе

Рассмотрим предложенную выше модель лгущего персонажа и репрезентацию его невербального поведенческого кода в немецкоязычном художественном тексте XX – XXI вв. Для исследовательского анализа нами были отобраны 850 диалогических фрагментов, манифестирующих ложные высказывания и описывающих невербальное поведение лгущего персонажа.

Примеры отбирались методом сплошной выборки. Отбор примеров, репрезентирующих ложное высказывание лгущего персонажа, осуществлялся нами путем подбора конкретных словоформ глагола *lügen* (лгать, обманывать), например, «*sie hat gelogen*», «*er hat gelogen*», «*log*», «*lügen*» и др., а также посредством выявления невербального кода и последующего верифицирования типа лгущего персонажа с учётом заложенной автором контекстуальной канвы.

Результаты исследовательского анализа представим ниже в таблицах. Полученные данные позволили зафиксировать маркеры невербального поведения лгущего персонажа в художественном тексте, а также соотнести их с выделенными нами типами лгущего персонажа (эмотивным/ адаптивным/ регулятивным). Соотнесение невербального кода с типом лгущего персонажа предоставляет дополнительную возможность вычленить характерные психологические особенности лгущего персонажа.

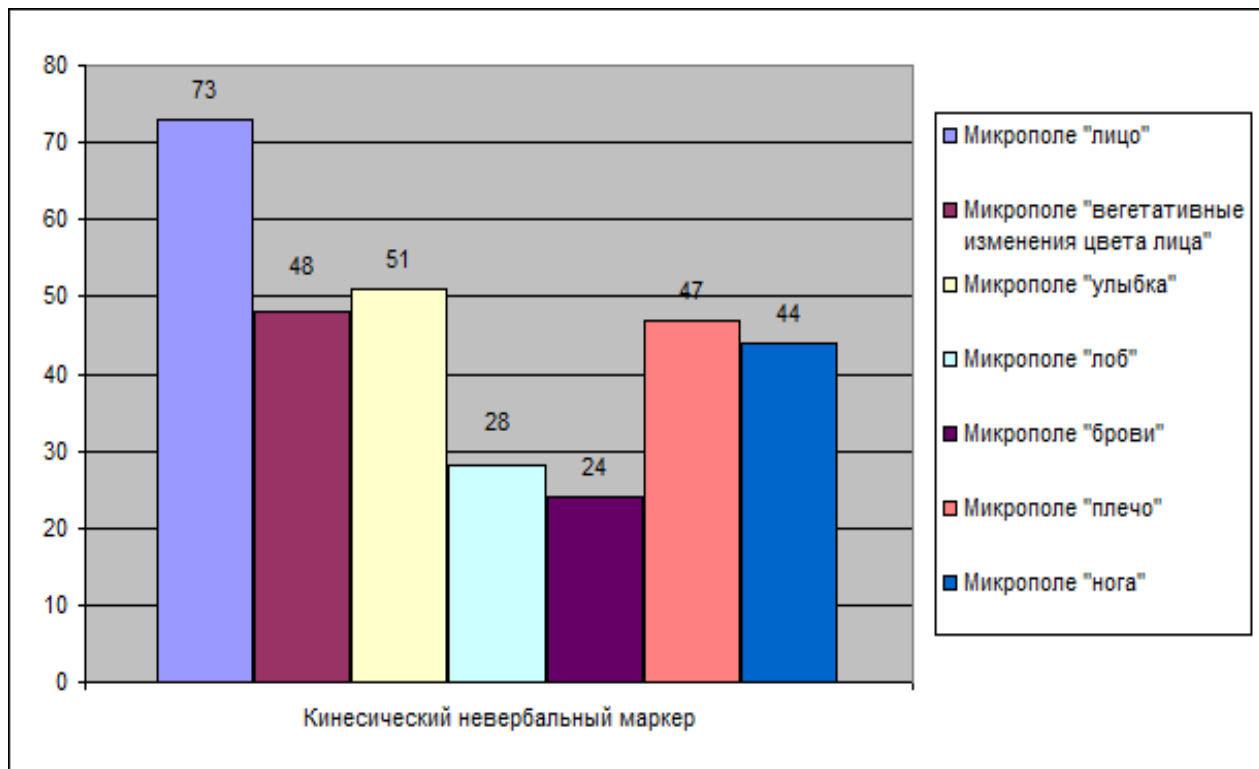
**Репрезентация просодических маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *эмотивного типа***

При описании эмотивного типа лгущего персонажа авторы обращают внимание читателя на просодические невербальные маркеры. При манифестации лжи рассматриваемый тип лгущего персонажа повышает тональность своего голоса, интенсифицируя степень эмоционального внутреннего напряжения. Акустические изменения в сочетании с большим потоком информации свойственны вспыльчивому, нерешительному и неуверенному в себе человеку, прибегающему ко лжи для сокрытия страха или гнева. Лжец подсознательно демонстрирует подобное поведение, в стремлении приукрасить собственные достижения и заставить собеседника поверить себе и сказанным словам.

Для отражения фонационных изменений эмотивного типа лгущего персонажа авторы используют номинации невербальных компонентов, характеризующих «повышенный тон голоса», например: *mit hoher Stimme sprechen, flötend klingen, selbstsicherer Laut, mit größtönender Rede.*

**Репрезентация кинесических маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *эмотивного* типа**

Проявления лжи у эмотивного типа лгущего персонажа поддерживаются в большинстве своём невербальными кинесическими сигналами семантического поля «лицо», характеризующего микрополя вегетативных изменений лица, улыбки, мимику лба и бровей. Иными микрополями, эксплицирующими ложное высказывание, являются «плечо» и «нога».

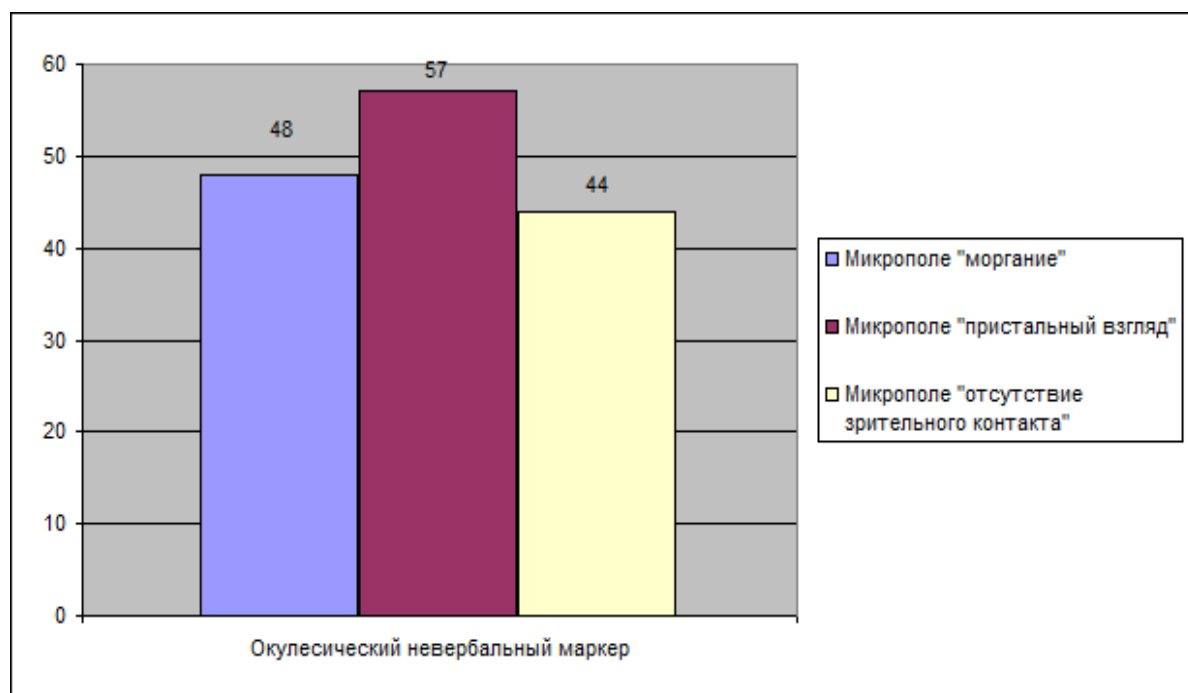
Излишняя экспрессия, отсутствие достаточного навыка мимического и телесного контроля, а также вегетативные изменения, связанные с рефлексией нервной системы, являются причиной «утечки» информации и информативными маркерами для дешифровки читателем невербального поведенческого кода лжеца эмотивного типа.

Мимический и жестовый рисунок репрезентируется автором произведения такими соответствиями, как, например: *die Brauen*

emporziehen, rote Wangen haben, ein sattes Lachen, arrogantes Lächeln, gemachtes Lächeln, mit pfiffigem Lächeln, die Schultern heben/hochheben.

Диаграмма 3.1.3.

**Репрезентация окулесических маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа эмотивного типа**

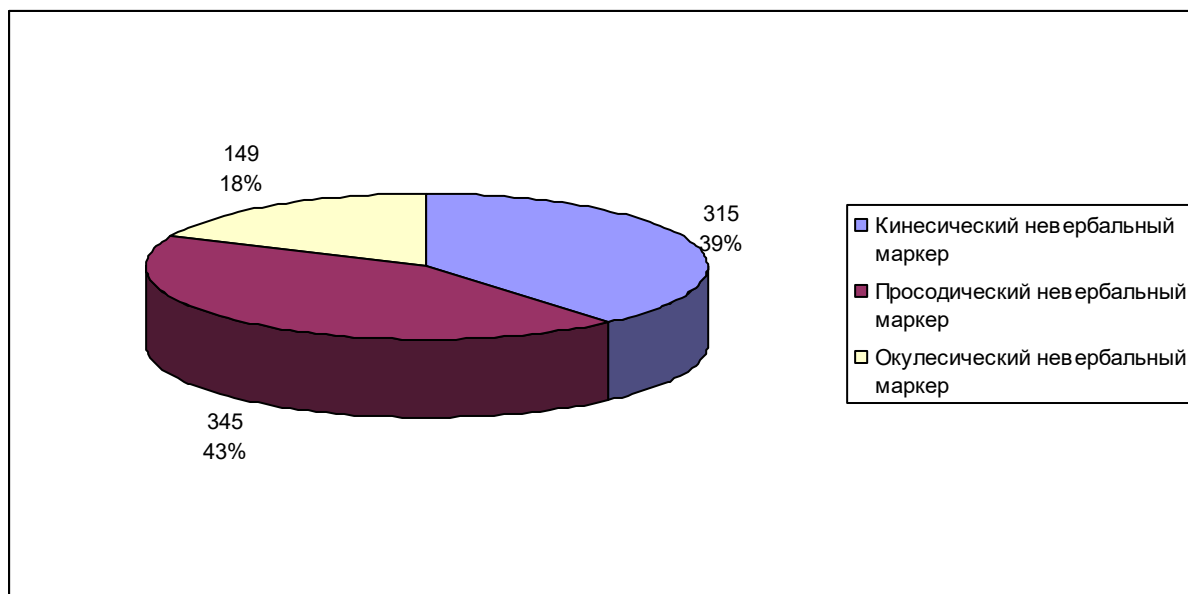

Окулесические маркеры выступают следующим невербальным средством, характеризующим эмотивный тип лгущего персонажа. Визуальное поведение в большинстве случаев описывается лексическими номинациями семантического микрополя «пристальный взгляд», указывающего на попытки лжеца отследить реакцию собеседника, продемонстрировать «видимую» честность и отвести от себя любые подозрения. Ложные высказывания лгущего персонажа представленного типа также верифицируются посредством невербальных маркеров семантических микрополей «моргание» и «отсутствие зрительного контакта», например: *große Augen machen, Augen weit aufreißen, mit Augen aufblitzen, mit den Augenwimpern klappern.*

Верифицирование лжи посредством, так называемых визуальных «ключей», выступает крайне информативным маркером, описывающим психофизическое состояние и эмоциональный фон лжеца.

Диаграмма 3.1.4.

**Репрезентация невербальных маркеров лжи
лгущего персонажа *эмотивного типа***

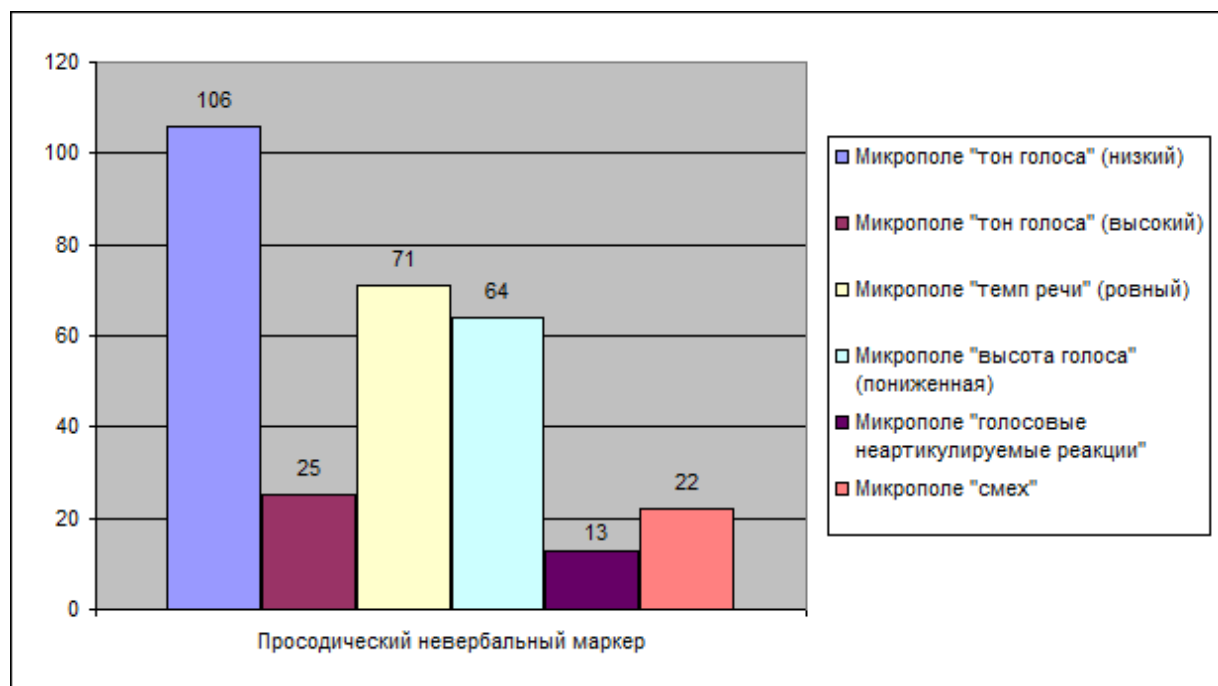
Результаты таблицы позволяют заключить, что в невербальном поведении эмотивного типа лгущего персонажа типично использование авторами просодических маркеров (43%) из рассмотренных примеров. С меньшей частотностью для описания невербального поведения лжеца эмотивного типа среди отобранных примеров употребляются кинесические маркеры (39%), доля окулесических маркеров составляет 18% от общего числа выявленных маркеров.

Интересно, что для следующего типа лгущего персонажа, адаптивного типа, также характерны просодические компоненты, но они качественно отличаются от просодических маркеров эмотивного типа лгущего персонажа определенным набором лексических номинаций, конкретизирующих низкий, ровный тон голоса у рассматриваемого

адаптивного типа. Обратимся к результатам, представленным в Диаграмме 3.2.1., 3.2.2., 3.2.3.

Диаграмма 3.2.1

**Репрезентация *просодических* маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *адаптивного типа***

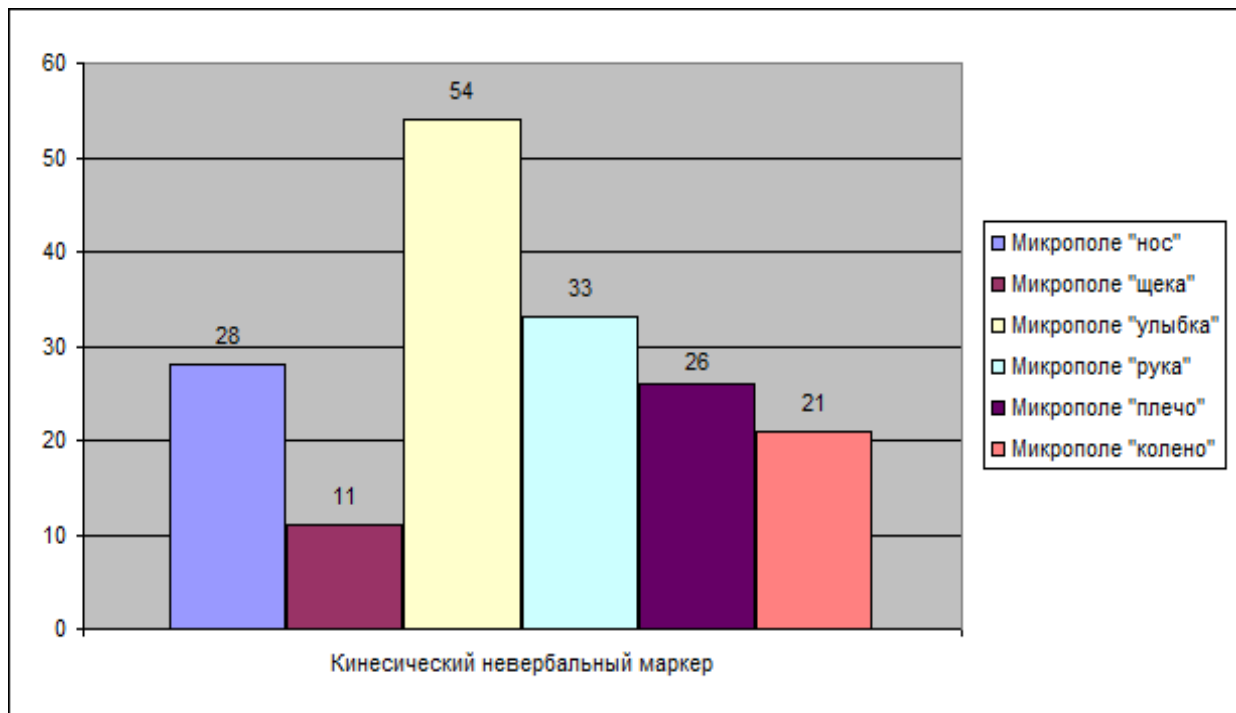

Невербальное поведение адаптивного типа лгущего персонажа при репрезентации ложного высказывания выражается авторами через просодические сигналы с характеристикой «низкий, ровный тон голоса», например: *mit dem **gekünstelten** Laut, **entschuldigend** klingen (Stimme), mit **schmeichlerischer** Stimme.*

Подкупающий низкий голос в сочетании с двойственным поведением и театральностью указывают на манипулятивный характер лжеца, умеющего адаптироваться к ситуации и подстроиться под другого человека во избежание сложностей и создания комфортных условий для себя.

Манифестация сообщения с ложной коннотацией адаптивным типом персонажа сопровождается низким, ровным тоном, являясь своеобразной компенсацией сдержанности персонажа в жестикуляциях и движениях.

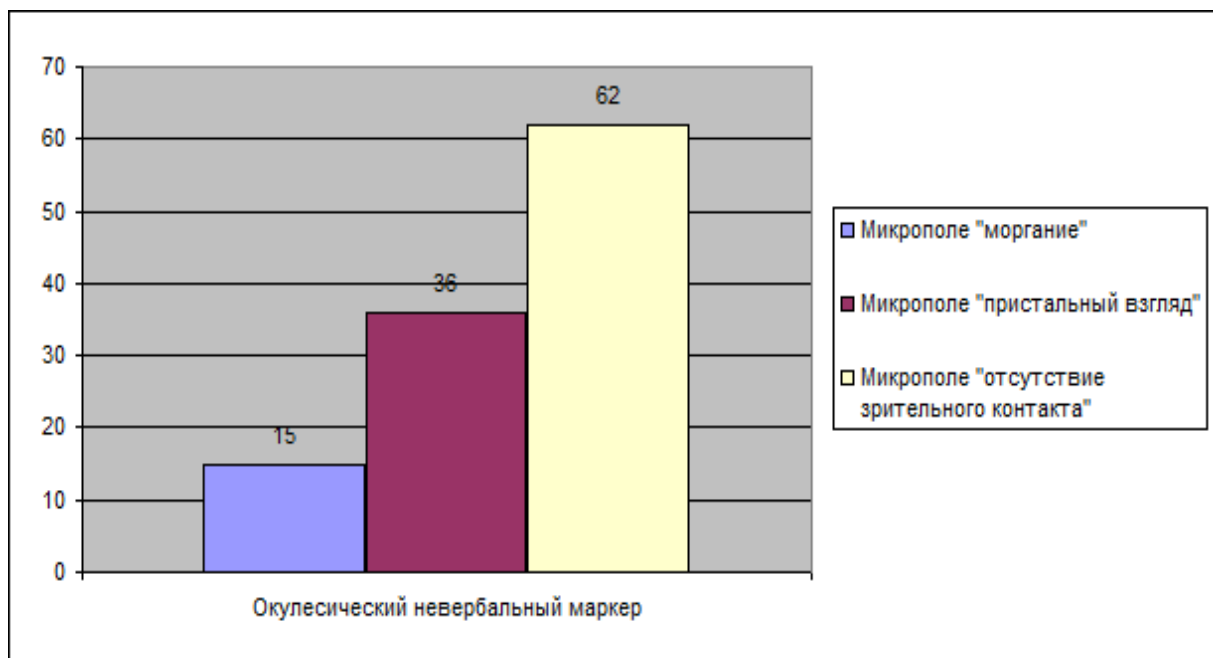
**Репрезентация кинесических маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа адаптивного типа**

Ложная интенция в действиях героя адаптивного типа воплощается авторами через лексические номинации с характеристикой семантического поля «улыбка», например: *sich durch Lächeln maskieren, längerdauerndes Lächeln*.

При неискренности эмотивный тип лжеца прибегает к улыбке-прикрытию для маскировки мимических проявлений. Для данного типа лгущего персонажа свойственна и продолжительная улыбка. Посредством длительного выражения радости и наигранной экспрессии в голосе автор указывает на ложные намерения персонажа, наигранность в поведении.

**Репрезентация *окулесических* маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *адаптивного* типа**

«Характеристика взгляда» адаптивного типа лгущего персонажа также имеет иной набор маркеров, отличных от таковых, свойственных эмотивному типу лжеца. Визуальное поведение адаптивного типа лгущего персонажа отображается невербальными маркерами семантического микрополя «отсутствие зрительного контакта», например: ***abwenden, wegblicken, weggucken, zur Seite schauen, den Blick wenden.***

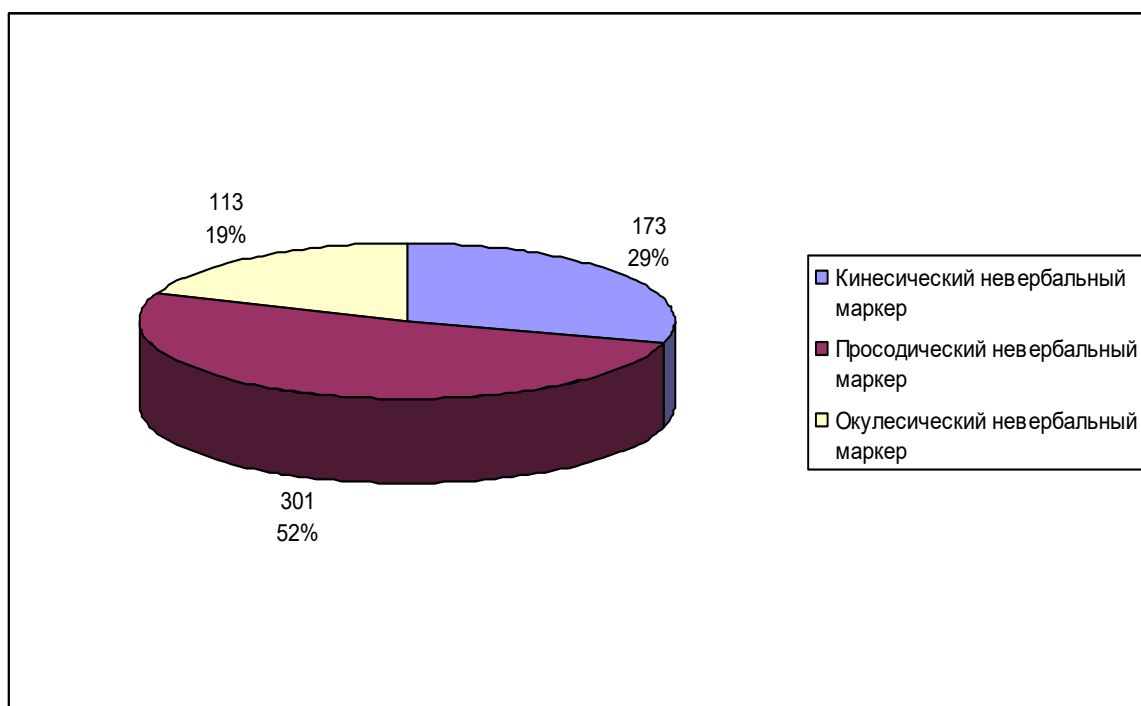
Окулесические невербальные маркеры актуализируются автором посредством прилагательных, конкретизирующих и описывающих взгляд лгущего персонажа, например: *einen **katzenfreundlichen** Blick werfen, verschlagener Blick, listigen Blick werfen.*

В ситуации лжи окулесическое поведение адаптивного типа персонажа характеризуется устремлением взгляда в сторону в сочетании с иным мимическим невербальным маркером – неуместной, фрагментарной улыбкой, позволяющих лжецу подобрать нужные слова или выдумать правдоподобную историю.

Визуальные модификации служат для адаптивного типа лгущего персонажа эффективным средством манипуляции и достижения намеченной прагматической цели.

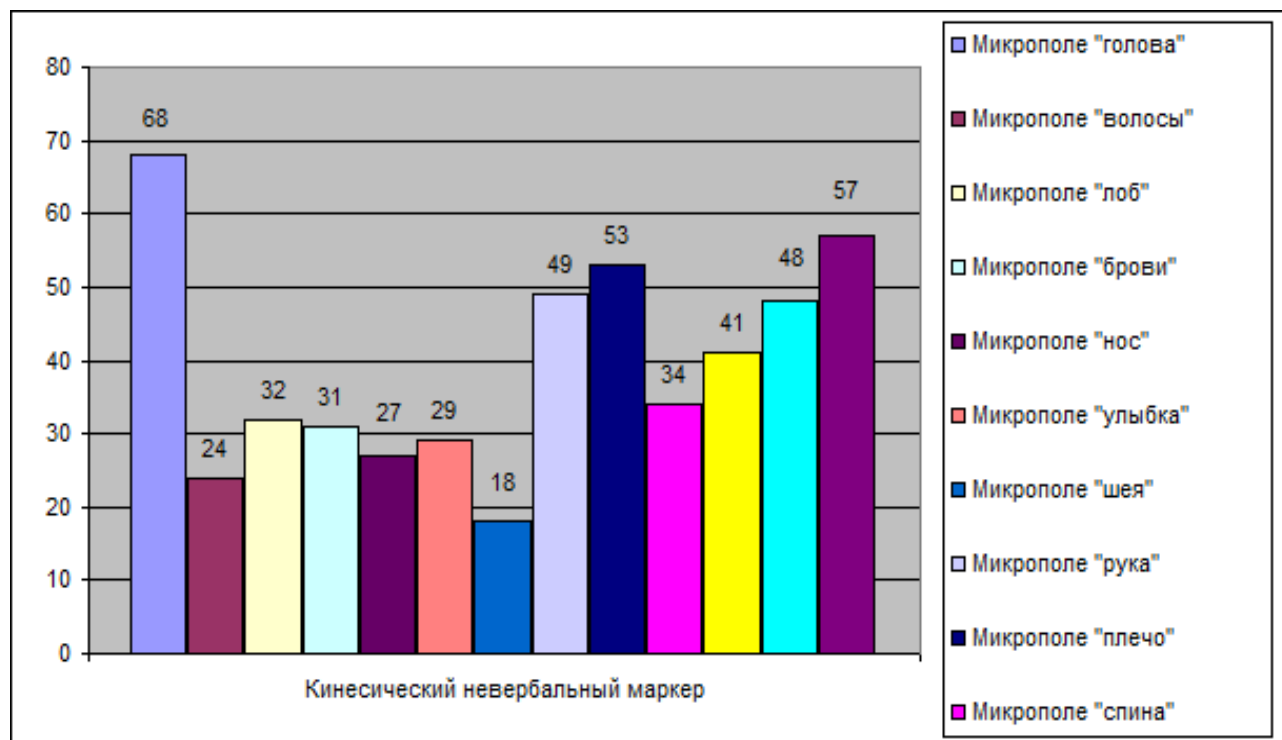
Диаграмма 3.2.4.

**Репрезентация невербальных маркеров лжи
лгущего персонажа *адаптивного типа***

Для окантовки невербального поведения адаптивного типа лгущего персонажа авторами с наибольшей частотностью используются просодические маркеры (52%). Кинесические маркеры, выражающие мимические и двигательные изменения, составляют 29% от верифицированных невербальных маркеров. Глазное невербальное поведение лжеца адаптивного типа представлено окулесическими маркерами и образует 19% из числа проанализированных примеров.

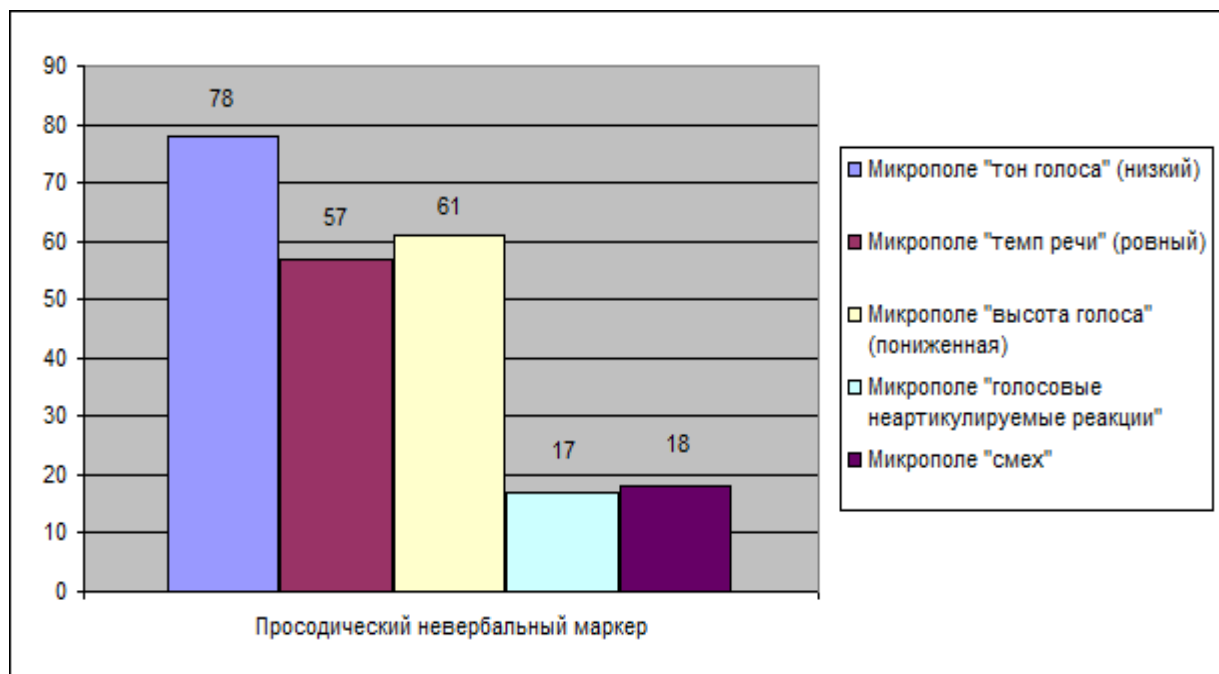
**Репрезентация кинесических маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа регулятивного типа**

Данный тип лгущего персонажа весьма успешно кодирует свои эмоции. Определяющим в образе персонажа регулятивного типа являются невербальные маркеры семантического поля «жестикуляция» и «телесные модуляции», характеризующие микрополя движения головы, плеч, прикосновения к носу, шее, мимические проявления бровей и лба, выраженные следующими соответствиями на немецком языке: *mit heftigen Achselzucken unterstreichen; sich das Kinn reiben; den Kopf zurücklehnen; mit dem Kopf nicken; Arme verschränkt halten; die Schultern heben.*

Повествование лгущего персонажа регулятивного типа закономерно изобилует кинесическими жестами, которые используются лжецом для самозащиты и подтверждения «мнимой» правдивости, для отслеживания и контролирования невербальных сигналов, являющихся продолжением эмоциональных переживаний.

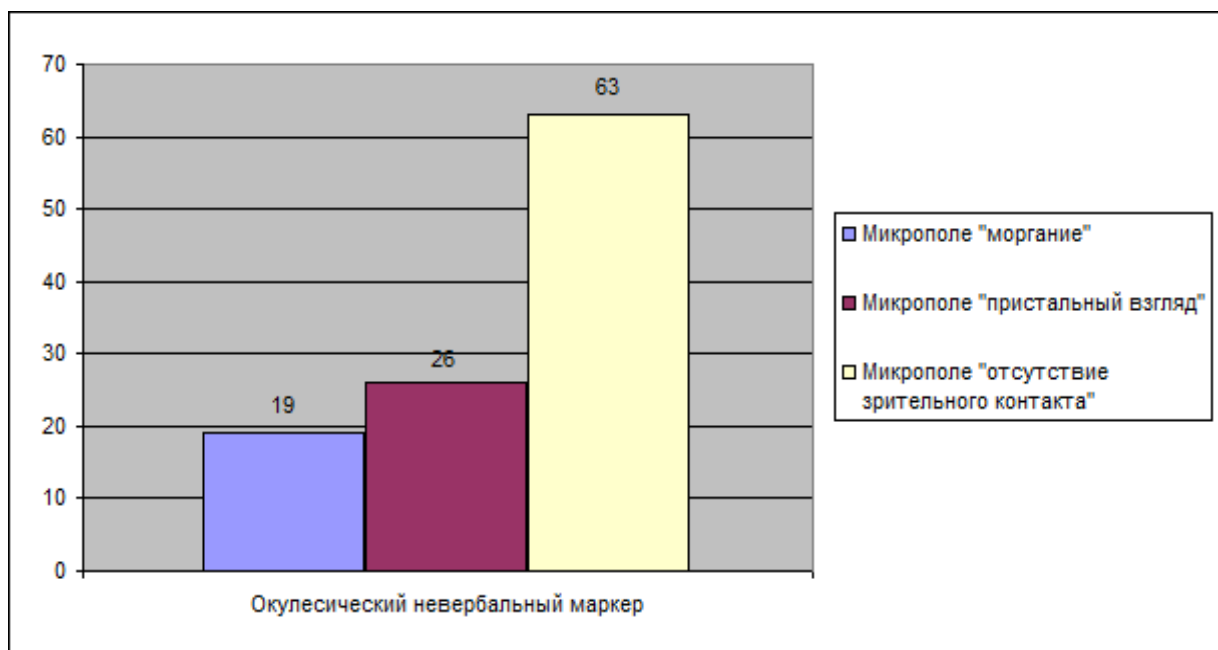
**Репрезентация *просодических* маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *регулятивного* типа**

Невербальный поведенческий код в просодическом аспекте в действиях лгущего персонажа регулятивного типа репрезентируется в большинстве случаев низким тоном голоса, ровным темпом речи, пониженной тембральной окраской голоса. Данные просодические характеристики находят подтверждение в следующих лексических эквивалентах, выраженных именами прилагательными, манифестирующих уверенность и спокойствие: *tieftönend klingen*, *überzeugt lügen*, *mit einem gleichbleibenden Ton antworten*.

Голосовое поведение лгущего персонажа регулятивного типа характеризуется меньшей степенью эмоциональной выразительности, что, в свою очередь, обусловлено способностью умело контролировать ритмико-интонационное оформление голоса.

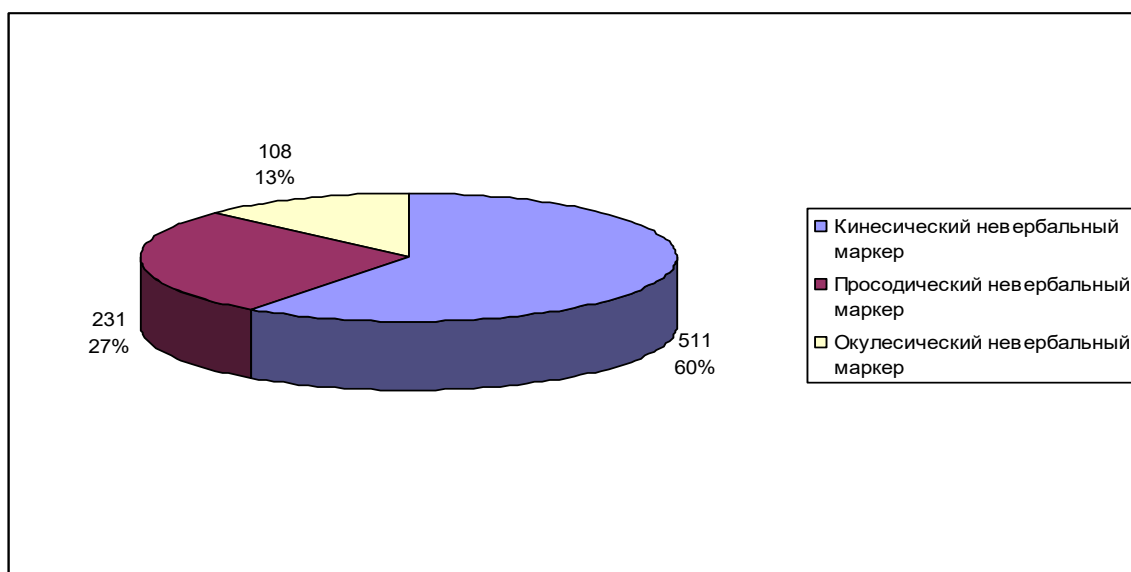
**Репрезентация *окулесических* маркеров лжи
в невербальном поведении
лгущего персонажа *регулятивного* типа**

Глазное поведение рассматриваемого лгущего персонажа отображается главным образом окулесическими маркерами, иллюстрирующими отсутствие зрительного контакта: *wegsehen, den **Blick** abwenden, zur Seite schauen, weggucken*.

В ситуации, когда лжец пытается сконцентрироваться на словах и своих дальнейших действиях, лжец зачастую уходит от зрительного контакта с собеседником, переключая тем самым своё внимание и фокусируя его на малоинформативные предметы окружающей среды. Несмотря на искусное контролирование телесных проявлений и голосовых характеристик, в невербальном поведении лгущего персонажа регулятивного типа в отдельных случаях возможна утечка окулесического компонента, служащая довольно объективным признаком для детекции лжи.

**Репрезентация невербальных маркеров лжи
лгущего персонажа *регулятивного* типа**

Невербальное поведение лгущего персонажа регулятивного типа находит заметное отражение в кинесических маркерах (60%). Изменения в голосе выражены менее убедительно в примерах и составляют 27%. Малочисленную группу образуют маркеры визуального поведения (13%) из общего числа выявленных соответствий.

Выводы по третьей главе

В представленном анализе репрезентируется описание невербального поведенческого кода лгущего персонажа в немецкоязычном художественном произведении. В процессе лингвистического исследования были проанализированы диалогические фрагменты, выявлены и верифицированы невербальные маркеры, описывающие поведение лгущего персонажа в ситуации лжи.

1. Установлено, что лгущий персонаж является одним из распространённых персонажей в немецкоязычной литературе. Важным фактором, влияющим на тип лгущего персонажа, являются исторический и социокультурный периоды. Анализ реализации автором невербального кода

лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе позволил установить и описать следующие типы лгущего персонажа: эмотивный, адаптивный и регулятивный.

2. Обосновано, что каждый из предложенных типов лгущего персонажа представляет собой синтез моральных, психологических и эмоциональных качеств и соотнесения их с реализацией невербального кода в процессе реализации ложного сообщения в коммуникации. Посредством невербального кода, иллюстрирующего поведение лгущего персонажа, автор произведения создаёт невербальный портрет лгущего персонажа.

3. Определено, что при описании эмотивного и адаптивного типов лгущего персонажа наблюдается некоторая схожесть в доминирующем выборе невербального кода – просодического. Однако для эмотивного типа характерен повышенный тон голоса и быстрый темп речи. Эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, свойственная эмотивному типу лгущего персонажа, способствует выражению в речи его чувств и намерений. У адаптивного типа лгущего персонажа отмечается, напротив, низкая тональность в голосе и ровный темп речи. Лгущий персонаж адаптивного типа весьма умело скрывает своё состояние, имитируя необходимое для конкретной ситуации поведение, управляет выражением лица и способен успешно контролировать голосовые модуляции. При характеристике невербального поведения регулятивного типа лгущего персонажа внимание авторов сконцентрировано преимущественно на кинесическом коде, т.е. на жестикуляции и телесных модуляциях. Лжец демонстрирует подобное поведение для самозащиты и подтверждения «мнимой» правдивости, для отслеживания и контроля невербальных сигналов, являющихся продолжением эмоциональных переживаний.

Проведённый анализ доказывает эффективность изучения и декодирования невербального поведенческого кода лгущего персонажа с

целью определения типа лжеца и глубинного понимания авторского замысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленной целью настоящего диссертационного исследования на материале немецкоязычной художественной литературы рассмотрены языковые средства, описывающие невербальное поведение лгущего персонажа. В результате проведённого диссертационного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Ложь является неотъемлемой частью социума, что находит подтверждение в теоретической литературе, жизненной практике и художественной литературе. Исследования ложного поведения персонажей художественной коммуникации свидетельствуют о рефлексивной способности индивидуума ко лжи, которую прививает ему и развивает социальная среда. Выступая коммуникативным феноменом, ложь получило дальнейшее теоретическое обоснование и развитие в ряде смежных наук: антропологии, лингвистике, социологии, психологии, философии. К изучению феномена лжи обращались еще античные физиогномисты и философы, рассматривавшие механизмы появления лжи в совокупности с индивидуально-психологическими особенностями личности. Антропология устанавливает факторы для проявления невербальных движений и прослеживает механику движения мышц, участвующих в осуществлении тех или иных невербальных манипуляций. Социология пытается выявить роли невербальных компонентов в организации социальных взаимоотношений. Психология, исследует паралингвистические явления, классифицируя их по градационному континууму в зависимости от невербального поведения личности.

2. Речевое взаимодействие между участниками коммуникативного акта без участия невербальных компонентов представить крайне сложно.

Совершенно очевидно, что наряду с акустическими средствами значимую роль играют компоненты неакустического или невербального канала. Невербальная коммуникация сопровождается наряду с лингвистическими средствами также и семиотическими знаками, дополняющими речевое поведение коммуниканта. Выявлено, что невербальное поведение коммуниканта выступает более надежным и достоверным методом выявления и обоснования ложного сообщения. Невербальные интеракции крайне сложно поддаются сознательному контролю. Декодировать ложные речевые акты следует обязательно с учетом взаимодействующих факторов, условий речевой ситуации и личностно-поведенческих кластеров коммуниканта. В качестве каналов невербального кода осуществления ложного высказывания выявлены кинесические, просодические и окулесические маркеры.

3. Невербальные средства выражения авторского присутствия в тексте художественного произведения заслуживают пристального исследовательского интереса. Автор и читатель в тесной кооперации создают единое творение, смысл которого постигается автором и читателем индивидуально. Инструментом для глубинного осмысления авторского замысла выступают невербальные компоненты поведения героев литературного текста в ситуации лжи.

4. Образ лгущего персонажа выступает композиционной структурой художественного произведения, а эволюция образа персонажа характеризует сюжетную динамику текста. Лгущий персонаж представляет собой синтез эмоциональных, умственных, физических и поведенческих характеристик, выраженных через его речь, поступки, портрет и поведение. Образ лгущего персонажа во многом культурно и национально детерминирован, обусловлен ментальной картиной времени и культуры, в которой разворачивается сюжет.

5. Невербальные сигналы классифицируются по эксплицитному и имплицитному смысловому воплощению в зависимости от выраженной или

сдержанной реализации невербального поведения лгущего персонажа. При описании ложного высказывания авторами активно используются кинесические невербальные маркеры, обогащающие эмоциональную составляющую информации. Телесные манипуляции и мимические иллюстрации крайне сложно поддаются контролю и очевидны в своём проявлении, поэтому они определяются как эксплицитные, эффективные маркеры изобличения лжи. Иным очевидным маркером манифестации ложного поведения выступают просодико-фонационные единицы общения. Для наиболее эффективной интерпретации невербального поведения коммуникантов посредством просодических компонентов авторами используются такие речевые характеристики, как тон и высота голоса, темп речи и отдельные голосовые неартикулируемые реакции с имплицитным воздействием. Это объясняется неосознанностью физиологических реакций и экспрессивностью звуковых жестов, для корректного верифицирования которых необходимо глубокое понимание содержательной канвы произведения. Визуальные невербальные знаки находят выражение в мигании, пристальном взгляде или же в отсутствии зрительного контакта. Оптические невербальные маркеры лжи, являясь эмотивными по своей природе, наиболее ёмко выражаются посредством эксплицитных окулесических маркеров.

6. Анализ реализации автором невербального кода лгущего персонажа в немецкоязычной художественной литературе позволил установить и описать следующие типы лгущего персонажа: эмотивный, адаптивный и регулятивный. Каждый из предложенных типов лгущего персонажа представляет собой синтез моральных, психологических и эмоциональных качеств и соотношения их с реализацией невербального кода в процессе реализации ложного сообщения в коммуникации. При описании эмотивного и адаптивного типов лгущего персонажа наблюдается некоторая схожесть в доминирующем выборе невербального кода — просодического. Однако для эмотивного типа характерен повышенный тон

голоса и быстрый темп речи. Эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, свойственная эмотивному типу лгущего персонажа, способствует выражению в речи его чувств и намерений. У адаптивного типа лгущего персонажа отмечается, напротив, низкая тональность в голосе и ровный темп речи. Лгущий персонаж адаптивного типа весьма умело скрывает своё состояние, имитируя необходимое для конкретной ситуации поведение, управляет выражением лица и способен успешно контролировать голосовые модуляции. При характеристике невербального поведения регулятивного типа лгущего персонажа внимание авторов сконцентрировано преимущественно на кинесическом коде, т.е. на жестике и телесных модуляциях. Лжец демонстрирует подобное поведение для самозащиты и подтверждения «мнимой» правдивости, для отслеживания и контроля невербальных сигналов, являющихся продолжением эмоциональных переживаний.

7. Выявление и анализ языковых средств, описывающих невербальный поведенческий код лгущего персонажа, всецело отвечает достижению целей и задач, обозначенных в диссертации. Прделанная работа способствует расширению круга исследуемых вопросов в области несловесного коммуникативного взаимодействия, систематизации невербальных маркеров, репрезентирующих ложное высказывание, осмыслению образа лгущего персонажа художественного текста и постижению заложенного авторского замысла.

Данная работа может представить практическую ценность для следующих направлений: теории языкознания, стилистики, лексикологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвистики лжи, литературоведении, межкультурной коммуникации. Дальнейшее исследование невербальных средств, описывающих поведение лгущего персонажа, представляется нам перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуазизова Д.А. Сравнительно-типологический анализ паралингвистических средств (на материале английской, узбекской и русской вербальной и невербальной коммуникации): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Абдуазизова Дурдона Абдузухуровна. – Ташкентский гос. ун-т им. М. Улугбека. – Ташкент, 1997. – 21 с.
2. Аданакова В.И. Паралингвизмы как индикаторы оценочности в художественном тексте. Стилистический анализ художественного текста / В.И. Аданакова. – Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 1988. – С. 22-28.
3. Аданакова В.И. Паралингвизмы и импликации в художественном тексте / В.И. Аданакова // Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий. - Барнаул: Изд-во гос. ун-та, 1990. – С. 3-10.
4. Андросова Ф.С. Формы авторского присутствия в художественном произведении / Ф.С. Андросова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №6 (48), часть 2. – С. 24-26.
5. Аристотель. Физиогномика / Цит. по Нахов И.М. Физиогномика как отражение способа типизации в античной литературе // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии, вып. IX. М. – 1987. – С. 69-89.
6. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Языки русской культуры, 1994. – С. 106-113.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 384 с.
8. Ахьямова И.А. Основные подходы к исследованию невербального поведения: история и современность / И.А. Ахьямова // Образование и наука. – 2009. – №7. – С. 122-130.

9. Баламакова М.В. Авторская интонация в тексте (стилистическая графика в фонетическом освещении): дисс. ... к. филол. наук: 10.02.04 / Баламакова Маргарита Вадимовна. – Иваново. – 1998. – 194 с.
10. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: семиотика и поэтика. – М.: Прогресс, 2001. – 615 с.
11. Бахтин М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_b/baht_postup.html.
12. Башарина А.К. Понятие «семиотическое поле» / А.К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2007. – Том 4. – Вып. 1. – С. 93-96.
13. Беглова В.Б. Лексика поля «кинесика» (на материале современного английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Беглова Виктория Борисовна. – Москва, 1996. – 16 с.
14. Безруков В.А. Методический аспект изучения невербальных компонентов коммуникации, реализуемых в состоянии сильного эмоционального напряжения / В.А. Безруков // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2016. – №1 (383). – С. 7-20.
15. Безуглая Л.Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры / Л. Р. Безуглая // Харьков: Жанры речи. – 2015. – №1 (11). – С. 30-37.
16. Беляева С.В., Кажуро С.К. Психология лжи и обмана / С.В. Беляева // Актуальные проблемы науки XXI века. Минский институт управления. – 2011. – С. 128-131.
17. Берзина Г.П. Языковые средства выражения concessивного значения в невербальных каналах коммуникации (на материале немецкого языка) / Г.П. Берзина // Вестник ИГЛУ. – 2013. – С. 57-64.
18. Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб.: Питер, 1997. – 224 с.
19. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.

20. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М: Высшая школа, 1983. – 320 с.
21. Булаева Н.Е., Бурова Е.А. О невербальных способах характеристики образов персонажей (на материале готической научной фантастики) / Н.Е. Булаева // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т.6, №3. – С. 203-210.
22. Булгакова О.Л. Фабрика жестов / О.Л. Булгакова. – М.: НЛО, 2005. – 304 с.
23. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование / Л.О. Бутакова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 322 с.
24. Вайзман Р. Странная логика наших поступков. Психология лжи и обмана. / Пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 285 с.
25. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
26. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
27. Валиулина С.В. Языковая репрезентация молчания в невербальном дискурсе / С.В. Валиулина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2 (62). – Т. 1. – С. 99-102.
28. Вахрамеева А.С. Импликации общего суждения в гендерно-ориентированных высказываниях (на материале современного английского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 9. – 2009. – Вып. 1. – Ч. II. – С. 59-64.
29. Вахтель Л.В. Психологические аспекты интерпретации произведения искусства / Л.В. Вахтель // Мир психологии: науч.-метод. журн. – 2009. – №3 (59). – С. 257-265.
30. Вашунина И.В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста: моногр. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2007. – 421 с.

31. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 900 с.
32. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жеста вербальными средствами (на материале русского языка) / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Вопр. Языкознания. – 1981. – №1. – С. 36-47.
33. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Филологический подход к соматическому языку / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и речь как объекты комплексного лингвистического анализа. – Калинин: Изд-во КГУ, 1981. – С. 60-78.
34. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
35. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. / Волкова Яна Александровна. – Волгоград, 2014. – 444 с.
36. Врыганова К.А. Философские и психологические основы невербальной коммуникации / К.А. Врыганова // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. 12. – №59/60. – С. 329-334.
37. Врыганова К.А. Языковая репрезентация феномена маскировки эмоций человека (на материале английских художественных текстов): дисс. канд. филол. наук: 10.02.04. / Врыганова Ксения Александровна. – Иванова, 2012. – 164 с.
38. Вундт В. Психология народов / В. Вундт. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastia, 2002. – 864 с.
39. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – М.: МГУ, 2004. – 512 с.
40. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: ЛКИ, 2008. – 144 с.

41. Ганина В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект (на материале англоязычных художественных текстов): дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Ганина Вера Владимировна. – Иваново, 2005. – 199 с.
42. Гацура Н.И. Особенности авторского сознания в разножанровых произведениях О. Хаксли // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: ВГПУ. – 2010. – №10. – С. 159-162.
43. Гласс Л. Все лгут. Как выявить обман по мимике и жестам / Л. Гласс. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 142 с.
44. Гленн В. Язык жестов / В. Гленн. – СПб, 2001. – 211 с.
45. Голованова И.А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект: дисс. канд. филол. наук / И.А. Голованова. – Новосибирск, 2009. – 206 с.
46. Горбенко В.Д. Невербальные компоненты коммуникации как средство выражения модально-оценочного значения достоверности (на материале русской художественной прозы XIX-XXI вв.): дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 / Горбенко Виктория Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2007. – 209 с.
47. Горелов И.Н. Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты / И.Н. Горелов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 96-114.
48. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М., 1980. – 104 с.
49. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак: рассказы о невербальной коммуникации / И.Н. Горелов, В.Ф. Енгальчев. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 240 с.
50. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / И.Н. Горелов // Вопросы психолингвистики. – М.: МГУ, 2003. – №1. – С. 13-18.

51. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / Отв. ред. В.Н. Ярцева; Предисл. В.И. Карасика. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 112 с.
52. Гранин Д.А. Собственное мнение [Электронный ресурс] / Д.А. Гранин. – Режим доступа: <https://filosoff.org/granikdaniel/wp-content/uploads/sites/324/2020/04/sobstvennoe-mnenie-daniil-aleksandrovich-granin.pdf>.
53. Грачёв Г.В. Манипулирование личностью / Г.В. Грачёв, И.К. Мельник. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. – 384 с.
54. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания / Г.Ч. Гусейнов // Вопросы философии. – 1989. – №11. – С. 64-76.
55. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб.: Питер, 2001. – 365 с.
56. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 375 с.
57. Дмитриева Ю.В. Невербальная семиотика и ее отражение лексико-фразеологическими средствами языка: дисс к. филол. наук: 10.02.20 / Дмитриева Ю.В. – М., 2013. – 452 с.
58. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
59. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ / Д.И. Дубровский. – М.: Канон, 2010. – 336 с.
60. Ермакова Е.В. Восприятие имплицитности в художественном тексте / Е.В. Ермакова // Известия Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2009. – Т. 9. – С. 52-55.
61. Журтова О.А. Роль авторской графики в просодической реализации информационной структуры художественного текста (на материале англоязычной художественной прозы второй половины XX века): дисс. ... к. филол. наук: 10.02.04 / Журтова О.А. – М., 2005. – 185 с.

62. Заика В.И. Лингвистический анализ художественного текста и понятие нетранзитивности / В.И. Заика // Функциональная лингвистика: Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации. Материалы конференции. – Симферополь: Доля. – 2003. – С. 120-122.
63. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9-16.
64. Знаков В.В. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана: Послесловие к кн.: Экман П. Психология лжи / В.В. Знаков. СПб.: Питер, 2000. – С. 243-268.
65. Зорина Е.С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования (на материале сборника рассказов В. Набокова «Весна в Фиальте»): дисс. ... к. филол. наук: 10.02.01 / Зорина Екатерина Сергеевна. – СПб., 2005. – 195 с.
66. Зуева Е.А. Паралингвистика и языковое общение / Е.А. Зуева // Филологические исследования. Междунар. сб. науч. Трудов. Вып. 2. – Белгород-Запорожье: ЗЮИ, 2003. – С. 52-55.
67. Зуева Е.А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы: дисс. канд. филол. наук / Е.А. Зуева. – Белгород, 2005. – 162 с.
68. Зуева Е.А. Проблема классификации невербальных средств коммуникации в отечественной науке о языке / Е.А. Зуева // Филологические науки. Альманах современной науки и образования. – Белгород. – 2013. – №8 (75). – С. 82-84.
69. Иванова Ю.В. Паралингвистические элементы художественного текста: на материале французской прозы XX-XXI веков: дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.05. / Иванова Юлия Витальевна. – Смоленск, 2009. – 357 с.

70. Изард К.Е. Эмоции человека / пер. с англ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 440 с.
71. Изард К.Е. Психология эмоций / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 446 с.
72. Изотова Н.В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А.П. Чехова. / Н.В. Изотова. – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2006. – 60 с.
73. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
74. Инубуси Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: дис. ...канд. фил. наук: 10.02.19. / Й. Инубуси. – М., 2002. – 197 с.
75. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб.: Изд. Фирма РАН, 1995. – 528 с.
76. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, – Волгоград: Перемена. 2004. – 476 с.
77. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения / В.И. Карасик // Язык vs. Социум: XXI век: коллективная монография/ гл. ред. Н.В. Юдина. – М., - Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – С. 178-183.
78. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
79. Катермина В.В. Художественный образ: функции и характеристики / В.В. Катермина, М.И. Рутти // Материалы VII Всероссийской научной конференции. Континуальность и дискретность в языке и речи. – Краснодар: издательство КГУ, 2019. – С. 57-60.
80. Кнапп М.Л. Невербальные коммуникации / М.Л. Кнапп // Наука. – М., 1978. – С. 308.
81. Колшанский Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2010. – 96 с.

82. Копытов О.Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ. – 2010. – №334. – С. 11-14.
83. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
84. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
85. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста / Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Г.Е. Крейдлин. – М., 1999. – С. 170-185.
86. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи / Г. Е. Крейдлин. Язык о языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 453-501.
87. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 581 с.
88. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 223 с.
89. Крейдлин Г.Е. Иконические жесты в дискурсе / Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 2006. – №4. – С. 46-56.
90. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II А. Дейктические жесты и их типы / Г.Е. Крейдлин // Труды международной конференции «“Диалог 2007“»: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». – М., 2007. – С. 300-327.
91. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты / Г.Е. Крейдлин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции) «Диалог 2007» (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.). – М. – Вып. 7 (14). – С. 248-253.

92. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Основные противопоставления на множестве телесных звуков / Г.Е. Крейдлин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2011. – №11(73). – С. 80-101.
93. Крестинский С.В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации / С.В. Крестинский // Тверской лингвистические меридиан: Теоретический сборник. – Вып. 1 / под ред. И.П. Сусова. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – С. 74-79.
94. Крогиус Н.В. Правда о лжи: проблема рефлексии / Н.В. Крогиус // Известия Саратовского ун-та. Т 9. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Вып. 3. – С. 105-110.
95. Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 356 с.
96. Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Кубинова Йитка. – М., 2002. – 177 с.
97. Кудинова Е.С. Взаимодействие невербальных и речевых характеристик в процессе коммуникации / Е.С. Кудинова // Вестник МГЛУ. – 2010. – 1 (580). – С. 55-78.
98. Куликова Э.Г. Имплицитные языковые средства в художественном тексте: формирование подтекста / Э.Г. Куликова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство Грамота, 2016. – №5 (59). – С. 114-117.
99. Лабунская В.А. Невербальное поведение / А. В. Лабунская. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 1986. – 136 с.
100. Лабунская В.А. Проблемы обучения интерпретации – кодированию невербального поведения / В.А. Лабунская. – М.: Психологический журнал. – 1997. – №5. – С. 84-94.

101. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности / В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 344 с.
102. Лагун А.Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании / А.Е. Лагун // Социологические исследования. – 2004. – №2. – С. 115-123.
103. Лазутова Л.А. Вербальные и невербальные средства выражения концепта «молчание» в немецком языке / Л.А. Лазутова, Е.А. Левина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – С. 124-126.
104. Ленец А.В. Прагматика лжи/ А.В. Ленец. – Ростов-н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 284 с.
105. Ленец А.В. Структура и функции лжи с позиции лингвистики / А.В. Ленец // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. Серия Филологические науки. – Волгоград: ВГПУ. – 2008а. – №7 (31). – С. 15-19.
106. Ленец А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты: дисс. докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Ленец А.В. – Ростов-на-Дону, 2010. – 392 с.
107. Ленец А.В. Ложь в коммуникации как нарушение прагматических правил принципа кооперации / А.В. Ленец // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль: ЯГПУ. – 2016. – № 4. – С. 105-108.
108. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – 308 с.
109. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 297 с.

110. Леонтьева Т.И. Ложь: типы и средства выражения: монография / под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд. филол. наук О.Н. Гнездечко; Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 188 с.
111. Леонтьева Т.Т. Вербально-невербальный контекст ложных высказываний (на материале художественных произведений английской и американской литературы XX в.) / Т.Т. Леонтьева, Л.А. Датчер, О.В. Филиппова // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – Владивосток. – 2011. – № 2 (14). – С. 101-110.
112. Литвинова Т.А. «Банк лжи»: корпус для исследования языковых особенностей текстов, содержащих намеренно искаженную информацию / Т.А. Литвинова // Язык как система и деятельность. Материалы Межд. научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – С. 171-172.
113. Лотман Ю.М. Избранные статьи // Избранные статьи, т. 1. – Таллин, 1992. – С. 203-216.
114. Лурия А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле / А.Р. Лурия // Сов. право. – 1927. – №2 (26). – С. 11-15.
115. Лыкова О.В. Просодические и акустические индикаторы лжи в голосе / О.В. Лыкова // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. МГЛУ. Выпуск 1. – 2017. – С. 182-189.
116. Малышкина М.В. Как распознать лжеца по языку жестов. Практическое руководство для тех, кто не хочет быть обманутым / М.В. Малышкина. – М.: АСТ, Сова, 2012. – 224 с.
117. Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения / А. Меграбян. – СПб.: Речь, 2001. – 256 с.
118. Мелитан К. Психология лжи / К. Мелитан. – М.: Изд-во А. Сомова, 1903. – 214 с.

119. Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста: дис. док. фил. наук: 10.02.05 / Мельничук Ольга Алексеевна. – М., 2002. – 323 с.
120. Мудрая О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка (на материале сравнения русского языка с английским): автореф. дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Мудрая О.В. – М., 1995. – 16 с.
121. Музычук Т.Л. Маркер эмоционального состояния и его языковая репрезентация в невербальном речевом дискурсе художественной прозы / Т.Л. Музычук // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 9. – Вып. 3. – С. 166-173.
122. Никашидзе Н.В. Кинесика и её вербальное выражение в характеристике персонажей художественного произведения: на материале англо-американской художественной прозы XX века: дис. канд. фил. наук: 10.02.04 / Никашидзе Нино Валерьяновна. – М., 1981. – 156 с.
123. Николаева Т.М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский// Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1966. – С. 63-74.
124. Николаева Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 2000. – 688 с.
125. Ниренберг Дж. Читать человека как книгу / Дж. Ниренберг, Г. Калеро. – М.: Экономика, 1990. – 48 с.
126. Панченко Н.Н. Ложь в коммуникации [Электронный ресурс] / Н.Н. Панченко // Лаборатория коммуникативных исследований ВГПУ. – Режим доступа: <http://communication.vspu.ru/panch.html>.
127. Петрякова А.Г. Культура речи / А.Г. Петрякова. – М.: Флинта, 2006. – 489 с.
128. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам / А. Пиз. – М.: ЭКСМО, 2010. – 278 с.

129. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С.Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
130. Поваляева М.А. Невербальные средства общения / М.А. Поваляева, О.А. Рутер. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 352 с.
131. Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: дис. кан. фил. наук : 10.02.21 / Попчук О.М. – М., 2006. – 254 с.
132. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика / Р.К. Потапова. – М., 1997. – 67 с.
133. Радищева В.О. Концепт «Lüge» («Ложь») в немецкой лингвокультуре: дис. кан. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Радищева В.О. – Ростов-н/Д, 2017. – 190 с.
134. Ренц Т.Г. Романтический дискурс в коммуникативно-семиотической парадигме / Т.Г. Ренц // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2011. – №25 (240). – С. 138-142.
135. Ривера А. Как понять, что вам врут / А. Ривера. – М.: Изд. Креатив Джоб, 2013. – 50 с.
136. Романова Н.М., Самохина М.А. Ложь и невербальное поведение / Н.М. Романова, М.А. Самохина // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент: материалы Региональной научн.-практ. конф. – Саратов, 2007. – С. 257-263.
137. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 713 с.
138. Руденский Е.В. Социальная психология / Е.В. Руденский. М.: Изд. дом ИНФРА-М, 1997. – 221 с.
139. Русина Е.А. Сравнительный анализ параязыковых явлений в русских и английских художественных текстах: автореф. канд. филол. наук: 10.02.01 / Русина Е.А. – Курск, 2002. – 16 с.

140. Секацкий А.К. Онтология лжи / А.К. Секацкий. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 120 с.
141. Серякова И.И. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности языковых единиц, описывающих невербальное средство коммуникации «голос» в современном английском языке: дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Серякова И.И. – Киев, 1987. – 182 с.
142. Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений / С.И. Симоненко // Вопросы психологии. – 1998. – №3. – С. 78-84.
143. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы Языкознания. – 2005. – №6. – С. 115-123.
144. Спирица Е.В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца / Е.В. Спирица. – СПб.: Питер, 2017. – 272 с.
145. Стародубова О.Ю. Анатомия текста (авторская модальность как доминирующая категория эпохи антропоцентризма) / О.Ю. Стародубова // Язык и культура. – 2014. – №13. – С. 144-152.
146. Степанов Г.В. Несколько замечаний о специфике художественного текста. / Г.В. Степанов // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1976. – 226 с.
147. Стернин И.А. Выявление скрытых смыслов текста и лингвистическая экспертиза // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве. – Ярославль. – 2012. – Т.2. – С. 270-272.
148. Тарасов А.Н. Психология лжи / А.Н. Тарасов. – М.: Кн. Мир, 2005. – 327 с.
149. Тахтарова С.С. Феномен языковой личности персонажа (на материале романа Энтони Бёрджесса «Однорукий аплодисмент») / С.С. Тахтарова, Д.В. Павлов // Известия ВГПУ. Филологические науки. – Волгоград, 2021. – С. 198-202.

150. Уолтерс С.Б. Правда про ложь / Пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Эксмо, 2010. – 272 с.
151. Уотсон Д. Психология как наука о поведении / Д. Уотсон. – М. – Л., 1926. – 701 с.
152. Филиппов А.В. Звуковой язык и «язык» жестов / А.В. Филиппов // Лингвистический сборник. Вып. III. М.: МОПИ, 1975. – С. 14-33.
153. Филиппова О.В. К вопросу о классификации различных средств выражения искажения действительности / О.В. Филиппова // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – №2. – С. 9-31.
154. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. / Пер. с англ. А. Ершова, О. Исако-Кулаков, Н. Миронов, А. Смирнов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 284 с.
155. Хачмафова З.Р. Индивидуальная лексическая система женского персонажа как средство экспликации женской языковой личности в художественном тексте / З.Р. Хачмафова // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №2 (62). – С. 111-116.
156. Хачмафова З.Р. Репрезентация эмоционального состояния женского персонажа в вербальном и невербальном аспектах коммуникации/ З.Р. Хачмафова, Е.В. Чупракова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – №1 (192). – С. 126-130.
157. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование / Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова. – М.: РИА, 1998. – 268 с.
158. Ценёв В. Язык политических телодвижений / В. Ценёв. – 2003. – 62 с.
159. Чанышева З.З. Лексические средства обозначения паралингвистических компонентов речи в современном английском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Чанышева З.З. – М., 1979. – 223 с.

160. Чанышева З.З. Перевод невербальных факторов в интерпретации высказываний / З.З. Чанышева // Семантика языковых единиц и ее роль в интерпретации текста: межвуз. науч. сб. – М., 1996. – С. 108-112.
161. Чепанова Е.И. Прагматические функции акта молчания как элемента коммуникации (на материале современного немецкого языка) / Е.И. Чепанова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №18 (89). – С. 167-174.
162. Шабанова Я.В. Речевой акт «Молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации / Я.В. Шабанова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж. – 2007. Выпуск 7. – С. 183-192.
163. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В.И. Шаховский // НДВШ: Филологические науки. – 1998. – №2. – С. 59-65.
164. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. / В.И. Шаховский. – Волгоград, 2005. – 203 с.
165. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В.И. Шаховский. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 172 с.
166. Шашкина О.Г. Роль речевого голоса и кинесических средств в реализации национально-культурной специфики эмоционального реагирования (на материале художественной литературы): дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 / Шашкина О.Г. – Москва, 2006. – 178 с.
167. Шевандрин Н.И. Основы психологической диагностики / Н.И. Шевандрин. – М.: Владос, 2003. – 288 с.
168. Шевченко А.И. Роль невербальных средств коммуникации в создании имплицитных содержаний в художественном тексте / А.И. Шевченко. Запорож. гос. ун-т. – Запорожье, 1998. – 17 с.

169. Штерн В. Изучение свидетельских показаний / В. Штерн // Проблемы психологии: Вып. 1: Ложь и свидетельские показания. Сборник. Пг.: Ред.-изд. Н. Н. Колчев. – 1922. – С. 40-72.
170. Щербатых Ю.В. Искусство обмана / Ю.В. Щербатых. – СПб., 2005. – 685 с.
171. Экман П. Психология лжи / П. Экман. – СПб.: Питер, 2010. – 272 с.
172. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста: [пер. с англ. С.Д. Серебряного]. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.
173. Ю Е.Д. Кодирование и декодирование невербального дискурса в литературной коммуникации. / Е.Д. Ю // Вестник ИрГТУ. – 2011. – №4 (51). – С. 293-296.
174. Юшманов Н.В. Экстранормальная фонетика / Рукопись. Архив АН СССР, ф. 77, оп. 5, №251, 1946.
175. Якобсон Р. Да и нет в мимике / Р. Якобсон // Язык и человек. М.: МГУ, 1970. – С. 284-289.
176. Яковлева Е.В. Просодические образы в английской речи: дисс. док. филол. наук: 10.02.04 / Яковлева Е.В. – М., 2002. – 396 с.
177. Aboudan R., Beattie G.W. Kreuz-kulturelle Ähnlichkeiten in den Gesten: Das tiefe Verhältnis zwischen Gesten und Rede, die Sprachbarrieren überschreitet II Semiotica. – Berlin; N.Y. – 1999. – Vol.111. – S. 269-294.
178. Adler R.B., Proctor R.F., II Looking out, Looking in [Текст] / R.B. Adler, R.F., II Proctor. – Australia; Boston: Wadsworth/Cengage Learning, 2010. – 462 p.
179. Allwood J. Bodily communication dimensions of expression and content // Multimodality in language and speech systems. Dordrecht: Kluwer academic publishers, 2002. – 249 p.
180. Argyle M., Ingham R. Gaze, Mutual Gaze and Proximity // Semiotika. – 1972. – No. 6. – P. 32-49.

181. Arico A.J., Fallis D. Lies, damned lies and statistics: An empirical investigation of the concept of lying // *Philosophical Psychology*. – 2013. – Vol. 26. – Issue 6. – P. 790-816.
182. Birdwhistell R.L. Introduction to Kinesics // University of Louisville Press, 1952. – 287 p.
183. Bowden M. Winning Body Language. – N.Y.: The McGraw Hill Companies, 2010. – 234 p.
184. Brosnahan L. Russian and English Nonverbal Communication. Moscow: Bilingua, 1998. – 120 p.
185. Castelfranchi Cr. Lying as pretending to give information / Cr. Castelfranchi, I. Poggi // *Pretending to communicate* / H. Parrel – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1994. – P. 276-291.
186. Chernigovskaya T.V. Olfactory and visual processing and verbalization: Cross-cultural and neurosemiotic dimensions / T.V. Chernigovskaya, V.V. Arshavsky // *Speaking of colors and odors*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2007. – P. 227-238.
187. Crystal D. The English tone of voice. Essays in intonation, prosody and paralanguage. – London: Arnold, 1975. – 198 p.
188. Da Silva C.S., Leach A.-M. Detecting deception in second-language speakers // *Legal & Criminological Psychology*. – 2013. – Vol. 18. – Issue 1. – P. 115-127.
189. DePaulo B.M., Kashy D.A, Kirkendol S.E., Wyer M.M, Epstein J.A. Lying in everyday life // *Journal of Personality and Social Psychology*, 70. – 1996. – P. 979-995.
190. DePaulo B.M., Kashy D.A. Everyday lies in close and casual relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*, 74. – 1998. – P. 63-79.
191. DeVito J.A. Human communication: The basic course [Текст] / J.A. DeVito. – Boston; London: Pearson/Allyn & Bacon, 2005. – 480 p.

192. Efron G. *Gesture and environment* / G. Efron. – N.-Y.: King's Crown Press, 1941. – 214 p.
193. Ekman P. *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics and Marriage*. 2nd ed. London: W. W. Norton Company, 2001. – 390 p.
194. Ekman P., Friesen W.V., Scherer K.R. Body movement and voice pitch in deceptive interaction / P. Ekman, W.V. Friesen, K.R. Scherer // *Semiotica*. – 1976. – №16. – P. 23-27.
195. Ellsberg M. *The Power of Eye Contact*. – N. Y.: HarperCollins Publishers Inc., 2010. – 272 p.
196. Emerson R. *The conduct of life*. University Press of America, 2006. – 163 p.
197. Falkenberg G. *Lügen: Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung* / G. Falkeberg. – Tübingen: Niemeyer, 1982. – S. 140.
198. Fast J. *Body language*. N.-Y.: Mr. Evans & Co., 1989. – 186 p.
199. Feldman R.S. (Ed.) *Applications of nonverbal behavioral theories and research*. Hills-dale, NJ: Erlbaum, 1992. – 322 p.
200. Giese, B. *Untersuchungen zur sprachlichen Täuschung* / B. Giese. – Tübingen, 1992. – S. 187.
201. Gilbert D.T., Malone P.S., Krull D.S. Unbelieving the Unbelievable: Some Problems in the Rejection of False Information // *Journal of Personality & Social Psychology*. – 1990. – Vol. 59. – Issue 4. – P. 593-613.
202. Goffman E. *Verhalten in sozialen Situationen. Strukturen und Regeln der Interaktion im öffentlichen Raum*. - Gütersloh: Bertelsmann, 1971. – 187 S.
203. Greeley B. *The two-thousand-yard stares*. Texas: A&M University Press, 2008. – 227 p.
204. Hall E.T. *The Hidden Dimension*. – N. Y.: Doubleday, 1966. – 270 p.
205. Hall E.T. *The Silent Language*. – N. Y.: Doubleday, 1959. – 248 p.
206. Hall J. A. *An Introduction to the Study of Nonverbal Communication* // *Nonverbal Communication in Human Interaction* / ed. By M. L. Knapp, J. A. Hall, T. G. Horgan. 8th ed. Boston: Wadworth Cengage Learning, 2014. – P. 1-28.

207. Hann U. Interkulturelle Kommunikation und Lüge. Beobachtungen zur gesprochenen Sprache im kulturellen Dialog // German Studies in India. – 1986. – №10. – S. 100.
208. Harwood J. Easy Lies // Journal of Language & Social Psychology. – 2014. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 405-410.
209. Heringer H-J. Über die Mannigfaltigkeit der Lügenbeine / H-J. Heringer. Mannheim; Wien; Zürich: Oudenverlag, 1990. – 34 S.
210. Hill A. Introduction to linguistic structures. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1958. – P. 496.
211. Kendon A. Gesture and speech: How they interact II Nonverbal interaction. – Beverly Hills, C.A.: Sage Publications, 1983. – P. 156-168.
212. Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal Communication in Human Interaction. 8th ed. Boston: Wadworth Cengage Learning, 2014. – 510 p.
213. Kümmerling-Meibauer B. Lying and the Arts. The Oxford Handbook of Lying (edited by Jörg Meibauer). OXFORD University Press, 2019. 688 p.
214. Leonhard K. Der menschliche Ausdruck in der Mimik, Gestik und Phonetik. -Leipzig: Enzyklopädie, 1976. – 369 S.
215. Malpas J. Truth, Lies and Deceit: On Ethics in Contemporary Public Life // International Journal of Applied Philosophy. – 2008. – Vol. 22. – Issue 1. – P. 1-12.
216. Meibauer J. Lying and falsely implicating [Text] / J. Meibauer // Journal of Pragmatics. – 2005. – 37. – S. 1373-1399.
217. Metzler Literatur Lexikon: Begriffe u. Definitionen/ Hrsg. Von Günther und Irmgard Schweikle. 2. Aufl. Stuttgart: Metzler, 1990. 525 S.
218. Morris D. Das Tier Mensch / D. Morris. – Köln: Vgs Verlagsgesellschaft, 1994. – 223 S.
219. Morris D. The naked ape: A zoologist's study of the human animal. 1971. – 320 p.

220. Müller-Fraureuth C. Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen/
Carl Müller-Fraureuth. – Reprographischer Nachdruck der Ausgabe 1881.
Tübingen: Olms Hildesheim, 1965. 142 S.
221. Nespor M., I. Vogel. 1986. Prosodic Phonology. Dordrecht: Foris. – 327 p.
222. Patterson M.L. More than words: the power of nonverbal communication /
M.L. Patterson. – Aresta, 2011. – 222 p.
223. Pease A.V., Garner A. Talk language. How to use conversation for profit
and pleasure. Camel Publishing. Sydney, 1985. – 186 p.
224. Petzi E. Eduard Mörikes Kunst der schönen Täuschung- Frankfurt/Main;
Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2004. 315 S.
225. Porter S., Yuille J.C. The language of deceit: An investigation of the verbal
clues to deception in the interrogation context. Law and Human Behavior. –
1996. – Vol. 20. – P. 443-459.
226. Potapova R., Lykova O. Verbal Representation of Lies in Russia and Anglo-
American Cultures // Procedia. Social and Behavioral Sciences 236, 2016. –
P. 114-118.
227. Robinson G. What Lies Outside Language? // Philosophical Investigations.
– 2000. – Vol. 23. – Issue 4. – P. 279-291.
228. Rosenzweig R. Nicht wahr?! Sinneskanäle, Hirnwindungen und Grenzen der
Wahrnehmung / R. Rosenzweig. – Paderborn: Mentis Verlag GmbH, 2009.
– 284 S.
229. Scherer K.R. Die Funktionen des nonverbalen Verhaltens im Gespräch II
Gesprächsanalysen: Vorträge, gehalten anlässlich d. 5. Kolloquiums d. Inst,
für Kommunikationsforschung u. Phonetik, 14.-16. Oktober 1976. –
Hamburg, 1977. – S. 275-297.
230. Schönher B. Syntax Prosodie – nonverbal Kommunikation: empirische
Untersuchungen zur Interaktion sprachlicher und parasprachlicher
Ausdrucksmittel im Gespräch. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – 178 S.
231. Selkirk E. 1984. Phonology and Syntax. The Relation between Sound and
Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. – 475 p.

232. Stiegnitz P. Die Lüge – das Salz des Lebens: ein Essay / P. Stiegnitz. – Wien, 1997. – 182 S.
233. Trager G. Paralanguage: a first approximation // Studies linguist. – 1958. – P. 1-12.
234. Vincent, J. On the art of deception: How to lie while saying the truth. J. Vincent, C. Castelfranchi // Possibilities and limitations of pragmatics: Proceedings of conference on pragmatics (Urbino, July 8-14, 1979). – Amsterdam, 1979. – P. 749-777.
235. Zuckerman M., DePaulo B., Rosental R. Verbal and nonverbal communication of deception / Advances in experimental social psychology. – 1981. – V. 14. – P. 1-57.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Большой немецко-русский словарь. - 8-е изд., стереотип. — М.: Русск. язык, 2001. – 1040 с.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.b-e-s.ru>
4. Жесты и мимика в русской разговорной речи. Лингвострановедческий словарь / Сост. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. – М.: Русск. язык, 1991. – 145 с.
5. Немецко-русский синонимический словарь / Сост. И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.
6. Немецко-русский словарь речевого общения. – 4-е изд., стереотип. – М.: Руск. язык, 2001. – 323 с.
7. Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск.: Книжный дом, 2010. – 433 с.

8. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
9. Психология. Словарь / Под общ. ред А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. – 461 с.
10. Психологический словарь / Под общ. ред. П.С. Гуревича. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 700 с.
11. Российская политическая энциклопедия / Репина Л.П. – М., 2002. – 352 с.
12. Словарь русского языка / Ожегов С.И. – 7-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 900 с.
13. Словарь лингвистических терминов / Сост. Ахманова О.С. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
14. Словарь языка русских жестов / Сост. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
15. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: инфра, 2003. – 576 с.
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
17. Wahring G. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – München: Mosaik, 1991. – 1493 S.
18. Wilpert G. Sachwörterbuch der Literatur/ Gero von Wilpert. Aufl. – Stuttgart: Kröner, 2001. 1054 S.